

INSPIRIA

Людмила
Райли

Семь Сестер

Сестра тени

INSPIRIA

Люсинда Райли
Семь сестер. Сестра тени
Серия «Семь сестер. Мировые
хиты Люсинды Райли», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73932432

Семь сестер. Сестра тени: Эксмо;

ISBN 78-5-04-113626-0

Аннотация

Астеропа Деллеси, или просто Стар, как называют ее близкие, стоит перед непростым выбором. Всю жизнь она была неразлучна с младшей сестрой Сиси, они вместе путешествовали и строили планы на будущее.

Но смерть Па Солта, приемного отца, сильно повлияла на Стар. Па Солт оставил ей подсказки, разгадав которые Стар сможет бесповоротно изменить свою жизнь и отыскать истинную семью.

Так Стар оказывается в Лондоне, отправной точке своего долгого путешествия.

Ее ждут аристократы прошлого, истории о любви и таланте, невероятный Озерный край, а также встреча с кем-то очень важным. Встреча, которая изменит все.

Как Люсинде Райли удалось стать одной из главных звезд романтической прозы? Узнаете из статьи в [ЛитРес: Журнале](#)

Содержание

Часть I	5
Действующие лица романа:	6
Стар	7
1	8
2	27
3	52
4	65
5	82
6	115
7	142
8	183
Флора	214
9	214
10	234
Конец ознакомительного фрагмента.	246

Люсинда Райли

Семь сестер

Сестра тени

Lucinda Riley

THE SHADOW SISTER

Copyright © Lucinda Riley, 2016

© Красневская З., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Издательство

«Эксмо», 2025

Часть I

*Но опасайтесь слитности своей,
Ветрам небес оставьте промежуток,
И пусть они танцуют между вами.*

Халиль Джебран. «Пророк»¹

¹ Перевод Юрия Сапожкова.

Действующие лица романа:

Атлантис

Па Солт (Папа-Соль) – приемный отец сестер (умер)

Марина (Ма) – гувернантка сестер

Клавдия – экономка

Георг Гофман – нотариус Па Солта

Кристиан – шкипер, капитан катера

Сестры Деплеси Плеяды

(Получили свои имена в честь семи звезд, входящих в созвездие Плеяд)

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

Тигги (Тайгете)

Электра

Меропа (отсутствует)

Стар Июль 2007 года

Astrantia major

(Астранция крупная, или Звездовка большая, – семейство Зонтичные)

Название растения происходит от латинского слова «звезда»

До конца своих дней буду помнить, где находилась и чем занималась в тот самый момент, когда мне сообщили о смерти отца...

Перо мое зависло над чистым листом бумаги, а сама я, прищурившись, глядела на июльское солнце. Точнее, на скромные лучики, которым удалось пробиться сквозь стену из красного кирпича в нескольких ярдах от меня и просочиться в окно. Все окна нашей крохотной квартирки упирались в эту глухую стену, а потому даже сегодня, несмотря на прекрасную солнечную погоду на улице, в квартире было темно. Как же это непохоже на Атлантис, дом моего детства на берегу Женевского озера.

Помнится, я застыла на месте как вкопанная, когда Сиси возникла на пороге нашей маленькой и довольно убогой гостиной, чтобы сообщить мне страшную новость: Па Солт умер.

Я положила ручку на стол и поднялась, чтобы налить себе из-под крана стакан воды. Вода была тепловатой на вкус и даже слегка вязкой, что и неудивительно в такую-то жару, но я осушила стакан залпом, с жадностью и до дна, при этом отлично осознавая, что мне совсем не хотелось пить. Наверное, в то мгновение мне надо было хоть чем-то заглушить свою боль, растворить ее в воде, что ли. Кстати, интересную

мысль подкинула мне позже Тигги, моя младшая сестра, когда мы встретились с ней уже в Атлантисе, куда собрались, получив известие о смерти отца.

– Моя дорогая Стар, – сказала она мне, когда мы вместе с остальными сестрами отправились покататься на катере по Женевскому озеру, чтобы хоть как-то отвлечься от невеселых мыслей и забыть на какое-то время о постигшем всех нас горе. – Знаю, тебе сейчас очень трудно говорить о собственных чувствах. Понимаю всю глубину твоей боли. А что, если ты попытаешься излить все обуревающие тебя чувства на бумаге? Попробуй, мой тебе совет. Вдруг получится что-то стоящее.

Пару недель тому назад, возвращаясь домой из Атлантисы, я уже на борту самолета вдруг вспомнила слова Тигги. И вот сегодня утром наконец решилась приступить к исполнению ее наказа.

Я снова вперила взор в кирпичную стену и подумала, что эта глухая стена как нельзя лучше иллюстрирует мою нынешнюю жизнь. Отличная метафора, улыбнулась я собственным невеселым мыслям и перевела взгляд на выщербленный деревянный стол, который наш скаредный хозяин наверняка подобрал на какой-нибудь свалке или бесплатно заполучил в магазинчике, торгующем подержанными вещами. Я уселась за стол и взяла элегантную перьевую ручку, подарок Па Солта на мой двадцать первый день рождения.

– Но начну я точно не со смерти папы, – произнесла я

вслух, обращаясь сама к себе. – Нет, я начну с того момента, как мы с Сиси приехали сюда, в Лондон...

Громко хлопнула входная дверь. Моя сестра Сиси. Она ведь ничего не умеет делать тихо. Глядя на нее со стороны, складывается впечатление, что взять чашку с кофе и просто поставить ее на стол выше ее сил. Нет, надо обязательно громко стукнуть чашкой о поверхность стола, попутно расплескав вокруг все содержимое. А еще, как мне кажется, Сиси и понятия не имеет, как следует разговаривать в помещении. Всенепременно станет кричать во все горло, на полную мощь своих легких. И так было всегда, сколько я себя помню. Когда мы были маленькими, Ма даже решила проверить, все ли у малышки в порядке со слухом. Разумеется, все было в полном порядке. Более того, у Сиси оказался на редкость превосходный слух. Как говорится, о лучшем и мечтать не приходится. И со мной тоже, как выяснилось, все было в норме, когда годом спустя Ма озаботилась уже тем, чтобы проверить меня у логопеда. Чтобы он удостоверил, что не так с моей речью, уж больно я молчаливая.

– У вашей девочки все слова в ее головке, – успокоил Ма врач. – Но она пока предпочитает не произносить их вслух. В один прекрасный день она обязательно заговорит... когда почувствует, что будет готова...

Дома, чтобы развить у меня речевые навыки, Ма стала практиковать со мной на французском язык жестов и мимики.

– Предположим, тебе что-то нужно. Или ты чего-то хочешь, – терпеливо втолковывала она мне. – Вот так ты можешь выразить свои чувства. А вот так я выражаю все то, что чувствую к тебе прямо сейчас, в эту самую минуту. – Она ткнула пальцем в себя, затем скрестила обе руки, прижав ладони к сердцу, потом указала уже на меня. – Я – люблю – тебя. Понятно?

Сиси тоже быстро усвоила этот язык, и мы, уже на пару с ней, принялись расширять и дополнять его новыми жестами, приспособливая к своим детским нуждам, а заодно пополняя и всяческими придуманными словечками, которых нет ни в одном языке. Получилась такая гремучая смесь из жестов и всяческой словесной абракадабры. К этому языку мы с сестрой прибегали тогда, когда нам нужно было срочно что-то сказать друг другу, сугубо личное, а вокруг были люди. В такие минуты мы обе получали огромное удовольствие, глядя на озадаченные лица наших сестер, когда я, к примеру, сигнализировала Сиси жестом, посылая ей через стол какой-нибудь озорной комментарий насчет нашего завтрака. И мы обе не могли удержаться от глуповатого хихиканья, созерцая недоумение всех остальных, сидящих за столом.

Оглядываясь в прошлое, я сейчас понимаю, что мы с Сиси были полными антиподами во всем. Мы выросли, и я стала замечать, что чем меньше я говорю сама, тем все громче звучит голосок сестры, озвучивающей якобы мои мысли. И чем чаще она говорила за меня и вместо меня, тем охот-

нее я отмалчивалась. Так, наши личностные качества стали еще заметнее и выразительнее: я – молчунья, она – говорунья. Впрочем, когда мы были детьми, это не имело никакого принципиального значения. Даже напротив... В семье, где воспитывалось целых шесть девочек, мы с Сиси умудрились образовать между собой особого рода связь.

Да, в детстве это не имело значения. Зато сейчас имеет...

– Угадай с первого раза! Я таки нашла, что хотела! – Сиси вихрем ворвалась в гостиную. – Через несколько недель можно будет переезжать. Правда, там еще кое-что нужно доделать, довести, так сказать, до ума. Но когда все сделают как надо и доведут до готовности, будет великолепно. Супер! Боже, как же здесь душно. Не могу дождаться, когда мы наконец отсюда съедем.

Сиси бросилась на кухню. Мне было слышно, как она рывком включила кран на полную мощь. Наверняка при таком напоре струя воды тут же брызнула в разные стороны, залив все рабочие поверхности, которые я тщательно протерла совсем недавно.

– Тебе принести воды, Сия?

– Нет, спасибо, не надо.

Хотя Сиси называла меня так только тогда, когда мы с ней оставались наедине, почему-то с некоторых пор это детское прозвище стало меня раздражать. Сиси придумала его, когда мы с ней были еще совсем маленькими. Помнится, на Рождество Па Солт подарил мне книгу под названием «История

Анастасии». В ней рассказывалось о судьбе одной юной девушки, обитавшей в дремучих лесах России. А потом выяснилось, что она не простая девушка, а самая настоящая принцесса.

– А что? Ты у нас тоже хорошенькая, Стар, – рассуждала пятилетняя Сиси, разглядывая картинки в подаренной книге. – Чем не принцесса? Белокурая, голубоглазая... Решено! Я буду звать тебя «Сия». Красиво, да? И подходит к Сиси. Сиси и Сия – близнецы! – Девочка захлопала в ладоши, радуясь собственной придумке.

Много позже я узнала *истинную* историю царской семьи Романовых и всего того, что случилось на самом деле с Анастасией Романовой и ее близкими, и поняла, что ничего сказочного в их истории не было.

Впрочем, к тому времени я уже сама была отнюдь не ребенком. Взрослая молодая женщина двадцати семи лет от роду.

– Уверена, тебе понравится квартира! – прокричала Сиси, снова вернувшись в гостиную и со всего размаха плюхнувшись на старый, неопрятного вида диван. – Я договорилась на завтра. Утром съездим туда, и я покажу тебе наше будущее жилье. Конечно, оно обойдется нам в кучу денег, но, слава богу, сейчас я могу позволить себе такую покупку. Тем более риелтор сказал мне, что сегодня дела в Сити далеко не блестящие. Спрос на недвижимость резко упал. Одним словом, люди не торопятся выстраиваться в очередь на приоб-

решение собственного жилья. Короче, мы с ним поторговались и сошлись на вполне приемлемой цене. Пора нам обоим уже обзавестись приличным домом. Собственным домом...

Пора мне самой начать жить собственной жизнью, подумала я про себя. Но вслух лишь спросила:

– Так ты хочешь *купить* эту квартиру?

– Да, собираюсь. Во всяком случае, если она только понравится тебе, то я точно куплю ее.

Я не нашлась, что сказать в ответ. Сиси сразила меня своей новостью наповал.

– С тобой все в порядке, Сия? Что-то у тебя усталый вид сегодня. Не выспалась, да?

– Нет-нет, со мной все в порядке. – Но, несмотря на все свои старания, я почувствовала, как на мои глаза навернулись слезы. Я вспомнила, как промучилась без сна почти до самого рассвета, терзаясь грустными мыслями об умершем отце. Я все еще не могла смириться с утратой своего любимого Па Солта.

– Понятное дело, ты по-прежнему пребываешь в шоке. В этом вся беда. В конце концов, все случилось совсем недавно. Каких-то пару недель тому назад. Но вскоре тебе полегчает, вот увидишь! Особенно после того, как завтра ты своими глазами увидишь нашу новую квартиру. Эта убогая дыра, в которой мы сейчас обитаем, так давит на тебя. Мне она тоже изрядно действует на нервы, – не преминула добавить Сиси и тут же спросила: – А ты уже контактировала с тем

парнем, который курирует кулинарные курсы?

– Да.

– И когда начнутся занятия?

– На следующей неделе.

– Вот и отлично. Тогда у нас еще есть немного времени, чтобы начать подбирать мебель для нового дома. – Сиси неожиданно подскочила ко мне и крепко обняла. – Не могу дождаться того момента, когда ты увидишь его собственными глазами.

– Ну, что? Разве не фантастика?

Сиси развела руки в разные стороны, словно желая обнять огромное пространство, представшее моему взору. Голос ее прозвучал гулким эхом в пустом помещении. Она подошла к таким же огромным окнам и распахнула одну из стеклянных панелей.

– Взгляни сюда! Вот этот балкон для тебя, – поманила она меня пальцем проследовать за ней. Мы вышли на балкон. Впрочем, слово «балкон» едва ли уместно для описания того, что я увидела. Скорее уж красивая терраса поистине необъятных размеров, нависшая прямо над Темзой. – Вот

здесь ты можешь заниматься своими травками, выращивать всякие цветы. Ты же любила возиться с цветами в Атланти-се, – обронила Сиси, подходя к перилам и окидывая взглядом свинцовые воды реки, раскинувшейся внизу под нами. – Красивый вид, да?

Я молча кивнула в ответ, но Сиси уже заторопилась обратно в комнату, и я тоже поспешила за нею.

– В кухне пока еще нет никакого оборудования, но как только я подпишу все документы на покупку квартиры, можешь принимать бразды правления в свои руки и заниматься обустройством кухни по своему вкусу. Все как тебе нравится... Варочная панель, марка холодильника... Ну, и так далее... Ведь скоро ты у нас станешь настоящим профессионалом по части кулинарных дел, – добавила Сиси с лукавой усмешкой.

– Едва ли стану, – возразила я сестре. – Я же записалась всего лишь на ускоренные курсы.

– Глупости! Ты у нас такая талантливая. Уверена, ты в два счета найдешь себе подходящую работу. Стоит только твоим потенциальным нанимателям увидеть, что ты умеешь... В любом случае для нас с тобой твоё увлечение кулинарией – просто идеальный вариант. Ты не находишь? А вот здесь я оборудую свою студию. – Сиси показала на пустое пространство между дальней стеной комнаты и винтовой лестницей, ведущей на второй этаж. – Освещение здесь просто фантастическое. Итак, в твоём распоряжении огромная кухня и

вся терраса. Все почти как в Атлантиде. Во всяком случае, отыскать что-то получше в центре Лондона у нас вряд ли получится.

– Да, – коротко согласилась я с сестрой. – Красивое место. Спасибо тебе.

Я видела, в каком радостном возбуждении пребывает Сиси по поводу своей удачной находки. И действительно, квартира по-своему впечатляла. А потому мне не захотелось огорчать сестру, говорить ей о том, что я думаю на самом деле. Жить в этом безликом огромном пространстве, по сути, в коробке из стекла и бетона с окнами, выходящими на грязную реку, что может быть дальше от той идиллии, которая царит у нас в Атлантиде? Нет, как ни пытайся отыскать какое-то сходство, ничего общего.

Сиси между тем стала оживленно обсуждать с риелтором, какие именно полы из светлого дерева она желает увидеть в своей новой квартире. Я же постаралась стряхнуть с себя свои негативные эмоции. Все же я ужасно испорченная девочка, мысленно укорила я себя. В конце концов, разве можно сравнить этот район с улицами Дели? Или с теми жуткими трущобами, которые мы с сестрой лицезрели на окраинах Пномпеня? А тут, как ни верти, новенькая квартира в центре Лондона... Словом, никаких особых поводов для расстройства нет.

Просто вся беда в том, что лично я с радостью бы *предпочла* поселиться в небольшом домике, самом обычном доме,

стоящем на земле, и чтобы прямо из парадной двери можно было выйти на небольшую лужайку перед входом.

Я рассеянно прислушалась к громкому щебету Сиси, с упоением рассуждавшей о некоем потрясающем дистанционном устройстве, с помощью которого можно будет регулировать положение жалюзи на окнах: раздвигать и сдвигать их. Имелось и еще одно такое же умное устройство, которое будет контролировать громкость звука в скрытых от глаз громкоговорителях. Из-за спины своего собеседника Сиси скорчила мне веселую рожицу. Дескать, типичный жулик-делец, что с него взять... Я тоже умудрилась выдавить из себя жалкую улыбку в ответ. Хотя, по-моему, у меня уже начинался приступ клаустрофобии. Отчаянно хотелось отворить дверь и *выбежать вон*... Города всегда действуют на меня удушающе. Шумы, запахи, толпы людей вокруг, всего этого слишком много, и все давит. Слава богу, что хоть воздуха и простора в этой квартире хватает...

– Сия!

– Прости, Сиси. Задумалась о своем. Что ты сказала?

– Давай поднимемся наверх и осмотрим нашу спальню.

Мы поднялись по винтовой лестнице на второй этаж, в комнату, которая, по словам Сиси, должна будет стать нашей общей спальней. Хотя, насколько я успела заметить, рядом пустовала свободная комната. Я почувствовала внутреннюю дрожь, глянув в окно, хотя оттуда *открывался* просто потрясающий вид на окрестности. Потом мы самым тщатель-

ным образом проинспектировали отдельную ванную комнату, примыкающую к спальне. Нет, что ни говори, а сестра постаралась на славу, сделала все от нее зависящее, чтобы найти жилье, устраивающее нас обоих. И эта спальня еще одно тому подтверждение.

Вот только мы с ней не супружеская пара. Мы с ней – *сестры*.

После осмотра квартиры Сиси потащила меня в мебельный магазин на Кингс-роуд, а потом мы пересекли Темзу в обратном направлении по Альберт-Бридж.

– Этот мост назван в честь принца Альберта, мужа королевы Виктории, – по своей извечной привычке уточнила я. – В Кенсингтоне, кстати, есть мемориал в его честь и...

Сиси бросила на меня выразительный взгляд, всем своим видом призывая замолчать.

– Честное слово, Стар, такое впечатление, что ты ходишь по городу с туристическим путеводителем под мышкой.

– Пожалуй, – вынужденно согласилась я с ней, послав Сиси наш условный знак. – Прости, но такая уж я зануда. Люблю историю, и все тут.

Мы сошли с автобуса на своей остановке.

– Давай поужинаем где-нибудь в ресторанчике по пути домой, – неожиданно предложила мне сестра. – Думаю, нам есть что отпраздновать.

– Но у нас же нет денег, – вяло отреагировала я на предложение Сиси.

Во всяком случае, у меня их точно нет, добавила я мысленно.

– О, не переживай, – поспешила успокоить меня Сиси. – Я угощаю.

Мы зашли в местный паб, и Сиси заказала бутылку пива для себя и небольшой бокал вина для меня. Мы обе никогда не увлекались спиртным. Сиси, та вообще не умела пить, не могла рассчитать свои силы. Помню, как еще в ранней юности ее мутило и выворачивало после одной беспечной вечеринки, на которой она явно перебрала с горячительными напитками. Пока она делала заказ, подойдя к стойке бара, я продолжала гадать над тем, как и откуда у моей сестры вдруг появились деньги, и, судя по всему, немалые. Все это произошло как-то стремительно и внезапно, буквально на следующий день после того, как Георг Гофман, нотариус Па Солта, вручил нам, шестерым сестрам, посмертные письма, которые оставил каждой из нас отец. После чего Сиси тут же направилась на встречу с нотариусом в Женеву. Она еще тогда очень уговаривала его, чтобы он разрешил и мне присутствовать при их разговоре. Но Гофман был непреклонен:

– К великому сожалению, я вынужден следовать тем указаниям, которые оставил мне клиент. А ваш отец категорически предупредил меня, чтобы с каждой из его дочерей я встречался строго в индивидуальном порядке.

Словом, пока они с Гофманом беседовали, я коротала время в приемной. Когда Сиси наконец вышла из кабинета

нотариуса, я по ее лицу увидела, что она взволнована и чем-то сильно озабочена.

– Прости, Сия, но мне пришлось подписать кое-какие бумаги. Согласиться на некоторые условия, касающиеся лично меня. Обычные приколы в духе нашего отца. Но в целом могу сообщить тебе, что новости у меня хорошие.

Итак, впервые за долгие годы нашего общения с сестрой у нее появился от меня свой секрет. А потому я и по сей день не могу даже отдаленно предположить, откуда у нее вдруг появилось столько денег. В конце концов, Георг Гофман был предельно откровенен в разговоре с нами и недвусмысленно дал понять каждой из нас, что, согласно последней воле отца, все мы будем получать лишь весьма скромные суммы на содержание. Так сказать, на удовлетворение своих основных потребностей. Что, впрочем, не исключает и другого варианта. Мы вольны обращаться к нотариусу в любое время дня и ночи, если нам вдруг понадобятся какие-то дополнительные деньги на что-то стоящее. Выходит, Сиси не растерялась, своевременно обратилась к нему за помощью и получила все, что хотела.

– Твое здоровье! – Сестра стукнула бутылкой о мой бокал. – Предлагаю выпить за нашу новую жизнь в Лондоне.

– И за память Па Солта, – откликнулась я, поднимая свой бокал.

– Конечно, – поспешила согласиться со мной Сиси. – Ты ведь так его любила.

– А ты *разве нет*?

– Само собой, я тоже любила. Он ведь был у нас таким... необычным.

Я молча наблюдала за тем, с какой жадностью Сиси набросилась на еду, когда официант подал нам заказ. Что же это получается, грустно размышляла я. Вроде мы обе его дочери, но вот его смерть – это уже исключительно мое личное горе.

– Так как ты считаешь? Стоит покупать эту квартиру? – поинтересовалась у меня Сиси с набитым ртом.

– Думаю, тебе самой решать, Сиси. Ты же платишь за все. А потому мое мнение особой роли тут не играет.

– Не говори глупости, сестренка! Ты же прекрасно знаешь, все мое – твое и наоборот. А еще неизвестно, что тебя ждет впереди, когда ты наконец решишься и вскрыешь конверт с письмом отца. Вдруг там окажется такое... Давай, не тяни. Пора уже ознакомиться со всем тем, что написал тебе отец в своем предсмертном письме, – снова надела на меня Сиси.

Она уже давно не давала мне покоя с этим письмом. Собственно, с того самого момента, как Георг Гофман раздал нам запечатанные конверты. Свой конверт она вскрыла тотчас же, как только мы вернулись к себе в комнату, видно, ожидая, что и я поступлю точно так же.

– Что ты медлишь, Сия, в самом деле? – не отставала она от меня. – Неужели тебе не интересно узнать, что там?

– Но я... не могу, понимаешь? О чем бы папа ни написал мне, но, вскрыв конверт с его письмом, я как бы тем самым признаю, что его уже больше нет. А я еще пока не готова думать о Па Солте в прошедшем времени.

Пообедав, Сиси расплатилась по счету, и мы вернулись к себе домой. Там она первым делом позвонила в банк и велела перечислить деньги с ее депозита на оплату квартиры. Затем устроилась возле своего компьютера, включила его, попутно жалуясь на то, какая в этом районе ненадежная связь по интернету.

– Иди сюда, Стар! – окликнула она меня из гостиной. А я как раз занималась тем, что наполняла пожелтевшую от времени ванну едва тепловатой водой.

– Я принимаю ванну, – отозвалась я и заперла на замок дверь, ведущую в ванную комнату.

Я лежала, окунувшись с головой в воду, которая покрыла не только мои уши, но и волосы, прислушиваясь к тягучим звукам, похожим на такое *утробное урчание*. И вдруг подумала, что мне надо как можно скорее бежать отсюда, пока я окончательно не сошла с ума. И дело тут вовсе не в Сиси, никоим образом не хочу обвинять ее в моем нынешнем состоянии. Я люблю свою сестру. Она постоянно, каждый день, была со мной всю мою жизнь, но...

Минут через двадцать, приняв окончательное решение, я снова появилась в гостиной.

– Хорошо искупалась? – спросила меня Сиси.

– Да. Послушай, Сиси...

– Иди сюда. Взгляни на модели тех диванов, которые я отобрала для просмотра.

Сиси поманила меня к себе, и я послушно подошла к компьютеру, уставившись невидящим взглядом на образчики мебели, выдержанные исключительно в светло-бежевых и кремовых тонах.

– Ну, как тебе?

– Выбирай по своему вкусу, Сиси. Ты же будешь заниматься интерьером квартиры. Так что это твоя прерогатива, не моя.

– А что скажешь вот про это? – Сиси ткнула пальцем в экран. – Конечно, нужно будет подъехать непосредственно на место и увидеть все воочию. А для начала неплохо бы и просто посидеть на нем. В конце концов, диваны ведь не для красоты покупаются. Они должны быть удобными во всех отношениях. – Сестра тут же пометила у себя в блокноте название модели и адрес поставщика. – Что, если мы нагрянем туда уже завтра? Как думаешь?

Я глубоко вздохнула.

– Сиси, если ты не возражаешь, я бы хотела съездить в Атлантис на пару деньков.

– Конечно, Сия. Какие разговоры? Сейчас же посмотрю расписание, чтобы выбрать для нас удобный рейс.

– Видишь ли, Сиси, дело в том, что я хотела бы поехать туда одна. То есть я хочу сказать... – Я нервно сглотнула слюну,

боясь растерять свою решимость. – Ты ведь сейчас страшно занята, разве не так? Столько хлопот с этой новой квартирой и всем тем, что с ней связано. А еще твои проекты... Тебе же ведь очень хочется побыстрее завершить начатые работы.

– Ты права, но пару деньков погоды не сделают. Впрочем, если ты настаиваешь на том, чтобы поехать в Атлантис одной, я не буду возражать. Я все пойму правильно.

– Да, – ответила я твердым голосом. – Я бы хотела поехать одна.

– Но почему?! – Сиси отвернулась от экрана компьютера и уставилась на меня долгим взглядом. В ее миндалевидных глазах читалось нескрываемое изумление.

– Потому что... потому... Так надо... Хочу посидеть в саду, в котором я когда-то помогала папе... Хочу немного побыть одной и именно там прочитать его прощальное письмо.

– Понятно. Ну, раз так... Поступай как знаешь. – Сиси слегка пожала плечами.

И в ее голосе, и в ее позе я почувствовала явный холодок, но на сей раз решила не сдаваться и довести начатое до конца.

– Пойду лягу. Что-то у меня голова сегодня раскалывается, – обронила я миролюбивым тоном.

– Сейчас принесу тебе обезболивающие таблетки. Хочешь, я на всякий случай уточню расписание полетов для тебя?

– Вообще-то, я уже просматривала, но, пожалуйста, пере-

проверь еще раз. Будь так любезна. И большое тебе спасибо. Доброй ночи.

Я склонилась над сестрой и поцеловала ее в макушку. Блестящие темные кудри, как всегда, коротко подстриженные под мальчишку, переливались на свету. После чего я отправилась в крохотную спальню, похожую скорее на чулан для хранения швабр и прочих приспособлений для уборки дома, которую мы с Сиси делили на пару.

Узкая, слишком твердая и неудобная кровать, да и матрас чересчур тонкий. Хотя мы с детства росли в роскоши, но за последние шесть лет странствий по миру успели повидать всякое. Приходилось ночевать и в лачугах, и даже под открытым небом. Но никогда нам с сестрой и в голову не приходило обратиться к Па Солту с просьбой дать нам еще немного денег, даже тогда, когда мы действительно оказывались на мели. В частности, именно Сиси всегда стойко держалась до последнего. Она была слишком самолюбива, чтобы о чем-то просить отца. Вот почему сейчас меня удивляло то, с какой легкостью сестра сегодня швыряет деньги направо и налево. А ведь это же *его* деньги.

Пожалуй, стоит расспросить Ма. Может, хоть она прольет какой-то свет на непонятные перемены в поведении Сиси. Впрочем, о чем это я? Ведь наша Марина – это сама осмотрительность и осторожность во всем. Особенно в том, что касается распространения всяческих сплетен и слухов среди нас, сестер.

– Атлантис, – пробормотала я полусонным голосом. *Свобода...*

И почти сразу же погрузилась в глубокий сон.

2

Кристиан уже поджидал меня на катере, бросив якорь возле понтонной переправы на Женевском озере. Туда меня и доставило такси. Как всегда, наш шкипер приветствовал меня своей доброжелательной улыбкой, а я, кажется, впервые задалась вопросом, так сколько же ему на самом деле лет. Хотя я помню Кристиана с раннего детства – такое впечатление, что он рулил нашим скоростным катером всегда, однако сейчас, глядя на его темные волосы, загорелое ладное тело, я подумала, что больше тридцати пяти ему ни за что не дашь.

Мы тронулись в путь. Я уселась на скамью, которая была установлена на корме, и с наслаждением откинулась на удобные кожаные подушки, попутно размышляя о довольно странном феномене: все, кто трудится у нас в Атлантисе, не подвластны никаким возрастным переменам. Воистину, складывается впечатление, что время действительно не властно над этими людьми. Солнце уже клонилось к закату. Я вдохнула полной грудью знакомый мне с детства свежий и чистый воздух. Может, Атлантис – это какое-то зачарованное царство, и все, кто обитает за стенами нашего дома, получили в дар от волшебной феи вечную молодость и будут

пребывать в этом царстве всегда.

Все-все-все. Вот только Па Солт ушел...

Мне категорически не хотелось вспоминать все то, что было связано с моим последним приездом в Атлантис. Мы все, шестеро сестер, которых отец удочерил, отыскав нас в самых разных уголках земли, назвав в честь звезд, образующих созвездие Плеяды (его еще называют Семь Сестер), на сей раз собрались в отцовском доме по случаю его смерти. А ведь не было даже похорон в обычном смысле этого слова, всех тех ритуальных мероприятий, где каждая из нас могла бы погоревать всласть, оплакивая его уход. Но Ма объяснила нам, что такова была последняя воля Па Солта: упокоить его в открытом море втайне от всех.

А потом в Атлантис приехал Георг Гофман, папин швейцарский нотариус. Он даже устроил для нас своеобразную экскурсию по любимому папиному уголку в обширном саду вокруг дома. Там он показал нам довольно странную конструкцию, явно появившуюся на этом месте совсем недавно. Внешне она чем-то смахивала на солнечные часы, но Гофман пояснил нам, что прибор этот называется армиллярной сферой. С помощью такой сферы можно определять положение звезд на небе. На металлических полосках, окаймляющих золотистый шар, расположенный внутри, выгравированы наши имена и еще какие-то цифры, координаты, которые, по словам Гофмана, должны будут помочь нам, если мы захотим узнать, откуда именно привез каждую из нас отец.

А рядом еще какое-то изречение или цитата, написанная по-гречески.

Две мои старшие сестры особенно постарались. Алли снабдила нас, остальных сестер, точными данными о местонахождении наших координат, а Майя перевела все греческие надписи на французский язык. Лично я пока еще так и не прочитала ни то, ни другое. Положила обе бумажки в пластиковую папку рядом с письмом Па Солта, которое он написал мне.

Но вот наш катер стал плавно замедлять ход, и я уже разглядела сквозь густую крону деревьев очертания красивого дома, в котором все мы выросли. Атлантис похож на самый настоящий волшебный замок из красивой сказки. Стены, выкрашенные в светло-розовый цвет, четыре башенки по углам дома. Закатное солнце золотило окна на фасаде.

Сразу же после того, как нам продемонстрировали армиллярную сферу и вручили письма от отца, Сиси тут же изъявила желание немедленно уехать. Мне не хотелось. Я была не прочь задержаться в Атлантисе подольше, побыть еще хоть немного в том доме, в котором с такой любовью растил всех нас покойный отец. И вот его больше нет, а я все никак не могу привыкнуть к этой горькой мысли. Чтобы справиться с постигшей меня бедой и хоть как-то примириться с уходом Па Солта, спустя две недели я снова лечу в Атлантис в надежде обрести в отцовском доме силы, чтобы жить дальше.

Кристиан пришвартовал катер к причалу и закрепил кон-

цы на швартовой тумбе. Потом помог мне выбраться из лодки. Я увидела, как навстречу ко мне по лужайке спешит Ма. Она всегда встречает меня, когда я приезжаю домой. При виде родного лица слезы сами собой навернулись на мои глаза, и я с готовностью упала в ее теплые объятия.

– Стар, какой приятный сюрприз! Ты снова здесь, со мной, – прочувствованным голосом проронила Ма, расцеловав меня в обе щеки. Потом слегка отступила назад и окинула меня внимательным взглядом. – Не буду говорить, что ты слишком худа. Ты у нас всегда была очень уж худенькой, – заметила она, слегка улыбнувшись, и мы обе направились к дому. – Клавдия испекла твой любимый яблочный штрудель. И чайник уже закипает. – Марина махнула рукой в сторону стола, стоявшего на террасе. – Присаживайся! Наслаждайся последними закатными лучами солнца. А я пока отнесу твои вещи в дом и попрошу Клавдию подать нам чай и пирог прямо сюда.

Я молча проследила за тем, как Ма исчезла в доме с моей дорожной сумкой. Потом повернулась к дому спиной и принялась разглядывать наш роскошный сад и ухоженную лужайку перед домом. Заметила Кристиана, который направлялся по узенькой тропинке к себе домой. Его квартирка примостилась прямо на крыше эллинга, встроенного в грот в самом дальнем конце сада. Хорошо смазанный механизм домашнего уклада в Атлантиде продолжал функционировать в своем прежнем режиме. Все как всегда... Разве что хозя-

ина, запустившего когда-то этот механизм в бесперебойный ход, здесь больше нет.

На террасе снова возникла Ма. Следом появилась Клавдия с подносом в руках, на котором стояли чайные принадлежности. Я приветливо улыбнулась нашей экономке. Зная, какая Клавдия молчунья, еще бóльшая, чем я сама, – никогда не заговорит первой, я поприветствовала ее:

– Добрый день, Клавдия. Ну как вы тут?

– Все хорошо, спасибо, – ответила она коротко с ярко выраженным немецким акцентом.

Отец в свое время настоял на том, чтобы все мы, девочки, буквально с колыбели учились говорить сразу на двух языках – на английском и на французском. Впрочем, в Атлантисе мы общались на английском только с Клавдией. Ма же была француженкой в полном смысле этого слова, как говорится, до самых кончиков ногтей. Французские корни сразу же выдавал ее внешний облик: строгая и одновременно изысканная шелковая блузка, безупречного кроя юбка, волосы, красиво собранные на затылке. Как бы то ни было, а постоянное общение с этими двумя женщинами на разных языках привело к тому, что все мы, сестры, с легкостью могли переключаться с одного языка на другой.

– А ты еще пока так и не подстриглась, – улыбнулась Ма, кивком головы указав на мои отросшие волосы. – Ну как ты сама, моя дорогая? Рассказывай.

Клавдия, поставив поднос на стол, удалилась в дом. Ма

принялась разливать чай по чашкам.

– У меня все хорошо, Ма.

– Знаю, девочка, что это далеко не так. Сейчас никто из нас не может сказать про себя, что ей хорошо. Да и как такое может быть? Ведь совсем недавно все мы пережили огромное горе... Ужасная утрата...

– Ты права, Ма, – согласилась я, беря из ее рук чашку с чаем. Потом добавила туда немного молока и щедро сдобрила свой напиток тремя ложками сахара. Несмотря на то что сестры вечно подшучивали надо мной из-за моей худобы, я самая настоящая сладстена и никогда не отказываю себе в чем-нибудь сладеньком.

– А как Сиси?

– О, у нее, по-моему, все отлично, хотя мне трудно утверждать это наверняка.

– Да, каждый из нас переживает горе по-своему, – задумчиво бросила Ма. – Кстати, такие душевные потрясения зачастую сопряжены и с крутыми переменами в нашей жизни. Ты уже в курсе того, что Майя отправилась в Бразилию?

– Да. Она сообщила нам с Сиси о своем намерении по электронной почте. А ты не знаешь, почему именно в Бразилию?

– Догадываюсь, что эта ее поездка как-то связана с тем письмом, которое оставил ей отец. Но каковы бы ни были ее мотивы, я очень рада за Майю. Торчать тут в Атлантике в полном одиночестве и продолжать оплакивать уход отца,

что может быть ужаснее? Она еще слишком молода, чтобы вести такой отшельнический образ жизни. И потом, тебе-то уж, как никому другому, известно, что любое путешествие расширяет жизненные горизонты человека.

– Известно. Хотя в том, что касается меня, скажу так: хватит с меня всех этих путешествий.

– В самом деле, Стар?

В ответ я молча кивнула, понимая, на какую непростую колею вырубивает наш разговор с Ма. Обычно в таких случаях рядом со мной всегда находилась Сиси. Она-то и говорила за нас обеих. Но поскольку Ма молча ожидала ответа на свой вопрос, на сей раз мне пришлось отвечать самой.

– Да. Я уже достаточно всего насмотрелась.

– Что правда, то правда, – согласилась со мной Ма, сопроводив свою реплику коротким смешком. – Полагаю, что на земле уже не осталось таких уголков, где бы вы с сестрой не отметились за минувшие пять лет.

– Мы не были в Австралии. И до лесов Амазонки тоже не добрались.

– А как так случилось, что вы туда не попали? – поинтересовалась Ма с легкой иронией в голосе.

– Сиси боится пауков.

– Конечно же! Как я могла забыть! – Ма всплеснула руками. – А ведь когда Сиси была маленькой, складывалось впечатление, что она ничего не боится. Да ты и сама, наверное, помнишь, как она, не раздумывая, прыгала в море с самых

высоких скал.

– Или как ловко она на них вскарабкивалась, – добавила я.

– А ты помнишь, как она любила нырять под воду и оставаться там долго-долго? Не дышать... Порой я уже начинала даже беспокоиться, не утонула ли она.

– Помню-помню, – согласилась я без особого воодушевления, вспомнив, как сестра и меня пыталась приобщить к этому экстремальному спорту. Но это, пожалуй, единственное, где я не поддаюсь уговорам Сиси и не пошла у нее на поводу. Во время наших странствий по Дальнему Востоку она могла часами плавать с аквалангом или штурмовать головокружительно крутые вулканические сопки в Таиланде и Вьетнаме. Но, независимо от того, находилась ли она под водой или поднималась высоко в небо, я и в том, и в другом случае предпочитала спокойно нежиться на песочке с книжкой в руках.

– А еще она всегда ненавидела всяческую обувь... Предпочитала ходить босиком. Ребенком я буквально силой заставляла ее надеть туфельки, – мечтательно улыбнулась Ма, предавшись своим воспоминаниям.

– Однажды она даже зашвырнула их в озеро. – Я взмахнула рукой, указав на тихую водную гладь Женевского озера. – Помню, я с большим трудом уговорила ее однажды попытаться нырнуть и достать туфли из воды.

– Да, наша Сиси всегда была очень свободолюбивой девочкой. – Ма подавила вздох. – И такой храброй... Но в один

прекрасный день, кажется, ей на тот момент было лет семь, не больше, я вдруг услышала дикий крик из вашей комнаты. В первую минуту я даже подумала, что ее убивают. Но нет! Оказалось, что она просто испугалась большого паука, наверное, сантиметров двадцать в длину, который завис на потолке прямо над ней. Кто бы мог подумать, что этот паук так напугает ее.

Ма задумчиво покачала головой, вспоминая ту давнюю сцену.

– А еще Сиси очень боялась темноты.

– Правда? Вот об этом я точно никогда не догадывалась. – Легкая тень проскользнула по лицу Ма, словно она почувствовала себя обиженной оттого, что всех ее материнских навыков, – а ведь Па Солт специально нанял ее для того, чтобы она обеспечила надлежащий уход за малышами, которых он удочерил и которые, можно сказать, выросли под ее неусыпным оком, превратившись в положенный срок в молодых женщин, ибо она стала для всех нас самой настоящей матерью, особенно когда отец подолгу отсутствовал дома, путешествуя по своим делам по всему миру, – так вот, оказывается, этих навыков оказалось недостаточно, чтобы знать про нас все. Хотя, повторяюсь, мы любили Ма всем сердцем и душой. Нас не связывали с ней кровные узы, но она значила так много для каждой из сестер.

– Она просто стеснялась признаваться кому-нибудь, что по ночам ее часто мучают кошмары.

– Так вот почему ты перебралась к ней в комнату, – задумчиво бросила в ответ Ма, после стольких лет узнав наконец правду. – И поэтому ты всякий раз просила меня оставить в комнате включенным ночник, да?

– Да.

– А я-то думала, Стар, что это ты боишься темноты. Что ж, это лишний раз подтверждает простую истину: мы никогда не знаем до конца детей, которых растим. Хотя самим нам кажется, что мы знаем про них все. Ну, как тебе в Лондоне?

– Мне нравится город, хотя мы ведь там еще сравнительно недавно. И потом...

Я тяжело вздохнула, не находя слов, в которые можно было бы облечь все мои сомнения и страхи.

– Ты еще продолжаешь горевать об ушедшем отце, – пришла мне на помощь Ма. – И потому в данный момент тебе все равно, где ты и что с тобой.

– Ты права. Но, Ма, мне действительно вдруг захотелось снова вернуться в Атлантис.

– Понимаю тебя дорогая... И очень рада тому, что у тебя возникло такое желание. Тем более приехать сюда одной. Ведь в прошлом такое случалось не так уж часто, не правда ли? Зато сейчас ты всецело моя.

– Ты права, Ма.

– Хочешь, чтобы и в будущем такие встречи повторились?

– Да... хочу.

– Что ж, рано или поздно, но это должно было случиться.

Вы с Сиси уже не дети. Что, разумеется, не помешает вам и впредь оставаться очень близкими друг другу людьми. Но, однако же, впереди у вас своя жизнь, и дальше вы пойдете каждая своим путем. Думаю, Сиси тоже понимает это.

– Нет, Ма, ничего она не понимает. Я по-прежнему нужна ей и потому не могу ее бросить! – выпалила я неожиданно для себя самой с явным раздражением в голосе. Потому что сложившаяся ситуация уже начинала потихоньку *злить меня*. Недовольство давно копилось в моей душе и вот наконец выплеснулось наружу. Несмотря на свою врожденную сдержанность и присущее мне немногословие, я вдруг не выдержала и громко всхлипнула.

– О боже! Родная моя! – Внезапно на солнце набежала тень. Ма подхватила меня со своего места, подошла ко мне и взяла меня за руки. – Не стесняйся своих слез. Не копи все плохое в душе. Пусть выльется наружу.

И я с готовностью последовала ее совету. Мои рыдания трудно было даже назвать плачем в привычном понимании этого слова. Потому что я не плакала, а скорее выла, выплескивая все невысказанные слова и скопившиеся на сердце эмоции и чувства, а потому слезы лились из меня нескончаемым потоком.

– Прости меня, Ма, прости... – пробормотала я виноватым голосом. Ма достала из кармана пачку бумажных носовых платков и стала вытирать ими слезы на моих щеках. – Это все... смерть папы... До сих пор не могу смириться с

его уходом.

– Конечно, не можешь. И я тебя прекрасно понимаю... А потому не стоит извиняться, – ответила мне Ма ласково. Я вдруг почувствовала себя страшно опустошенной, словно автомобиль, который вдруг неожиданно заглох посреди дороги, потому что закончился бензин. – Я очень беспокоилась за тебя, зная, как ты привыкла все свои эмоции держать внутри себя. Зато сейчас, когда я увидела твои слезы, мне сразу же полегчало. – Ма виновато улыбнулась. – Хотя тебе, думаю, пока еще нет. А сейчас ступай-ка ты наверх в свою комнату, немного отдохни с дороги и приведи себя в порядок перед ужином. Согласна?

Я последовала за Ма в дом. Знакомые запахи сразу же ударили мне в нос. Как часто я пыталась разложить эти ароматы на отдельные составляющие, чтобы хоть частично воспроизвести их в своих временных пристанищах – запах лимона, кедрового дерева, ароматы свежеспеченных пирогов... Но нет, никогда у меня ничего не получалось. Видно, все эти запахи, только слившись воедино, и образовывали ту неповторимую атмосферу, которая царила в Атлантиде.

– Хочешь, я провожу тебя? – предложила мне Ма, когда я стала подниматься по лестнице к себе в комнату.

– Нет, не надо. Со мной все в порядке.

– Хорошо. Тогда поговорим попозже. Но если тебе вдруг что-то понадобится, милая, ты знаешь, где меня искать.

Я поднялась на самый верхний этаж, на котором размеща-

лись комнаты всех девочек. У самой Ма имелась небольшая квартирка, оборудованная прямо в доме. Туда можно было попасть непосредственно из холла. Собственная небольшая гостиная, отдельная ванная комната. Комната, которую мы делили с Сиси, расположена между спальнями Алли и Тигги. Я распахнула дверь, и на меня тут же пахнуло привычным запахом краски. Когда Сиси было пятнадцать лет, она, как и многие ее сверстники, тоже пережила период увлечения «готами». Даже вознамерилась выкрасить все стены в нашей комнате в черный цвет. Она бы и выкрасила, но я поставила свое условие, предложив компромиссный вариант – использовать для декора темно-фиолетовый цвет. В ответ Сиси выдвинула встречное предложение. Четвертую стену, ту, возле которой стоит ее кровать, она раскрасит по собственному усмотрению.

Целый день она трудилась взаперти и лишь ближе к полуночи вынырнула из комнаты со слегка остекленевшими от усталости глазами.

– Вот сейчас иди и смотри, – милостиво позволила она мне и повела взглянуть на объем проделанной работы. Я молча уставилась на стену, буквально ослепнув от интенсивности и яркости красок. Основной фон – насыщенный голубой цвет – электрик, по которому там и сям разбросаны пятна ярко-небесной лазури, а по центру – огнедышащий кластер из золотых звезд. Знакомые очертания. Сиси изобразила над своей кроватью созвездие Плеяд. Семь сестер. Соб-

ственно, это *все мы*.

Наконец глаза мои немного адаптировались к пронзительно кричащим цветам. Я даже разглядела некоторые подробности. Например, каждая звезда состоит из множества крохотных точек, напоминающих атомы, которые, объединяясь друг с другом, формируют нечто целое и законченное.

Я буквально кожей почувствовала, с каким нетерпением Сиси ожидает моей реакции на увиденное, тяжело дыша мне в затылок.

– Великолепно, Сиси! – воскликнула я. – Поразительная работа. И как тебе только такое в голову пришло? Надо же было все это придумать...

– Ничего я не придумывала. – Сиси слегка пожалала плечами. – Я уже заранее знала, что буду рисовать.

С тех пор у меня было предостаточно времени, чтобы полюбоваться стеной, лежа на своей кровати. И чем больше я разглядывала произведение Сиси, тем чаще находила в нем какие-то новые детали, ускользавшие ранее от моего внимания.

Но вот что странно. Несмотря на то что и отец, и все наши сестры с энтузиазмом восприняли работу Сиси, осыпав ее с ног до головы прочувствованными комплиментами и похвалами, сама она больше никогда не повторила эту свою манеру письма.

– Просто в тот момент на меня снизошло какое-то озарение, – пояснила она мне как-то раз. – Но я уже ушла от этого

стиля, и сейчас меня интересуют совсем иные направления.

Однако и сейчас, разглядывая настенное панно, выполненное Сиси двенадцать лет тому назад, я по-прежнему считаю, что это самое вдохновенное и самое прекрасное произведение искусства из всех, созданных моей сестрой.

Я увидела, что мою дорожную сумку уже распаковали. Те немногие вещи, которые я взяла в дорогу, были сложены аккуратной стопочкой на стуле. Я уселась на кровать, вдруг почувствовав некий странный дискомфорт. А ведь в этой комнате, подумала я, нет ничего, ну или почти ничего, от меня самой. Что ж, виновата в этом только я сама. Больше винить некого.

Я подошла к своему комоду и выдвинула нижний ящик. Извлекла оттуда жестяную банку из-под бисквита, в которой когда-то я хранила все свои самые сокровенные и дорогие моему сердцу детские сокровища. Взяв банку, я снова уселась на кровать и открыла крышку. Вынула из банки конверт. Бумага за семнадцать лет хранения в закрытой жестянке стала совсем хрупкой. Пальцы мои осторожно прошлись по ее гладкой поверхности. Потом так же осторожно извлекла из конверта открытку из плотного пергамента, к которой был приклеен совсем уже иссохший цветок.

Поздравляю тебя, моя дорогая Стар. Наконец-то нам удалось вырастить его.

Папа

Я тронула пальцами нежные лепестки, ставшие от време-

ни прозрачно-тонкими, словно паутинка. В памяти всплыли картинки давнего прошлого. Красивые соцветия насыщенного темно-красного цвета, скорее даже цвета бордо, которыми одарило нас с папой это растение в пору своего самого первого цветения. Вначале я помогала папе высаживать его в саду, а потом рачительно ухаживала за цветком во время своих школьных каникул.

Иными словами, каждое утро я поднималась ни свет ни заря, когда Сиси еще спала крепким сном. Она вообще у нас большая любительница поспать, особенно с учетом того, что почти каждую ночь ей снятся всякие кошмары, обычно это случается в промежутке между двумя часами ночи и четырьмя часами утра. А потому Сиси продолжала благополучно дрыхнуть, не замечая моих ранних подъемов и отлучек. Папа, как правило, уже поджидал меня в саду. И вид у него при этом был такой, словно он тут провел уже не один час. Вполне возможно, так оно и было на самом деле. Я, еще полусонная, со слипающимися от сна глазами, но тем не менее уже пребывающая в радостном предвкушении того, что именно собирается показать мне отец сегодня.

Иногда это было всего лишь несколько семян, зажатых в его руке. В другой раз он демонстрировал мне какой-нибудь только-только начинавший распускаться росток растения, которое он привез из очередного своего дальнего странствия. Потом мы устраивались с ним на скамейке в беседке, увитой розами. Папа брал в руки старинный том ботаниче-

ской энциклопедии и начинал неторопливо листать страницы, переворачивая их своими сильными смуглыми пальцами до тех пор, пока мы не находили то место, где подробно описывалось наше с ним сокровище, – откуда это растение родом, в каких местах произрастает и так далее. Мы внимательнейшим образом знакомились со средой его обитания, с тем, что ему нравится и что не нравится, после чего долго и пристрастно обсуждали, где его лучше всего высадить уже в нашем саду.

Сегодня, по прошествии лет, я отлично понимаю, что все наши обсуждения строились по принципу: папа предлагает, а я соглашаюсь. Впрочем, он ни разу не дал мне почувствовать, что авторитарно навязывает свое мнение. Напротив. У меня всегда складывалось впечатление, что мое мнение тоже крайне важно для него и имеет большое значение.

Я часто вспоминаю сейчас одну библейскую притчу, на которую постоянно ссылался отец, когда мы с ним вместе трудились в саду. Согласно этой притче, каждое живое создание должно возвращаться с момента своего появления на свет с заботой и любовью. Вот и растение. Если мы ухаживаем за ним любовно, то оно вырастает сильным, крепким и будет радовать нас в будущем много-много лет.

– А разве мы, люди, не похожи на те же семена? – вопрошал отец, с улыбкой глядя на то, как я поливаю рассаду из своей детской лейки, и отряхивая со своих рук крошки торфяной смеси со знакомым слегка кисловатым запа-

хом. – Ведь нам, как и этим семенам, нужны только солнце, дождь... И конечно, любовь. И больше ничего.

И действительно, при обилии солнца и влаги, да еще и любовно-рачительного ухода, все в нашем саду цвело и благоухало. Эти наши утренние сеансы садоводства вместе с Па Солтом научили меня многому. В том числе и умению терпеливо ждать. Иногда, спустя пару дней после того, как мы с папой высадили в грунт наше очередное растение, я приходила на это место, чтобы проверить, как растение принялось, не пустило ли оно уже новые ростки и побеги, и, не обнаружив никаких признаков роста, а иногда и вовсе находя растение увядшим или даже засохшим, я всегда, помнится, спрашивала у отца, ну, почему оно никак не хочет прижиться на новом месте.

– Стар, – обычно говорил в таких случаях мой отец, обхватывая мое лицо своими обветренными руками, – все, что имеет долгосрочное значение и непреходящую цену, требует времени для того, чтобы укрепиться и войти в силу. Зато в один прекрасный день, когда ты обнаружишь, что посаженный тобой цветок наконец пустил отросток, ты почувствуешь себя наисчастливейшим человеком на свете. Потому что все твои старания оказались в итоге не напрасными.

Итак, решила я про себя, возвращая крышку на место и закрывая банку, завтра я снова встану на рассвете и пойду в наш с папой сад.

Вечером мы с Ма ужинали при свечах на террасе. Клавдия приготовила восхитительное каре ягненка, а в качестве гарнира – молодую глазированную морковь и свежую брокколи из нашего огорода. Чем больше я вникала в то, что называется «кулинарным искусством», тем отчетливее понимала, как талантлива Клавдия в том, что касается поварских дел.

Но вот с едой покончено, и Ма повернулась ко мне:

– Ты уже решила, где будешь жить и чем заниматься?

– У Сиси курс по основам живописи в Лондонской академии изящных искусств.

– Знаю. Но меня интересуешь прежде всего ты, Стар.

– Сиси покупает квартиру с видом на Темзу. В следующем месяце планируем уже переехать туда.

– Понятно. Ну и как квартира? Нравится?

– Она... она огромная.

– Я не про площадь жилья спрашиваю.

– Думаю, Ма, я смогу там жить. Там действительно фантастически красиво, – добавила я поспешно, чувствуя себя виноватой в том, что никак не могу выдавить из себя лишнее слово.

– А ты, стало быть, будешь посещать курсы по кулинарии,

пока Сиси занимается в академии?

– Да, буду.

– Когда ты была совсем еще юной, я думала, ты у нас станешь писателем, – задумчиво бросила Ма. – В конце концов, у тебя же степень магистра по английской литературе.

– Да, я и сейчас очень люблю читать.

– Мне кажется, Стар, ты себя недооцениваешь. Я до сих пор помню те рассказы, которые ты сочиняла еще в детстве. Твой отец иногда зачитывал мне их вслух.

– Правда? – Я невольно почувствовала прилив гордости.

– Правда. Или ты уже забыла, что тебе в свое время предлагали место в Кембриджском университете, но ты сама отказалась?

– Отказалась, – ответила я неожиданно резко. Наверное, потому, что даже сегодня, девять лет спустя, мне все еще больно говорить на эту тему. Да, так оно все и было...

– Как думаешь, Сиси, стоит мне попытаться поступать в Кембридж? – решила я тогда посоветоваться с сестрой. – Учителя в один голос твердят, что надо.

– Конечно, Сия! Какие могут быть разговоры! Ты же у нас такая умная. Наверняка тебя там примут с распростертыми объятиями. Заодно и я хоть одним глазком посмотрю, что там за университетская жизнь в этой Англии. Меня-то саму вряд ли куда пригласят. Ты же знаешь, какая я тупица! Но ничего страшного... Устроюсь в каком-нибудь баре или еще где-нибудь, – бросила она, равнодушно пожав пле-

чами. – Мне все равно. Главное, что мы будем вместе. Я права?

На тот момент я считала, что это действительно самое главное. И дома, и в школе, где одноклассницы, как только проникались пониманием того, насколько мы близки с сестрой, тут же начинали сторониться нас, оставляя наедине друг с другом. А потому и выбор потенциального университета для продолжения образования был для нас прежде всего сопряжен с тем, что требовалось подыскать такое учебное заведение и выбрать себе такой набор предметов, когда все устраивало бы нас обеих, то есть чтобы и впредь мы могли бы держаться вместе. Тем не менее я сделала попытку поступить в Кембридж и, к своему немалому удивлению, получила приглашение в один из старейших колледжей университета, в Селвин-колледж. В перспективе в Селвин-колледже мне была гарантирована степень магистра или даже бакалавра, если я, конечно, успешно сдам выпускные экзамены.

На Рождество я сидела в папином кабинете и смотрела, как он внимательно изучает письмо с официальным приглашением в Кембридж. Но вот он оторвался от чтения и взглянул на меня. В его глазах светилась радость. А еще гордость за меня и за мои успехи. Потом кивком головы он указал мне на небольшую елку, украшенную старинными игрушками, которая стояла в его кабинете. На самой макушке нарядной елки сияла большая серебряная звезда.

– Вот и ты у нас как эта звездочка, – неожиданно улыбнул-

ся мне Па Солт. – Так ты согласна отправиться в Кембридж?

– Сама... не знаю... Посмотрим, как пойдут дела у Сиси.

– Думаю, решение ты все же должна принять самостоятельно. А я лишь могу сказать одно. В жизни каждого человека бывают такие моменты, когда он должен поступать в соответствии с тем, что является для него правильным. Иными словами, делай что должно, – добавил он с нажимом в голосе.

В итоге мы с Сиси направили заявки в несколько высших учебных заведений и в положенный срок получили два приглашения. После чего сдали вступительные экзамены и затаились в нервном ожидании результатов.

Спустя два месяца мы с Сиси сидели на палубе роскошной папиной яхты под названием «Титан» в компании остальных сестер. Каждый год мы все вместе совершали свой семейный ежегодный круиз по Средиземному морю. В этом году наше морское путешествие проходило вдоль южного побережья Франции. Итак, мы все были в сборе, и в этот момент отец вручил нам с Сиси конверты, судя по всему, с результатами наших вступительных экзаменов. Ежедневно почту на яхту независимо от того, в какой части акватории Средиземного моря мы находились, доставлял на борт специальный высокоскоростной катер.

– Итак, девочки, – улыбнулся нам Па Солт, заметив, какие у нас с сестрой напряженные лица, – вы хотите ознакомиться с содержанием ваших писем приватно? Или огласите

результаты прямо сейчас всем нам?

– А чего тянуть? – воскликнула Сиси. – Давай, Стар. Ты вскрывай свой конверт первой. Я-то уж знаю наперед, что наверняка провалилась.

Все собравшиеся безмолвно уставились на меня. Я вскрыла конверт и дрожащими пальцами извлекла из него несколько листов бумаги.

– Ну, что? – нетерпеливо спросила у меня Майя, пока я сосредоточенно вникала в свои результаты.

– Общий бал – 5,4... А по английскому и вовсе – 6.

Все в один голос стали поздравлять меня, тискать, обнимать, выражать свое восхищение и прочее.

– Теперь твоя очередь, Сиси, – сверкнула глазами на нее наша младшая сестра Электра. Все мы знали о том, что в школе у Сиси была куча проблем, в частности из-за дислексии. То есть не все у нее ладилось с речью. Зато сама Электра могла бы с легкостью сдать любой экзамен, но была при этом откровенной лентяйкой.

– А мне все равно, что там, – промолвила Сиси обреченным тоном, и я мысленно пожелала ей в эту минуту удачи и просигнализировала, что люблю ее. Она надорвала конверт, и я затаила дыхание, пока она пробежала глазами бумаги, знакомясь со своими результатами.

– Я... О боже... Я...

Наступила гробовая тишина. Все молча ожидали продолжения.

– Я прошла! Стар, я прошла! Меня приняли в университет в Сассексе на отделение истории искусств.

– Как замечательно! – восторженно выдохнула я, зная, сколько усердия продемонстрировала Сиси, готовясь к вступительным экзаменам. И в этот момент перехватила взгляд отца, обращенный на меня. Было в этом взгляде что-то загадочное. Наверное, он уже заранее предвидел, какое именно решение мне предстоит сделать.

– Мои поздравления, дорогая, – обратился он к Сиси, широко улыбаясь. – Сассекс – поистине прекрасный уголок Англии. Между прочим, именно там находятся скалы, которые называются Семь Сестер.

Чуть позже мы с Сиси, устроившись на самой верхней палубе, наблюдали красочное зрелище. Следили за тем, как величественно садится солнце, медленно погружаясь в воды Средиземного моря.

– Я все пойму правильно, Сия, – заговорила Сиси первой. – Если ты захочешь ехать в Кембридж, воля твоя. Конечно, Кембридж для тебя предпочтительнее. С какой стати тебе тащиться за мной в Сассекс и учиться в какой-то там глуши? Не хочу никоим образом помешать тебе... стать на твоём пути... Но... – голос ее предательски дрогнул. – Но ума не приложу, как я там без тебя обойдусь. Одному Богу известно... И кто мне поможет в написании всех этих эссе, по части которых ты у нас такая искусница?

Ночью, уже лежа у себя в каюте, я услышала, какие страш-

ные стоны вырываются из груди Сиси. Она беспокойно металась на своей постели. Наверняка ей снились очередные кошмары. За то время, что мы прожили вместе с ней в одной комнате, я уже научилась безошибочно распознавать у Сиси первые же симптомы начинающихся кошмарных сновидений. А потому я быстро поднялась со своей кровати и вскарабкалась на ее постель. Легла рядом и принялась тихонько убаюкивать сестру, будучи абсолютно уверенной в том, что не разбужу ее. Но вот ее стоны превратились в крики. Она отчаянно пыталась что-то прокричать вслух. Я с трудом разобрала отдельные слова.

Как я могу оставить ее? Я нужна ей... а она нужна мне...

И тогда я смирилась с неизбежным. Ведь я нужна ей.

Итак, я отказалась от Кембриджа в пользу Сассекса, чтобы учиться там вместе со своей сестрой. А где-то уже в середине третьего семестра своего трехгодичного курса обучения Сиси объявила, что бросает университет.

– Ты же все понимаешь, Стар, правда ведь? – вопрошала она меня. – Я умею рисовать, знаю, как пользоваться кистью и красками. Зачем же я стану тратить свою жизнь на то, чтобы выдумывать эти противные эссе про каких-то там художников эпохи Возрождения? Или описывать, как они изображали на своих полотнах этих до чертиков надоевших мадонн? Нет уж, извините! Но я этим заниматься точно не стану. Не могу, и все тут!

В результате мы уехали из общежития, где жили в одной

комнате, и перебрались на съемную квартиру, довольно убогую, но что делать... Пока я исправно посещала лекции, Сиси ездила автобусом в Брайтон, где подыскала себе работу официантки.

Я же в тот период была близка к отчаянию при мысли о том, какой шанс упустила в своей жизни, так и не дав осуществиться давней мечте.

3

После ужина я, извинившись перед Ма, снова пошла наверх к себе в спальню. Достала из вещевой сумки мобильник и проверила входящие поступления. Четыре эсэмэски и несколько пропущенных звонков. И разумеется, все от Сиси. Как мы с ней и договаривались, я тоже отправила ей эсэмэску, сразу же после того как самолет благополучно приземлился в Женеве. Сейчас я отбила еще одно коротенькое сообщение. Дескать, все нормально, я уже дома, собираюсь пораньше лечь спать, а завтра обязательно перезвоню ей, и тогда поговорим обо всем. После чего тут же отключила телефон и, забравшись под одеяло, улеглась на постели и стала вслушиваться в тишину, царящую в доме. Внезапно до меня дошло, сколь редко выпадают у меня ночи, когда я сплю в комнате одна. А тут еще и огромный пустой дом, в котором когда-то кипела жизнь, было шумно, он наполнился голосами сестер и их веселым смехом. Зато сегодня ночью меня не

разбудят крики и стоны Сиси. Могу спокойно проспать себе до самого утра, если захочется.

И все же, закрыв глаза, я сделала над собой огромное усилие, чтобы не начать прямо сейчас тосковать о сестре.

На следующее утро я поднялась рано, быстро натянула на себя джинсы и майку, достала из сумки пластиковую папку, в которой лежало письмо отца, и поспешила вниз. Тихонько открыла парадную дверь и вышла на улицу. А там свернула по тропинке влево, направившись к любимому уголку Па Солта в нашем саду. В папке, помимо его письма, адресованного мне, лежали еще и расшифрованные координаты того места, откуда в свое время привез меня отец, а также греческое изречение, переведенное Майей на французский язык. Я крепко сжимала папку в руке.

Медленно прошлась вдоль клумб, которые мы когда-то возделывали вместе с папой, словно желая сегодня убедиться в том, что затраченные нами усилия не пропали зря. В разгар июля все вокруг цвело и благоухало: разноцветные циннии, пурпурные астры, целые заросли душистого горошка, соцветия которого были издали похожи на крохотных ярких

бабочек. И конечно, розы, которые обвили всю беседку, образуя густую тень над скамьей.

Получается, что отныне мне придется ухаживать за цветами уже одной. Больше некому. Хотя наш старый садовник Ганс исправно присматривал за посадками, когда нас с отцом не было в Атлантиде, но вряд ли он вкладывал в это занятие всю свою душу, как это делали мы. Не могу даже с уверенностью утверждать, что Ганс вообще любит цветы. И уж наверняка счел бы верхом глупости, если бы ему кто-то сказал, что о растениях нужно заботиться с той же лаской, что и о детях. А вот Па Солт постоянно повторял в разговорах со мной, что процесс выращивания любого растения очень похож на то, как растят детей.

Я остановилась, чтобы специально полюбоваться особенно дорогим моему сердцу растением, усыпанным нежными пурпурно-красными цветками на тонких стебельках, затерявшихся среди обилия листвы насыщенного зеленого цвета.

– Это Астранция крупная, или Звездочка большая, – пояснил мне папа, когда почти два десятилетия тому назад мы с ним высевали в грунт крохотные семена. – Предполагается, что название этого семейства происходит от латинского слова «звезда». Потому что соцветия астранции очень похожи по форме на звезды. Сразу же предупреждаю, растение очень капризное, стоит большого труда развести его. Особенно с учетом того, что я привез эти семена, можно сказать,

с другого конца света. Они за время моего путешествия уже успели изрядно высохнуть и даже состариться. Но если у нас получится вырастить астранцию в нашем саду, то потом забот с самим цветком будет немного. Хорошая почва и достаточное количество воды – вот все, что ему нужно.

Спустя несколько месяцев отец снова привел меня в тот укромный уголок, укрытый в тени деревьев, где мы высеяли наши семена. Все они самым волшебным образом дали крепенькие росточки. А все благодаря нашему любовному уходу, да еще и холодильник помог. Это был один из любимых приемов Па Солта – устраивать семенам своеобразный сеанс шоковой терапии, подвергая их воздействию холода. По словам отца, такая обработка пробуждает в семенах дополнительные жизненные силы.

– Сейчас мы высадим нашу рассаду и будем терпеливо ухаживать за каждым росточком. Будем надеяться, что они приживутся на новом месте, – промолвил отец, когда мы, покончив с пересадкой, уже стряхивали с рук землю.

Однако прошло еще целых два года, прежде чем астранция в нашем саду зацвела в первый раз. С тех пор она благополучно размножилась по всей территории вокруг дома, самостоятельно рассеиваясь на тех участках сада, которые ей приглянулись. Я сорвала один цветок, осторожно пройдясь пальцами по его нежным лепесткам. И в ту же минуту особенно остро почувствовала, как же мне не хватает отца.

Потом отвернулась от цветущего куста и направилась к

скамейке, стоявшей в беседке, увитой розами. На сиденье еще блестела обильная роса. Я вытерла рукавом скамейку досуха и села, буквально кожей ощущая, как утренняя влага проникает мне прямиком в душу.

Я взглянула на пластиковую папку и на конверты, лежавшие в ней. Наверное, я все же совершила ошибку, мелькнуло у меня, что не послушалась тогда Сиси. Она ведь почти умоляла меня вскрыть наши письма одновременно и прочитать их вместе.

Трясущимися руками я извлекла из папки конверт с письмом отца, потом сделала глубокий вдох и надорвала конверт. Внутри лежало письмо и еще что-то маленькое, миниатюрное, похожее на коробочку для какой-нибудь драгоценной безделушки. Я развернула письмо и погрузилась в чтение.

*Атлантис
Женевское озеро
Швейцария*

Моя дорогая Стар!

Хорошо, что у меня есть возможность обратиться к тебе в письменном виде. Ведь мы оба знаем, что ты всегда отдавала предпочтение именно такому способу общения. Я до сего дня бережно храню все твои длинные и пространные письма, которые ты посылала мне, когда училась в школе и потом в университете. Как храню и все те письма, которые много позже стал получать от тебя, пока ты с сестрой странствовала

по всему миру.

Наверное, ты уже в курсе того, что я вознамерился снабдить каждую из вас, моих дочерей, информацией, проливающей свет на ваше происхождение и на ваши настоящие семьи. И хотя мне хотелось бы и впредь продолжать верить в то, что все вы, девочки, моя родная плоть и кровь, мои кровные дети, но все равно я понимаю, что в жизни каждой из вас может наступить такой момент, когда та информация, которой я собираюсь поделиться с вами, может оказаться вам полезной. Вполне возможно, не все из вас захотят отправиться в это путешествие на поиски собственного прошлого. Скорее всего, Стар, ты будешь в их числе. Ведь у тебя самая тонко чувствующая и одновременно самая сложная натура в сравнении с остальными твоими сестрами.

Над письмом к тебе я трудился дольше всего, частично потому, что решил обратиться к тебе не на французском, а на английском. А ты по части знания этого языка, его грамматики, правил правописания и прочее намного сильнее меня. А потому заранее прошу прощения за все те ошибки, которые я допущу по ходу письма. Но, с другой стороны, обращаясь к тебе по-английски, я, признаюсь честно, изо всех сил пытался нащупать некий наиболее прямой путь для твоих будущих поисков и одновременно дать ровно столько информации, сколько тебе может потребоваться на этом пути, но не больше и не меньше. Не хочу никоим образом разрушить твою жизнь, если ты все же

вознамеришься заняться поисками своих настоящих корней.

Вот что любопытно. Те подсказки, которые я сообщил остальным твоим сестрам, все они по большей части носят неодушевленный характер. Зато ключи к разгадке твоей тайны все вербальные, то есть облечены в самые различные слова. Наверное, это связано с тем, что история твоего рождения была надежно сокрыта ото всех на протяжении долгих и долгих лет. А потому тебе наверняка потребуется помощь других людей, чтобы докопаться до истины. Я и сам лишь сравнительно недавно узнал некоторые подробности, связанные с твоим происхождением. Но если кто и сможет выяснить все до конца, так это только ты, Стар, моя самая яркая звездочка в созвездии Семи Сестер. У тебя есть ум, ты все схватываешь на лету, а главное – ты хорошо понимаешь человеческую натуру. Ведь на протяжении стольких лет ты только тем и занималась, что наблюдала и слушала, слушала и наблюдала, впитывая в себя приобретенные таким образом знания. Уверен, они наверняка помогут тебе, если ты все же решишься стать на стезю поисков.

Итак, для начала я даю тебе адрес – карточка с указанием адреса приколота к оборотной стороне письма. Если ты захочешь наведаться по этому адресу, то спроси там про женщину по имени Флора Макникол.

И последнее... Прежде чем поставить точку и попрощаться, чувствую, что должен сказать

тебе вот что. Иногда бывают в жизни ситуации, когда человеку приходится делать нелегкий выбор, принимать трудные и весьма неприятные для окружающих решения. Вполне возможно, эти люди могут даже почувствовать себя обиженными. Во всяком случае, на какое-то короткое время. Однако в долгосрочной перспективе все перемены, на которые решается человек, только к лучшему, причем и для тех, кто посчитал себя обиженным. Это ведь тоже подтолкнет их двигаться дальше, вперед.

Моя дорогая Стар, не буду более докучать тебе дальнейшими наставлениями и советами. Тем более что ты прекрасно понимаешь, что именно я имею в виду. Скажу лишь одно: прожив долгую жизнь, я усвоил одну простую истину. Ничто в этом мире не вечно и ничто не остается в своем неизменном состоянии. Все меняется. Не видеть этого, не понимать – значит, совершить самую большую ошибку из всех, которые может совершить человек. Перемены неизбежны, хотим мы этого или нет. Они происходят по-разному, часто приходят, не спрашивая нас. Понять и смириться с таким положением вещей – это значит обрести радость жизни во всем ее многообразии. Это значит жить и радоваться тому, что живешь на такой прекрасной планете, как наша планета Земля.

Продолжай и дальше возвращать наш замечательный сад, который мы с тобой возделывали вместе. Вполне возможно, в будущем у тебя появится и свой собственный сад, который ты тоже будешь

лелеять и беречь. Но в первую очередь возвращай саму себя. И смело следуй за своей звездой. Время настало.

Твой любящий отец

Па Солт

Я глянула вдаль. На горизонте уже показалось солнце, пробившись сквозь густое облако, зависшее над озером. Первые солнечные лучи разогнали прочь хмурые тени. Однако мое собственное настроение ухудшилось. Вполне возможно, я испытала нечто похожее на разочарование. Ведь все то, о чем написал мне отец, мы с ним много раз обсуждали в наших разговорах еще при его жизни. Тогда, по крайней мере, я могла заглянуть в его добрые глаза, почувствовать ласковое прикосновение его руки к своему плечу, пока мы вместе с ним копались в очередной цветочной клумбе.

Я открепила визитку, приколотую скрепкой к письму, и прочитала, что там написано.

Артур Морстон Букс

190 Кенсингтон-Черч-Стрит

Лондон W8 4DS

Я припомнила, что однажды мне уже приходилось ехать автобусом по этой улице. Следовательно, нужно побывать там еще раз и познакомиться с этим самым Артуром Морстоном. Слава богу, ехать далеко не придется. Не то что Майе, которую ее поиски погнали аж на другой конец света. Потом я взяла листок с изречением, которое было выгравировано на армиллярной сфере и которое Майя специально

перевела для меня.

Дуб и кипарис не могут расти в тени друг друга.

Я невольно улыбнулась. Точнее и не охарактеризуешь наши взаимоотношения с Сиси. Она, сильная, упрямая, уверенно стоящая обеими ногами на земле. И я, этакая тоненькая тростиночка, гнущаяся при малейшем порыве ветра. Впрочем, само это изречение мне хорошо знакомо. Это строчка из философской поэмы Халиля Джебрана «Пророк». Легко догадаться, кто в тени кого прячется...

Но пока я еще не знаю, как мне выбраться из этой тени на солнце.

Я аккуратно свернула листок с цитатой из «Пророка» и положила его в конверт, а потом достала следующий конверт с координатами моего предполагаемого места рождения, которые вычислила для меня Алли. Пожалуй, именно эта подсказка пугала меня более всего.

Так ли уж я хочу на самом деле узнать, где именно отыскал меня папа?

Пожалуй, на данный момент я совершенно не чувствую такой потребности. Мне и сегодня по-прежнему хочется быть дочерью своего отца и принадлежать Атлантису.

С этими мыслями я снова спрятала конверт с координатами в папку, после чего взяла в руки коробочку и открыла ее.

Внутри лежала маленькая черная фигурка какого-то животного, вырезанная, скорее всего, из оникса. Я достала фигурку и принялась разглядывать ее с разных сторон. Плавные

линии фигурки животного выдавали его принадлежность к породе кошачьих. Я глянула на основание и увидела там клеймо, а чуть ниже было выгравировано и название статуэтки.

Пантера

Два маленьких драгоценных камешка желтоватого цвета, вставленные в глазницы животного, хитровато подмигнули мне, переливаясь в еще слабых, самых первых лучах утреннего солнца.

– Кому же ты принадлежала? – спросила я пантеру вслух. – И какое отношение эти люди имеют ко мне?

Я осторожно положила пантеру обратно в коробочку, поднялась со скамьи и направилась к армиллярной сфере. В последний раз я видела ее, стоя в окружении всех своих сестер. Все мы тогда недоумевали, что бы это значило и почему отец оставил нам в наследство столь странную скульптуру. И вот я снова стою рядом с ней и внимательно разглядываю золотистый шар, заключенный в своеобразную арматуру из серебряных полосок. Очень элегантная конструкция. Все исполнено на самом высочайшем уровне, безупречная работа. На золотистом глобусе отчетливо просматриваются контуры всех континентов Земли, омываемые со всех сторон семью морями. Я медленно прошлась вокруг шара. На серебристых полосках выбиты греческие имена всех моих сестер. Майя, Альциона, Келено, Тайгете, Электра... И конечно, я сама – Астеропа.

«Что имя?» – мысленно процитировала я слова Джульетты из шекспировской трагедии. И снова, уже в который раз, задумалась над тем, что же в наших именах первично. Назвали нас так в честь мифологических героинь? Или, наоборот, сами имена выбрали именно *нас, каждую из нас*? Взять хотя бы меня. В отличие от остальных моих сестер, про героиню, подарившую мне свое имя, практически ничего не известно. Уж не потому ли, размышляла я порой, я и сама скольжу невидимкой в собственной семье?

Майя – красавица; Алли – лидер; Сиси – прагматик; Тигги – воспитательница; Электра – шаровая молния... А что же я сама? Наверняка мне была уготована участь некой миротворицы, не иначе.

Что ж, если молчание гарантирует мир в доме, то тогда, несомненно, это *мой* стиль поведения. Наверное, отец предначертал мне такую участь с самого момента моего появления на свет, не приняв в расчет то, какими задатками я обладала на самом деле. Ну, а я потом старалась жить так, чтобы максимально соответствовать избранному идеалу. Впрочем, одно не вызывало у меня сомнения: все мои сестры как нельзя лучше соответствовали личностным качествам своих мифологических прототипов.

Мерона...

Взгляд мой произвольно выхватил седьмую металлическую полоску. Я наклонилась, чтобы разглядеть ее получше. Никаких координат на ней не значилось. И никакого изрече-

ния там тоже не было. Сестра, которая так и не появилась в нашем доме. Седьмой ребенок, которого должен был привести из своего очередного странствия Па Солт. И все мы ждали. Но папа так и не привез в Атлантис седьмую девочку. А была ли она вообще? Или отец, будучи перфекционистом во всем, просто посчитал, что и армиллярная сфера должна быть воспроизведена в своем законченном виде, то есть чтобы все было как надо, а потому и добавил седьмую полоску с именем несуществующей седьмой сестры? А может, он мысленно прикидывал и другой вариант? Вдруг у кого-то из моих сестер родится девочка, и тогда ее можно будет назвать Меропой. И таким образом папина армиллярная сфера получит свое правомерное завершение.

Я тяжело опустилась на скамью, пытаюсь припомнить, заводил ли когда-нибудь при жизни отец разговор со мной о седьмой сестре. Но ничего подобного я так и не вспомнила. Собственно, он и о самом себе тоже не особо распространялся. Его всегда гораздо более интересовало все то, что происходило *в моей жизни*. И вот что получилось в итоге... Хотя я любила Па Солта всем сердцем и душой, любила именно так, как любят дочери своих родных отцов, и хотя он, наряду с Сиси, был для меня самым дорогим человеком на свете, я вдруг поняла, к своему удивлению, что практически ничего о нем не знаю.

Ну, разве что какие-то мелочи... Папа любил заниматься садоводством, он явно был очень богат. Но вот источник

его благосостояния оставался для всех нас такой же мистической загадкой, как и седьмая полоска на армиллярной сфере. А ведь у меня никогда, ни на минуту, не возникало ощущения, что мы с отцом не близки. Или что он неохотно делился со мной какой-то информацией, если я о чем-то расспрашивала его.

Наверное, все дело в том, что я никогда не задавала ему правильных вопросов. Да, пожалуй, и остальные мои сестры тоже ни единого раза не спросили его о том, о чем можно было бы и должно было бы спросить.

Я поднялась со скамьи и пошла по саду, проверяя, где и что растет, и мысленно составляя список своих наказов для нашего садовника Ганса. Нужно будет обязательно встретиться с ним и переговорить обо всем, прежде чем я уеду из Атлантиды.

После прогулки по саду я повернулась в сторону дома и вдруг поймала себя на одной мысли. Еще вчера мне так отчаянно хотелось поскорее попасть в Атлантиду, а уже сегодня я готова бросить все и лететь обратно в Лондон. Действительно, пора начинать заниматься своей собственной жизнью.

4

Конец июля. В эту пору в Лондоне всегда душно и влажно. Мне особенно достается. Ведь я целые дни провожу в душном кухонном помещении без окон, расположенном в одном

из лондонских районов под названием Бэйзуотер. Мои кулинарные курсы рассчитаны всего лишь на три недели, но и за столь короткий срок я успела усвоить бездну знаний, касающихся кухни и всего того, что с ней связано. Пожалуй, больше, чем за всю свою предшествующую жизнь. Теперь я умею нарезать овощи мелкими кусочками, брусочками и тонкой соломкой, ловко управляясь с поварским ножом, который словно стал продолжением моей руки. Я мешу хлебное тесто до изнеможения, пока не начинают ныть все мускулы, а потом испытываю самое настоящее счастье, наблюдая за тем, как оно подходит, как поднимается, уже готовое к выпечке.

Каждый вечер по окончании занятий мы получаем задание на следующий день: придумать меню и расписание подачи блюд, а по утрам приступем к исполнению задуманного, реализуя на практике наши смелые *mise en place*, то есть собственные кулинарные замыслы. Но первым делом проверяем наличие всех ингредиентов, подбираем соответствующую посуду, рачительно готовим и приводим в порядок свое рабочее место. А по окончании занятий так же тщательно убираем его, протираем до блеска каждую рабочую поверхность. Чтобы все вокруг сверкало и радовало глаз. В такие минуты я, как ни странно, чувствовала некое особое удовлетворение от того, что уж *в эту кухню* Сиси точно не проникнет и не устроит в ней свой обычный бедлам.

Состав слушателей на наших курсах довольно пестрый:

мужчины и женщины всех возрастов, начиная от привилегированной восемнадцатилетней молодежи и заканчивая пожилыми домохозяйками, уже успевшими изрядно утомиться и от плиты, и от прочих домашних забот. Но в какой-то момент дамы возжелали придать изюминку своим обедам, устраиваемым где-нибудь среди пасторальных пейзажей в романтическом графстве Суррей.

– Я двадцать лет отработал водителем грузовика, – делится со мной Пол, сорокалетний здоровяк, к тому же разведенный, выкладывая на противень аккуратные трубочки для эклера, из которых он потом примется готовить нежнейшие гужеры с сыром, особое лакомство из заварного теста. – А всю жизнь мечтал быть поваром и вот наконец-то смог осуществить свою мечту. – Он весело подмигивает мне. – Жизнь ведь так коротка, не правда ли?

– Да, – соглашаюсь я с ним понимающим тоном.

К счастью, невеселые размышления о своей собственной безысходной ситуации отходят на занятиях на второй план. Помогает еще и то, что Сиси загружена не меньше, чем я сама. Если она не занимается подбором мебели для нашей новой квартиры, то целыми днями колесит по Лондону из конца в конец на броских автобусах красного цвета в поисках вдохновения для своей очередной инсталляции. Что это такое, понять трудно, но постепенно наша крохотная гостиная заполняется всяким хламом, подобранным Сиси в ходе ее блужданий по городу. Здесь и искореженные и помя-

тые жестянки, явно с какой-нибудь свалки, и куски красной черепицы, и пустые канистры из-под бензина, источающие смрадный запах, и, что особенно напугало меня, когда я увидела «это» впервые, какое-то наполовину обгоревшее чучело в человеческий рост с ошметками одежды и соломы, которой чучело, судя по всему, было набито изначально. Но Сиси все объяснила.

– Каждый год в ночь на 5 ноября англичане сжигают на кострах чучело человека по имени Гай Фокс. Удивляюсь, как вот это чучело уцелело и дожило аж до июля месяца следующего года, – промолвила Сиси, загружая степлер новой порцией скрепок. – Вроде как этот парень когда-то вместе с другими заговорщиками пытался взорвать здание парламента. Но вся эта история случилась давным-давно, много лет тому назад, точнее, много столетий тому назад. Словом, чокнутые они все, эти англичане, – рассмеялась сестра в завершение своего рассказа.

Но вот началась последняя неделя занятий на кулинарных курсах. Нас всех разбили на пары и попросили приготовить ланч, состоящий из трех блюд.

– Все вы прекрасно понимаете, как важна слаженная работа на кухне, что включает в том числе и умение трудиться в команде, – обратился ко всем участникам Маркус, руководитель наших курсов, молодой человек с очень яркой и запоминающейся внешностью. – Вы должны научиться работать и под давлением извне, то есть не только уметь отдавать

своим помощникам приказы, но и самим исполнять чужие приказы. Итак, работаем парами.

У меня упало сердце, когда я увидела, что мне в пару дали Пьера, совсем еще желторотого юнца. Как правило, на занятиях парень предпочитал отмалчиваться, почти никогда не участвовал в наших общих обсуждениях, если не считать веселых шуточек, которые он с чисто юношеской непосредственностью время от времени отпускал.

Положительным моментом в нашем временном союзе было лишь то, что Пьер обладал врожденным кулинарным талантом. И к превеликому раздражению многих других учащихся, именно его чаще всего ставил нам в пример Маркус, не жалея похвал, которыми он буквально осыпал Пьера.

– Да он просто запал на него, – услышала я пару дней тому назад в туалете, как Тиффани, юная английская мисс в полном боевом прикиде, жаловалась своим подружкам, таким же шикарным девицам, как и сама, на предвзятость нашего наставника.

Я лишь молча улыбнулась про себя, ополаскивая руки под краном. А еще подумала, когда же все эти люди в конце концов повзрослеют? Или так и будут всю жизнь выяснять отношения между собой, словно ребятня на детской площадке?

– Итак, Сия, сегодня у тебя последний день занятий, – улыbnулась мне Сиси на следующее утро, пока я второпях допивала свою чашку кофе. – Желаю выйти победительницей в ваших кулинарных поединках.

– Спасибо. До встречи, – попрощалась я уже на выходе из квартиры и заторопилась на автобусную остановку на Тутинг-Хай-стрит, чтобы успеть на свой автобус. Конечно, на метро было бы гораздо быстрее, но мне нравится разъезжать по Лондону именно на автобусе, попутно знакомясь с самим городом. На остановке меня поджидало сообщение, согласно которому маршрут моего автобуса поменялся в связи с тем, что на Парк-Лейн ведутся ремонтные работы газопровода. А потому автобус, проехав по мосту через Темзу, держа курс на север, покати́л совсем иным путем. Мы проехали через Найтбридж, забитый в это время транспортом до отказа, и с трудом выбрались на более или менее свободное пространство без всех этих раздражающих пробок, попутно миновав величественное куполообразное здание Ройял-Алберт-Холла, одного из крупнейших концертных залов Лондона.

Издав вздох облегчения при мысли о том, что мы наконец вырулили на привычный маршрут, я включила музыку

и стала слушать в наушниках свое любимое «Утреннее настроение» Эдварда Грига, музыку, которая сразу же напомнила мне об Атлантиде. Потом переключилась на «Ромео и Джульетту» Сергея Прокофьева. Эту музыку я тоже часто слышала дома в исполнении Па Солта. Как хорошо, подумала я, что люди придумали эти умные айподы. У нас ведь с Сиси совершенно разные музыкальные вкусы. Моя сестра предпочитает тяжелый рок, а потому вечерами старенький CD-плеер в нашей спальне буквально разрывается на части, вибрируя как ненормальный и попутно наполняя все помещение пронзительными звуками гитар и голосами, то и дело срывающимися на крик. Но вот автобус замедлил ход, подъехав к очередной остановке, я невольно глянула в окно, чтобы прочесть название улицы, но не обнаружила никаких вывесок. Разве что успела разглядеть уже тогда, когда автобус стал отъезжать от остановки, как слева по ходу движения мелькнула вывеска над одним из магазинчиков. *Артур Морстон...*

Я, вытянув шею, повернулась назад, чтобы убедиться в том, что прочитала все правильно. Но было поздно, автобус уже успел отъехать слишком далеко. Зато когда водитель свернул направо, я увидела на дорожном знаке название улицы: *Кенсингтон-Черч-стрит*. Получается, что я только что проехала по улице, которая фигурировала в качестве одной из папиных подсказок. От этой мысли у меня по спине пробежал холодок.

Я продолжала размышлять о столь странном совпадении и потом, когда вместе с другими учащимися наших курсов вошла в помещение кухни.

– Доброе утро, сердце мое. Готова на штурм кулинарных высот? – приветствовал меня Пьер, радостно потирая руки в предвкушении своего очередного триумфа.

Я нервно сглотнула слюну. Вообще-то я – самая настоящая феминистка в полном смысле этого слова. То есть для меня *равенство полов* – это вовсе не пустой звук. Терпеть не могу мужского доминирования над собой. И уж точно на дух не переношу все эти ласковые словечки типа «сердце мое» и прочее. Причем независимо от того, кто меня так называет, мужчина или женщина.

– Итак, – услышала я жизнерадостный голос Маркуса, внезапно появившегося на кухне. Он тут же раздал каждой паре участников какие-то бланки, на первый взгляд пустые. – Взгляните на обратную сторону бланка. Там указано меню для каждой пары соревнующихся, которое вы должны будете приготовить. Все участники обязаны уложиться до полудня. Ровно в двенадцать часов дня все блюда должны быть выставлены вами на рабочем столе для всеобщего обозрения. В запасе у вас два часа времени. За работу, друзья мои! И удачи вам! А сейчас можете ознакомиться со своими заданиями.

Пьер тут же выхватил бланк из моей руки, и мне пришлось, уже заглядывая через его плечо, читать все то, что мы

с ним были обязаны приготовить.

– Мусс из гусиной печени с сухариками Мелба, тушеный лосось с гарниром из картошки по-французски, то есть запеченной вместе со сливками и сыром, плюс соте из зелено-го горошка. А на десерт – клубника со взбитыми сливками и меренгами под названием «Итонская мешанка», – огласил Пьер вслух наше меню и добавил: – Отлично! Я принимаюсь за мусс из фуа-гра и за лосося, поскольку рыба и мясо – это мое. А за тобой овощи и десерт. Но советую начать с выпечки меренг.

Я хотела возразить своему напарнику, сказать, что могу не *хуже его* приготовить мусс и потушить лосося. К тому же оба эти блюда, несомненно, гвоздь всего нашего меню летнего обеда. Но вовремя спохватилась и сказала сама себе, что один разок могу и смириться с мужским диктатом. К тому же, как заметил Маркус, нам всем нужно учиться работать в команде. А потому, вместо того чтобы спорить, занялась взбиванием белков с сахарной пудрой.

Неумолимо приближался к своему окончанию отпущенный нам запас времени протяженностью в два часа, но я, как ни странно, сохраняла спокойствие и была, как говорится, во всеоружии. Зато Пьер нервно суетился, переделывая заново блюдо из гусиной печени. То, что мусс получился не таким, как ему бы хотелось, он понял лишь на последних минутах и тут же бросился спасать положение. Я взглянула на казанок, в котором он тушил лосося. Я была почти уверена в том, что

напарник уже изрядно передержал рыбу на огне. Я попыталась сказать ему об этом, но он лишь досадливо отмахнулся от меня рукой.

– Итак, друзья мои, время! Пожалуйста, прекращайте работу, – звонким голосом оповестил Маркус на всю кухню. И тут же послышалось звяканье кастрюль, крышек, тарелок. Все повара отступили на шаг от своих рабочих мест. Лишь один Пьер проигнорировал приказ шефа. Он лихорадочно выкладывал рыбу на блюдо рядом с моей картошкой и сое из зеленого горошка.

Но вот щедро осыпав похвалами и отдав должное вкусовым качествам блюд, приготовленных предшествующими пятью парами соревнующихся, Маркус приблизился к нашему рабочему месту. Как я и предполагала, он начал дегустацию с мусса, внимательно оценил внешний вид блюда, попробовал, какова текстура, после чего одобрительно улыбнулся, глянув на своего любимца:

– Превосходная работа. Переходим к лососю.

Он откусил кусочек рыбы, и я увидела, как наставник мгновенно помрачнел, недовольно скривился и сразу же усталился на меня.

– А вот это не совсем хорошо. Точнее, совсем плохо. Рыба перетушена. А вот гарнир... горошек и картофель, – он попробовал и то, и другое, – здесь у меня нет вопросов. Гарнир отличный.

И он снова улыбнулся Пьеру. Я глянула в упор на своего

партнера, ожидая, что тот сейчас во всем признается и скажет Маркусу, что это именно он испортил рыбу. Но парень лишь поспешно отвел глаза в сторону и промолчал. А Маркус между тем принялся за дегустацию «Итонской мешанки».

Впрочем, ничего похожего на мешанку не наблюдалось. Приготовленный мною десерт скорее напоминал по своим внешним очертаниям тюльпан, который вот-вот распустится. Меренги образовали своеобразный сосуд, став основанием, на которое я выложила клубнику, изрядно сдобрив ее черносмородиновым ликером, а сами меренги упрятав под толстым слоем крема шантильи. Я с замиранием сердца ожидала вердикт Маркуса. Либо он одобрит мою мешанку и она придется ему по вкусу, либо с ходу отвергнет клубничный десерт. Вот он зачерпнул полную ложку и отправил ее в рот, пробуя блюдо на вкус.

– Великолепно, Стар! Восхитительный вкус. И сама подача блюда впечатляет. Очень креативно... Отличная работа.

В итоге Маркус присудил нам с Пьером первое место за мусс из гусиной печени и за мой десерт.

В раздевалке я открыла свой шкафчик, при этом хлопнув дверцей несколько громче, чем следовало бы, достала оттуда свою одежду и с облегчением сбросила белоснежную поварскую униформу.

– Удивляюсь, как ты только смогла промолчать!

Я подняла глаза, чтобы посмотреть, кто говорит. Странно,

но именно эти же самые слова вертелись и в моей собственной голове. Оказалось, это была Шанти, красавица индианка, приблизительно одного со мной возраста. Она была единственной в нашей группе, если не считать меня, кто никогда не участвовал в общих пирушках, не торопилась после окончания занятий пропустить стаканчик-другой в баре вместе с остальными однокурсниками. И тем не менее в группе все ее любили. От нее веяло каким-то особым покоем. Всем своим видом она источала положительную энергию, распространяя ее вокруг себя.

– Я же своими глазами видела, как Пьер испортил рыбу, передержал ее на огне. Он работал как раз рядом со мной. Почему же ты ничего не сказала Маркусу? Не стала возражать, когда он во всем обвинил тебя?

Я лишь молча пожала плечами в ответ.

– А что тут говорить? В конце концов, это всего лишь кусок рыбы, и только...

– А вот я бы не стала отмалчиваться! Ни за что! Ведь Пьер повел себя нечестно по отношению к тебе. А любая несправедливость, по-моему, должна быть тут же обнародована и наказана.

Я достала из шкафчика свою сумочку, не зная, что ответить на эти слова Шанти. Другие девушки уже успели покинуть раздевалку. Явно торопились в бар, чтобы в последний раз посидеть всем вместе и отметить окончание нашей учебы. На ходу попрощались с нами и оставили наедине друг с

другом. Я стала завязывать шнурки на кроссовках, попутно наблюдая за тем, как Шанти расчесывает свои густые смоляные волосы, потом тонкими изящными пальцами берет тюбик темно-красной помады и подкрашивает губы.

– Всего доброго, – бросила я ей, тоже направляясь к выходу из раздевалки.

– Может, пойдём и тоже пропустим где-нибудь по стаканчику? – неожиданно предложила она мне. – Я тут знаю одно уютное местечко. Совсем рядом, за углом. Там всегда тихо. Думаю, тебе понравится.

Какое-то время я мялась в нерешительности. Разговоры по душам с глазу на глаз – не моя стихия. Но невольно я поймала изучающий взгляд Шанти, обращенный на меня, и тут же согласилась.

– А почему бы и нет? Пойдем.

Мы прошли пару шагов и увидели прямо перед собой винный бар. Устроились за столиком в самом дальнем углу зала.

– Итак, Стар Загадочная, – с улыбкой глянула на меня Шанти. – Расскажи мне о себе. Кто ты? Откуда?

По правде говоря, я всегда больше всего на свете боюсь именно таких вопросов, хотя у меня имеется наготове этакий пакетный ответ на все вопросы сразу.

– Я родилась в Швейцарии. У меня пять сестер. Мы все приемные дети. Училась в Сассекском университете.

– Что изучала?

– Английскую литературу. А ты чем занимаешься?

– Я британка в первом поколении. Мои родители переехали сюда из Индии. По специальности я психотерапевт. Контингент моих пациентов – это, главным образом, люди, страдающие депрессией и различными суицидальными комплексами. К сожалению, таких людей очень много в наши дни. – Шанти подавила тяжелый вздох. – Особенно в Лондоне. Родители постоянно давят на своих чад, чтобы они чего-то добивались в этой жизни, и прочее, и прочее... Все это мне хорошо знакомо, и не понаслышке.

– А почему ты записалась на кулинарные курсы?

– Потому что очень люблю готовить! Кулинария – это для меня самое большое удовольствие в жизни. – Она широко улыбнулась. – А ты почему?

А эта женщина может разговаривать любого, подумала я. Такая уж у нее специальность. И тут же мысленно приказала себе быть начеку.

– Мне тоже нравится готовить.

– Хочешь в будущем работать поваром?

– Нет. Думаю, мне нравится возиться на кухне, потому что у меня хорошо получается. Наверное, звучит немного самонадеянно, да?

– Что значит самонадеянно? – весело рассмеялась в ответ Шанти. Ее мелодичный голос невольно ласкал слух. – Разве напитать человеческое тело менее важно, чем накормить его душу? Так что никакой самонадеянности или тем более эгоизма я в твоём увлечении не вижу. И потом, по себе знаю,

всегда приятно заниматься тем, что у тебя хорошо получается. Это, кстати, самым положительным образом сказывается и на результатах твоих усилий. Страсть, она, знаешь ли, всегда способствует. А у тебя какие увлечения, Стар?

– Люблю разводить цветы... А еще...

– Что?

– Люблю писать.

– А я вот люблю читать. Чтение не только расширяет мой кругозор, оно еще и просвещает меня. У меня никогда не было денег, чтобы путешествовать по миру. Вот я и путешествую вместе с книгами. Где ты живешь?

– В Тутинге. Но мы скоро переезжаем в Баттерси.

– Как здорово! Я тоже живу в Баттерси. Рядом с Куинстаун-роуд. Знаешь, где это?

– Нет. Я еще пока мало знаю Лондон.

– А после университета где обитала?

– Можно сказать, нигде. Я много путешествовала.

– Счастливая, – вздохнула Шанти. – Надеюсь, и мне когда-нибудь удастся посмотреть на мир хоть одним глазком... Прежде чем я умру... Но сегодня денег на заграничные путешествия у меня нет. А как тебе удалось осилить все эти поездки?

– Мы с сестрой обычно во время наших путешествий всегда старались найти себе работу там, где останавливались. Она трудилась в баре, а я, главным образом, подрабатывала уборкой квартир.

– Вау! Стар, ты такая красавица, такая яркая и необычная девушка. Не могу представить себе, что ты драила чьи-то туалеты. Но молодец! Выходит, ты по натуре вечная странница... Нигде не можешь задержаться надолго.

– Скорее это уж моя сестра, чем я. А я просто следую за ней.

– Вот как? И где же она сейчас?

– Дома. Мы живем вместе. Моя сестра художник. В следующем месяце она приступает к занятиям в Королевской академии искусств. Базовый курс лекций по мировому искусству.

– Понятно... А приятель у тебя есть? Что-то серьезное, я имею в виду...

– Нет.

– И у меня на данный момент тоже никого. А в прошлом случалось что-то стоящее?

– Нет. – Я взглянула на часы, чувствуя, как краска ударила мне в лицо. Надо же... Не стесняется задавать столь бесцеремонные вопросы. Очень смахивает на такой прицельный огонь по противнику. – К сожалению, мне пора.

– Конечно, конечно, что за разговор.

Шанти залпом осушила свой стакан до дна и проследовала за мной к выходу.

– Я рада, что познакомилась с тобой поближе, Стар. Вот моя визитка. Жду от тебя эсэмэсок, хотя бы изредка. Мне будет интересно узнать, как у тебя сложатся дела. А захочешь

поговорить лично, я всегда к твоим услугам.

– Обязательно позвоню. До свидания.

Я резко развернулась и поспешила прочь. Не привыкла обсуждать свою личную жизнь. Ни с кем. Вот и после разговора с Шанти у меня осталось странное чувство неловкости.

– Ну, наконец-то явилась не запылилась! – Сиси встретила меня, уперев руки в боки, прямо у дверей. – Куда это ты запропастилась, Сия?

– Да вот зашла с приятельницей в бар. Пропустили по стаканчику на прощание.

Я прошмыгнула мимо Сиси напрямиком в ванную и тут же плотно прикрыла за собой дверь.

– Могла бы хоть предупредить, что задерживаешься. Я тут, понимаешь, развела стряпню... Думала, отпразднуем окончание твоей учебы. Наверняка все уже успело остыть и прийти в негодность.

Сиси практически никогда не занималась тем, что сама же только что назвала «стряпней». В тех редких случаях, когда я отсутствовала или по каким-то причинам не успевала приготовить нам с ней еду, сестра всегда питалась где-нибудь на

стороне, в кафе или в закускойной.

– Прости, не подумала, – искренне повинулась я перед ней. – Через пару секунд буду готова.

Я прислушалась к шагам Сиси. Она явно заторопилась обратно на кухню. Я сполоснула руки под краном и откинула пряди волос с лица. Потом слегка пригнула колени, чтобы получше разглядеть собственное отражение в зеркале.

– Нужно что-то менять, срочно, – проронила я, глядя на саму себя.

5

В августе Лондон стал похож на город-призрак. Те, кому позволяли средства хотя бы на короткое время поменять капризный английский климат с его всего лишь двумя вариантами режима: «сыро и туманно» и «солнечно и влажно», между которыми он и колеблется постоянно, так вот, все эти счастливики благополучно покинули туманные берега Альбиона и умчались прочь к другим берегам. А сам Лондон погрузился на это время в спячку в ожидании, пока его ветренные обитатели не вернуться снова к родным очагам и в городе снова забурлит активная деловая жизнь.

Я сама пребывала все последние недели в состоянии апатии и некоего своеобразного, не знакомого мне ранее, оцепенения. Первые дни после смерти Па Солта я начисто лишилась сна. Зато сейчас с трудом заставляла себя по утрам под-

няться с постели. В отличие от меня Сиси буквально кипела активностью. Целыми днями носилась по городу как угорелая, да еще и меня заставляла, повсюду таская за собой. То, видите ли, надо помочь ей определиться с выбором марки холодильника, то посоветовать с плиткой для отделки ванной комнаты в нашей новой квартире.

В одну из суббот, когда на улице царили особенно невыносимая духота и влажность и я уже заранее спланировала весь день проваляться в кровати с книжкой в руках, она приказным тоном велела мне немедленно подниматься с постели и приводить себя в порядок. Дескать, впереди нас ждет марш-бросок на автобусе в какой-то антикварный магазин. У нее и тени сомнения не было в том, что сама идея придется мне по душе, как и та мебель, которая поджидает нас в означенном антикварном магазине.

– Ну вот мы и приехали! – радостным тоном объявила мне сестра, когда автобус медленно подъехал к очередной остановке. – Дом, в котором находится магазин, имеет порядковый номер 159. Значит, мы уже на месте.

Мы вышли на тротуар, и я с трудом удержалась от того, чтобы не вскрикнуть. Уже дважды за последние пару недель я оказалась всего лишь в паре шагов от двери с вывеской «Артур Морстон Букс». Сиси повернула налево, направляясь в магазин, расположенный по соседству. Я же нарочито замедлила свой шаг, чтобы выиграть немного времени и хотя бы мельком взглянуть в витринное стекло книжного ма-

газина и увидеть, что там внутри. Взглянула и увидела... Все стеллажи до самого потолка уставлены старинными книгами. Когда-нибудь, подумала я, когда у меня заведутся деньги, я тоже начну коллекционировать всякие антикварные инкунабулы. И у меня появится наконец собственный дом, а в нем камин, по обе стороны от которого протянутся полки, тоже сплошь заполненные редкими старинными изданиями.

– Поторопись, Сия. Уже без пятнадцати четыре. А я и понятия не имею, во сколько они закрываются по субботам.

Я ускорила шаг и вошла вслед за сестрой в антикварный магазин. Все помещение было забито до отказа мебелью в восточном стиле: лакированные столики с ярко алыми столешницами, буфеты, выкрашенные в черные цвет, дверцы которых расписаны изящными бабочками, позолоченные статуи Будды, все, как один, с невозмутимыми улыбками на устах.

– Жаль, что мы в свое время не загрузили контейнер для перевозок подобными предметами, когда путешествовали по Востоку, – заметила Сиси, удивленно вскинув брови при виде одного из ценников, после чего сделала выразительный жест руками, показывая, что экспонат стоит кучу денег. – Наверняка там нам бы все это обошлось гораздо дешевле. Что ж, придется поискать что-то подходящее в других местах, – добавила она.

Мы вышли из магазина и направились к автобусной остановке, попутно заглядывая в живописно оформленные вит-

рины других старомодных магазинчиков и лавок, протянувшихся вдоль улицы. В ожидании автобуса я молча пялилась на вывеску книжной лавки Артура Морстона, которая располагалась как раз напротив остановки на другой стороне улицы. Моя сестра Тигги наверняка не преминула бы заметить, что это сама судьба. В любом случае такое совпадение действительно показалось мне весьма знаменательным.

Неделю спустя, когда Сиси поехала на нашу новую квартиру, чтобы лично посмотреть, как продвигаются работы по облицовке кафелем всех подсобных помещений, я пошла в местный крохотный магазинчик, расположенный на углу, чтобы купить пакет молока. Стоя у кассы в ожидании сдачи, непроизвольно скользнула глазом по заголовку в нижнем правом углу газеты «Таймс» и тотчас же застыла на месте.

**КАПИТАН ЯХТЫ «ТИГРИЦА»
ПОГИБ ВО ВРЕМЯ ШТОРМА
НА ГОНКАХ ФАСТНЕТ**

Я почувствовала, как у меня екнуло сердце. Ведь моя сестра Алли тоже участвует сейчас в этих гонках. И, если мне не изменяет память, именно в составе экипажа на яхте «Тиг-

рица». Правда, под заголовком была помещена фотография мужчины, но от этого волнения у меня не убавилось. Я купила газету и тут же, прямо по дороге домой, лихорадочно пробежала глазами сообщение. После чего облегченно вздохнула. О других жертвах в ходе этого трагического инцидента не сообщалось. Судя по всему, погодные условия были ужасными. Три четверти всех яхт, заявленных для участия в гонках, были вынуждены сняться с соревнований и стать на прикол.

Я немедленно отправила эсэмэску Сиси, а вернувшись к себе, снова перечитала статью. Конечно, моя старшая сестра – настоящий профессионал. Алли занимается парусным спортом уже многие годы. Сама мысль о том, что она тоже может вот так же погибнуть на каких-нибудь соревнованиях, даже не приходила мне в голову. Никогда! Ведь наша Алли, она у нас живое воплощение самой *жизни*. Смелая, решительная, бесстрашно встречает любые испытания. Я всегда восхищаюсь ею... И немного завидую тоже.

Я тут же отправила коротенькую эсэмэску и ей тоже, сообщила, что прочитала о трагедии, которая случилась у них на гонках. Попросила незамедлительно связаться со мной. В эту минуту зазвонил мой мобильник, это была Сиси. Я поспешно нажала на клавишу «Отправить», отсылая свое сообщение Алли.

– Сия, я только что говорила с Ма, – затараторила мне в трубку сестра. – Она сама мне позвонила. Алли тоже участвовала в этих гонках и...

– Знаю. Я только что прочитала обо всем в газете. Остается лишь надеяться, что с нашей Алли все в порядке.

– Ма сказала, что ей уже кто-то позвонил и сообщил, что Алли жива. Наверняка их яхту сняли с соревнований.

– И слава богу! Бедняжка Алли! Представляю, как это страшно – терять своего капитана, да еще при таких драматических обстоятельствах.

– Согласна с тобой. Все это просто ужасно. В любом случае я уже скоро буду дома. Наша новая кухня, доложу я тебе, выглядит просто фантастично. Тебе она точно понравится.

– Не сомневаюсь, – ответила я ровным голосом.

– Да. И вот еще что... Уже привезли наши кровати и двуспальную кровать во вторую спальню тоже. Так что совсем скоро мы переезжаем... Честное слово, не могу дождаться этой минуты. Все, пока.

Сиси отключилась, а я уже в который раз мысленно восхитилась ее умению быстро абстрагироваться от плохих новостей, переключаясь на всякие обыденные дела. Впрочем, я понимала, что это у нее такой своеобразный способ бороться с бедой, если она вдруг приходит. Потом я еще какое-то время размышляла над тем, что надо наконец собраться с духом и сказать Сиси, что две взрослые особы, достигшие двадцатисемилетнего возраста, могли бы уже начинать спать каждая в своей комнате, а не делить одну спальню на двоих. Тем более что рядом есть свободная комната. А на тот редкий случай, если к нам вдруг нагрянут гости, то я с легкостью пе-

рееду на пару дней в ее комнату. Ну не странно ли тесниться в одной комнате, когда комната по соседству пустует?

В один прекрасный день, Стар, тебе придется столкнуться с этим...

Да, именно так. В один прекрасный день. Но никак *не сегодня*.

Пару дней спустя, когда я занималась тем, что упаковывала свои скромные пожитки, готовясь к переезду на новую квартиру, мне позвонила Ма.

– Стар, – заговорила она в трубку.

– Да, это я. Что-нибудь случилось? С Алли все в порядке? Она не отвечает на мои эсэмэски, – мгновенно встревожилась я. – А ты до нее дозвонишься?

– Нет. Я с ней не разговаривала, но знаю, что она не пострадала. Я говорила с матерью погибшего капитана. Ты, наверное, читала в газетах, что он как раз возглавлял экипаж, в составе которого числилась и наша Алли. Славная женщина, его мать... – В трубке послышался легкий вздох. – Сын оставил ей номер моего телефона на тот случай, если с ним произойдет что-то плохое. Чтобы она обязательно позвони-

ла мне. Женщина считает, что у ее сына было дурное предчувствие.

– Ты хочешь сказать, он заранее предвидел свою собственную гибель?

– Да... Видишь ли, дело в том, что Алли и Тео тайно обрuchились. Тео – это его имя.

Какое-то время я молчала в трубку, переваривая услышанную новость.

– Полагаю, – продолжила свой монолог Ма, – Тео предвидел, что в случае трагедии Алли испытает настоящий шок и будет просто не в состоянии обзванивать всех нас. Тем более что у них было все очень серьезно... Хотя она и не стала пока рассказывать о своих взаимоотношениях с Тео никому из вас.

– А ты об этом знала, Ма?

– Знала. Впрочем, для меня и так было очевидно, что наша Алли влюбилась по-настоящему. Она сама призналась мне, что наконец-то встретила того единственного, о котором могла лишь мечтать. Я...

Ма умолкла, не в силах продолжать.

– Какое горе, Ма. У меня просто нет слов.

– Прости, дорогая. Все нервы... Хотя я уже прожила достаточно долго и знаю, как жизнь умеет не только одарить тебя чем-то хорошим, но и бессердечно забирает свои дары... Однако для Алли ситуация особенно трагичная, особенно если вспомнить, что она потеряла любимого человека спустя

считанные недели после смерти отца.

– А где она сейчас? – спросила я.

– В Лондоне. Она сейчас живет в доме матери Тео.

– Как ты думаешь, могу ли я навестить ее?

– Думаю, было бы замечательно, если бы вы смогли присутствовать на траурной церемонии. Селия – так зовут маму Тео, сказала мне, что отпевание пройдет в ближайшую среду в церкви Святой Троицы в Челси. Начало службы в два часа дня.

– Мы с Сиси обязательно там будем. Обещаю тебе, Ма...

А остальным сестрам ты уже позвонила?

– Да. Но, к великому сожалению, никто из них не сможет приехать в Лондон.

– А ты сама будешь?

– Я... Стар, я тоже не смогу. Так что вам с Сиси придется представлять все наше семейство. Уверена, вы со всем справитесь отлично. Скажи Алли, что мы любим ее и выражаем ей свои глубочайшие соболезнования.

– Обязательно передам.

– Тогда я не буду звонить Сиси. Расскажешь ей все сама.

А как дела у тебя, Стар?

– Все в порядке. Вот только... переживаю за Алли.

– Мы все переживаем и скорбим, милая. Пока не пиши ей и не пытайся дозвониться. Она сейчас никому не отвечает. Отключила на какое-то время все контакты.

– Хорошо, не буду надоедать ей. Спасибо, что предупре-

дила, Ма. До свидания.

Когда вернулась Сиси, я постаралась как можно более спокойно передать ей наш разговор с Ма. А заодно сообщила и о дате, на которую назначена поминальная служба.

– Надеюсь, ты сказала Ма, что у нас вряд ли получится пойти на его отпевание. Мы же как раз переезжаем. Забот полон рот... Не до того! Сама подумай, пока распакуешь и разложишь по местам все вещи...

– Сиси, мы *должны* пойти на службу! Во что бы то ни стало. Хотя бы ради Алли.

– А другие сестры? Где они сейчас, хотела бы я знать? И почему ради парня, которого мы даже не знали, нам придется нарушать все наши планы?

– Что ты несешь? – Я вскочила с места, чувствуя, как во мне закипает злость. Еще мгновение, и все мое раздражение вырвется наружу. – Речь идет об Алли. При чем здесь ее жених? Алли – наша сестра! Или ты забыла об этом? Она была рядом с нами всю нашу жизнь. Вот почему *мы просто обязаны* быть рядом с ней в эту трудную для нее минуту. И мы там будем!

С этими словами я выбежала из комнаты и закрылась в ванной. Во всяком случае, там хоть есть замок в дверях.

Я была настолько взбешена, что глаза бы мои больше не смотрели на Сиси. Меня буквально трясло от ярости. Что ж, тогда останусь здесь и приму ванну. В крохотном бетонном кубике ванной комнаты невольно начинаешь испыты-

вать приступ клаустрофобии, но, как ни странно, именно пожелтевшая от времени ванна давала мне возможность уединиться и хоть какое-то время побыть одной.

Я погрузилась в воду и начала думать о Тео. О том, как он не смог спастись и самостоятельно выплыть из воды. От этих мыслей мне сразу стало не по себе. Я резко села, расплескав немного воды на бетонный пол, покрытый дешевым линолеумом. Дыхание мое стало прерывистым, как это бывает, когда тебя внезапно охватывает паника.

Послышался негромкий стук в дверь.

– Сия, с тобой все в порядке?

Я нервно сглотнула слюну и попыталась сделать несколько глубоких вдохов, жадно хватая ртом воздух. А вот Тео так и не справился со стихией. И больше уже никогда не будет дышать полной грудью.

– Все нормально, – ответила я сестре через дверь.

– Ты права, Сия. – Потом последовала долгая пауза. – Мне тоже очень жаль, что все так произошло. Конечно, мы должны быть в этот день рядом с Алли.

– Согласна, – ответила я, доставая затычку со дна ванны. Потом слегка перегнулась через ее край, чтобы взять полотенце. – Мы должны там быть.

На следующее утро к нам прибыл контейнеровоз для транспортировки грузов, с водителем которого Сиси договорилась обо всем заранее. Мы загрузили в машину свои скромные пожитки. Пожалуй, львиную долю перевозимого груза составили «находки» Сиси, подобранные ею на разных свалках для своего будущего арт-объекта.

Потом мы отправились колесить по Южному Лондону, чтобы забрать в разных магазинах те предметы мебели, которые мы уже приобрели для своей новой квартиры.

Спустя три с лишним часа мы наконец добрались до Баттерси. Еще какое-то время ушло на то, чтобы сестра подписала все необходимые бумаги, которые ей вручили в агентстве по недвижимости, после чего нам отдали ключи от нашей новой квартиры. Сиси открыла замок во входной двери, и мы переступили порог. Огромная комната гулким эхом отозвалась на наше вторжение.

– Все еще не могу поверить, что все это принадлежит мне! – воскликнула Сиси и добавила великодушно: – Ну и тебе, конечно. Вот сейчас мы с тобой, Сия, в полной безопасности. Навсегда! Наконец-то у нас появился собственный дом. Разве это не замечательно?

– Замечательно, – коротко согласилась я с ней.

Она распростерла руки мне навстречу, и я, зная, что для Сиси – это *ее звездный час*, позволила ей обнять себя. Так мы и стояли, обнявшись посреди пустой комнаты, весело хихикая, словно две маленькие девочки, которые каким-то чудным образом уже успели повзрослеть, но так и не избавились от своих глупых детских привычек.

Как только мы переехали и немного обустроились на новом месте, Сиси каждое утро подскакивала с постели ни свет ни заря и тут же убегала из дома в поисках материалов для своих будущих инсталляций. Ей хотелось успеть управиться со всем этим до начала сентября, когда начнутся регулярные занятия в Академии искусств.

А я коротала целыми днями время в *полном одиночестве*, обживая нашу новую квартиру. Распаковывала коробки с постельными принадлежностями, полотенцами, кухонной утварью. Обо всем этом Сиси позаботилась заранее, заказав в самых разных торговых точках все необходимое для нашего с ней полноценного существования. Раскладывая в ящике на кухне острые как бритва ножи из специального ку-

хонного набора, я даже на какое-то время почувствовала себя молодой хозяйкой, которая сразу же после свадьбы бросилась обуустраивать первый в своей жизни собственный дом. Вот только никакой хозяйкой я на самом деле не являлась. И близко ничего похожего.

Покончив с разбором вещей, я принялась за длинную террасу. Решила устроить там некое подобие настоящего живо-го сада. Я потратила все свои скромные сбережения и почти целиком то ежемесячное пособие, которое мне было назна-чено после смерти Па Солта, на то, чтобы купить всю необ-ходимую мне рассаду и саженцы. Захотелось создать на тер-расе такой живописный зеленый уголок, радующий глаз сво-им разноцветьем. Однако когда я молча наблюдала за тем, как посыльный из садоводческого центра водрузил на бал-конный пол огромный терракотовый горшок с роскошным кустом камелии, сплошь усыпанный бутонами, то невольно подумала, что папа наверняка бы перевернулся в гробу, уви-дев мою столь экстравагантную покупку.

Впрочем, я тут же успокоила себя – в сложившейся ситу-ации он все понял бы правильно.

В среду я извлекла из гардероба приличествующие случаю траурные одежды для себя и Сиси. Правда, Сиси все равно пришлось облачиться в джинсы, хотя и черного цвета, поскольку у нее никогда не было ни платья, ни юбки.

Накануне я получила электронные послания от остальных сестер. Все они просили нас с Сиси выразить слова соболезнования и сочувствия Алли. Тигги, с которой я, пожалуй, была ближе всего, если не считать Сиси, попросила еще и дополнительно крепко обнять Алли за нее.

– Хотела бы я быть рядом с вами в этот день, – вздохнула она в трубку в телефонном разговоре со мной. – Но, к сожалению, здесь уже начался сезон охоты. Что ни день, к нам поступает множество раненых и покалеченных оленей.

Я клятвенно заверила Тигги, что обязательно обниму Алли от ее имени, а сама невольно улыбнулась, восхищаясь своей младшей сестрой и ее необыкновенной привязанностью к животным. В настоящее время она трудится в каком-то заповеднике для оленей, расположенном в высокогорной Шотландии. В свое время, когда она еще только нашла эту работу, я подумала, что это как раз именно то, что подходит нашей Тигги. Она у нас такая же легкая и быстроногая, как и те олени, которых она сейчас опекает. Отлично помню, с каким восхищением я наблюдала, как Тигги танцует на одном из школьных представлений. Ее врожденная грация, изящество и легкость движений, помнится, сразили меня тогда наповал.

Мы с Сиси вышли из дома и направились через мост в

Челси, где должно было состояться отпевание Тео.

– Вау! – воскликнула пораженная Сиси, когда мы с ней встали в очередь желающих попасть в самую церковь. – Столько корреспондентов. И даже телевизионщики есть. Как думаешь, может, нам стоит дождаться Алли? Чтобы хотя бы поздороваться с нею...

– Не стоит. Давай устроимся где-нибудь на задних рядах. А с ней увидимся уже после окончания церемонии.

Огромная церковь была заполнена народом до отказа. Какие-то доброжелательные люди услужливо провели нас к одной из последних скамеек, и мы кое-как протиснулись на свободные места в самом конце ряда. Я слегка подалась вперед и увидела прямо перед собой алтарь, шагах в двадцати от того места, где мы сидели. Я почувствовала смятение и одновременно благоговение. Надо же, как любили Тео! Сотни людей пришли, чтобы отдать ему дань уважения и попроситься с ним.

Внезапно в храме установилась звенящая тишина. Все собравшиеся разом повернулись к проходу. Восемь крепких молодых людей несли гроб с телом покойного. За гробом шла хрупкая белокурая женщина. Она опиралась на руку моей сестры.

Я посмотрела на Алли. Черты заострились. На лице застыла маска страдания и скорби. Когда они проходили мимо нашего ряда, у меня возникло непреодолимое желание вскочить с места и обнять сестру. И прямо сейчас сказать ей, как

я горжусь ею. И как люблю.

Сама служба была необыкновенно возвышенной. Пожалуй, это были самые трогательные мгновения в моей жизни, исполненные особой печали и высокой грусти. Я слушала добрые слова в адрес человека, которого никогда не видела и которого любила моя сестра. Когда нас попросили помолиться об усопшем, я обхватила голову руками и залилась слезами. Уйти из жизни таким молодым... Я оплакивала Тео, горевала о своей сестре... Ведь гибель любимого человека в одночасье перекроила и ее жизнь тоже. И одновременно я оплакивала уход Па Солта, который не дал нам, его дочерям, попрощаться с ним так, как принято. Кажется, я впервые в жизни осознала, как все же важны и нужны все эти старинные ритуалы и обряды. В минуты эмоционального хаоса, который воцаряется в душах людей, теряющих близких, они словно спасательный плот, помогающий удерживаться на плаву и не погрузиться с головой в пучину отчаяния и горя.

Я проследила за тем, как Алли поднялась со своего места и направилась по ступенькам к алтарю, возле которого разместились небольшой оркестр. Напряженная улыбка озарила ее лицо, когда она поднесла к своим губам флейту, на которой когда-то она столько лет училась играть. Под сводами храма зазвучала знакомая мелодия популярного народного танца матросский хорнпайп. Люди вокруг меня вдруг стали подниматься со своих мест и, скрестив руки, принялись со-

вершать традиционные танцевальные па, слегка согнув колени. И вот уже вся церковь пришла в движение. Собравшиеся самозабвенно отплясывали в такт бравурной музыке. Когда Алли окончила играть, раздались бурные аплодисменты и несмолкаемые крики «браво!». Нет, такой удивительный миг я никогда не забуду.

Когда мы снова уселись на свои места, я повернулась к Сиси и увидела, что слезы градом текут по ее щекам. Это потрясло меня до глубины души. Ведь сестра моя так редко проявляет свои эмоции на людях. А здесь плачет словно дитя, навзрыд.

Я тихонько сжала ее руку.

– С тобой все в порядке?

– Боже, как красиво! – прошептала она растроганным голосом, отирая ладонью слезы. – Как красиво...

А потом гроб с телом Тео вынесли из церкви. И снова за ним шли его мать и Алли. Мы встретились с ней взглядами на какую-то долю секунды, и слабая улыбка промелькнула по лицу сестры. Мы с Сиси присоединились к остальным, тоже направляясь к выходу. На улице замешкались на тротуаре в некоторой растерянности, не зная, что нам делать дальше.

– Может, пойдём, а? – предложила мне Сиси. – Тут такая толпа. И наверняка Алли нужно будет переговорить с каждым из тех, кто пришел на церемонию прощания.

– Нет. Мы должны хотя бы просто поздороваться с ней. Обнимем ее и сразу же уйдем.

– Взгляни! А вот и она.

Действительно я увидела, как из толпы вдруг отделилась Алли. Ее золотисто-рыжие кудри волнами рассыпались по плечам. Она направлялась к мужчине, одиноко стоящему несколько поодаль. Что-то в их позах подсказало мне, что не нужно им пока мешать. Пусть поговорят наедине друг с другом. Однако мы подошли чуть ближе, чтобы Алли наверняка заметила нас, когда закончит разговор.

Так и случилось. Она повернулась, намереваясь уйти, и лицо ее мгновенно озарилось, когда она увидела нас, спешащих к ней навстречу.

Не говоря ни слова, мы с Сиси тут же обхватили ее за плечи и крепко, изо всех сил, обняли и прижали к себе.

Начала Сиси. Она стала говорить Алли, как все мы глубоко сопереживаем ее горю. Я же молчала, не находя нужных слов. К тому же я боялась, что снова не сдержусь и разревусь. А сейчас совсем не подходящий момент для слез. Нельзя распускаться. Да и не мне сейчас проливать слезы по Тео.

– Правда ведь, Стар? – обратилась ко мне Сиси за подтверждением своих слов.

– Да, – с трудом выдавила я из себя. – Такая красивая служба, Алли.

– Спасибо.

– И так здорово было снова услышать твою игру на флейте. А ты совсем не растеряла своего мастерства за минувшие годы, – похвалила сестру Сиси.

– Послушайте, девочки. Мне надо бежать, мать Тео ждет меня. Но вы же зайдете к нам домой, чтобы помянуть Тео, не так ли? – поинтересовалась у нас Алли.

– К сожалению, нет. Мы сейчас никак не можем, прости, – ответила за нас двоих Сиси. – Но, Алли, мы же живем почти рядом... в Баттерси. Только перейти через мост на другой берег Темзы, и ты уже у нас. Почему бы тебе самой не навеститься к нам, когда немного придешь в себя? – тут же предложила ей Сиси. – Ты только позвони, мы будем очень рады. Согласна, да?

– Правда, Алли, – подала я голос. – Было бы просто замечательно, если бы ты навестила нас. – Я снова крепко обняла сестру. – Все девочки шлют тебе свои слова сочувствия. Мы все любим тебя, Алли. Пожалуйста, береги себя, ладно?

– Постараюсь, – слабо улыбнулась в ответ Алли. – И еще раз, огромное вам спасибо за то, что пришли на траурную церемонию по Тео. Не могу передать вам, как меня тронуло ваше присутствие.

Алли еще раз благодарно улыбнулась на прощание, слегка помахав нам рукой, и тут же поспешила к черному лимузину, стоявшему рядом с тротуаром, который должен был отвезти ее и мать Тео к ним домой.

– Пойдем и мы, – сказала Сиси. – Прогуляемся немного пешком. – Она зашагала по тротуару в сторону моста. В какой-то момент я отвернулась, чтобы проследить, как машина с Алли и матерью Тео тронется с места. Алли, наша заме-

чательная, мужественная, прекрасная старшая сестра. Непобедимая. Так, во всяком случае, я думала о ней всегда. Но сейчас она показалась мне такой хрупкой, такой незащищенной... Казалось, что малейший порыв ветра может подхватить ее и унести за собой прочь. Я бросилась догонять Сиси и, ускорив шаг, подумала, что наверняка это любовь отняла у нее все силы.

А еще, мысленно пообещала я сама себе, и в моей жизни когда-нибудь наступит такой день, когда я смогу уже на собственном опыте прочувствовать во всей полноте и радость, и боль.

Алли сдержала слово. Я очень обрадовалась, когда спустя несколько дней она позвонила мне. Мы договорились, что она придет к ланчу. Заодно посмотрит нашу новую квартиру. Правда, Сиси не будет дома. Она с утра до вечера занята тем, что фотографирует старое здание электростанции в Баттерси, намереваясь использовать эти фотографии в одном из своих новых проектов. Сразу же после телефонного разговора с Алли я стала продумывать меню нашего с ней завтрашнего обеда.

Когда на следующий день раздался звонок домофона, то по всей квартире уже всюду плыли ароматнейшие запахи с кухни. Шанти права, подумала я. Сегодня я постараюсь накормить не только тело Алли, но и ее душу тоже.

– Здравствуй, родная, – приветствовала я сестру, открывая входную дверь. И тут же заключила ее в свои объятия. – Ну, как ты?

– Более или менее, – ответила она, входя следом за мной в квартиру.

Хотя внешний вид Алли со всей очевидностью свидетельствовал о том, что это как раз «менее».

– Вау! – издала она восхищенный возглас, разглядывая огромные окна во всю стену от потолка и до самого пола. – Фантастика! – Потом подошла ближе, чтобы обозреть панораму за окном.

Я накрыла стол на террасе, решив, что на улице достаточно тепло, чтобы позволить себе пообедать на свежем воздухе. Алли неподдельно восхитилась, увидев плоды моих садоводческих усилий. Я стала подавать еду, а она в это время принялась расспрашивать меня о том, как у нас с Сиси обстоят дела. Сердце мое разрывалось от боли при взгляде на сестру. Невооруженным глазом было видно, как *у нее самой* сердце разрывается на части от собственной невосполнимой утраты. Но одновременно я понимала, что Алли продолжает отчаянно сопротивляться, борется со своим горем, бросив на это все оставшиеся у нее силы. Она всегда так дела-

ла в трудные для себя минуты, мобилизуя все свои ресурсы, и всегда справлялась. И при этом никогда не искала сочувствия у других. Наверняка справится и сейчас.

– Господи, до чего же вкусно! – с благодарностью выдохнула она. – Столько скрытых талантов я открыла в тебе сегодня, Стар. А я вот могу приготовить только самое элементарное, на уровне яичницы, не более того... А уж что касается растениеводства... Думаю, мне не под силу вырастить даже обычный кресс-салат в горшке. Не говоря уже о всей этой красоте. – Алли взмахнула рукой в сторону горшков с цветами.

– А я, знаешь, в последнее время много размышляю над тем, что такое настоящий талант, – задумчиво бросила я в ответ. – Что это такое? Природный дар, который дается человеку легко, как нечто само собой разумеющееся? Вот, скажем, ты... Ты ведь много потратила усилий для того, чтобы научиться играть на флейте так красиво. Так?

– Не думаю, что очень много. Во всяком случае, на начальных этапах обучения я точно не перерабатывала. Правда потом, когда потребовалось усовершенствовать свое мастерство, заниматься пришлось много. Очень много... Днями напролет. Как мне кажется, наличие врожденного таланта никогда не может полностью заменить труд. Тяжкий труд, который уходит как раз на шлифование этого самого таланта. Ведь мало того, чтобы мелодия просто зазвучала в твоей голове. Композитор, если речь, к примеру, идет о сочинении

музыки, должен уметь записать ее с помощью нот на бумаге, а потом еще и переложить для оркестра, если это симфония или, скажем, концерт. А на это уходят годы и годы напряженной работы. Но именно через такие усилия и совершенствуется мастерство. Уверена, людей с врожденными способностями рождается очень много, но если мы не поставим свой талант на службу делу, не будем целенаправленно развивать его, то никогда не сможем раскрыть все свои способности в полной мере.

Я молча кивнула в знак согласия, а про себя задалась невольным вопросом, какие же собственные таланты я уже успела безвозвратно загубить?

– Поела, Алли? – спросила я у сестры, взглянув на ее тарелку – она едва прикоснулась к еде.

– Да, спасибо. Прости меня, Стар. Все действительно очень вкусно. Просто мне кусок не лезет в горло в последние дни. Совершенно нет аппетита.

Потом мы с ней поговорили еще какое-то время об остальных наших сестрах. Где они, что с ними сейчас... Попутно я рассказала ей о Сиси, о ее Академии искусств, о тех ее инсталляциях, над которыми она трудится не покладая рук все последние дни. Алли поделилась со мной новостями о Майе. Совершенно неожиданно для всех сорвалась с места и умчалась в Рио. И, судя по всему, наконец обрела в Бразилии свое долгожданное счастье.

– Новости о Майе очень порадовали меня, – сказала Ал-

ли. – А еще я просто счастлива повидаться с тобой, Стар.

– И я тоже, – откликнулась я. – А ты сама... Что собираешься делать дальше? Куда думаешь податься?

– Представь себе, вполне возможно, поеду в Норвегию. Намереваюсь заняться непосредственно на месте изучением тех координат, которые оставил мне Па Солт в качестве подсказки о том, где я появилась на свет.

– Отличная мысль. Думаю, ты решила правильно.

– Ты в самом деле так считаешь?

– Конечно. Почему нет? Папины подсказки могут круто изменить всю твою дальнейшую жизнь. Как это случилось с нашей Майей, к примеру.

После того как Алли ушла, клятвенно заверив меня на прощание, что она обязательно еще раз нагрянет к нам, причем очень скоро, я поднялась наверх в нашу с Сиси спальню и достала из ящика комода свою пластиковую папку. Комод в современном авангардистском стиле имел необычную ступенчатую форму. Но это уже целиком во вкусе Сиси. Не мой выбор.

Я опять отколола карточку, которую папа присовокупил к своему письму, и принялась уже в который раз внимательно изучать ее. И тут я вспомнила взгляд Алли, когда она сообщила мне о своем намерении поехать в Норвегию. В ее глазах читалась надежда. Я сделала глубокий вдох и решительно взяла в руки запечатанный конверт с координатами, которые отыскала для меня Алли. И наконец вскрыла его.

Проснувшись на следующее утро, я увидела слабый туман, стелющийся над рекой. А позже, когда занялась осмотром своего сада на террасе, обнаружила, что все вокруг покрыто обильным слоем росы. Конечно, в таком обилии зелени трудно было разглядеть первые следы увядания, разве что через микроскоп. Если, правда, не считать быстро отцветающие розы и другие летние цветы, высаженные в небольших горшках. Однако в воздухе уже явственно витал едва уловимый аромат приближающейся осени. Я невольно улыбнулась.

Да, осень уже в пути. Но я *люблю* осень, очень люблю.

Затем я снова поднялась наверх, выудила из нижнего ящика комода свою пластиковую папку и, не дав себе времени на размышления, чтобы – не дай бог! – мой чересчур аналитический ум не стал анализировать все возможные последствия собственного шага, тут же устремилась на ближайшую автобусную остановку.

А через полчаса я уже стояла возле книжного магазина «Артур Морстон Букс». Для начала я принялась разглядывать витрину, в которой разместились экспозиция старинных

атласов и карт, разложенных на выцветшем от времени пурпурном бархате. Я обратила внимание на то, что на одной из карт региона Юго-Восточной Азии Таиланд был обозначен еще своим прежним названием: Сиам.

В центре экспозиции стоял небольшой пожелтевший глобус на подставке. Точно такой же красовался и в папином кабинете в Атлантике. Разглядеть с улицы, что творится внутри магазина, было практически невозможно. Несмотря на яркий солнечный день, торговый зал утопал в полумраке, точь-в-точь как в книжных лавках времен Диккенса, как они описаны в его романах. Какое-то время я мялась в нерешительности возле входа в магазин, прекрасно отдавая себе отчет в том, что, переступив порог, сделаю еще один шаг на пути в неизведанное, хотя и сама еще толком не знаю, готова ли отправиться в путешествие на поиски собственного прошлого.

С другой стороны, а чем я занимаюсь в настоящий момент? Веду пустое, бесцельное существование, не способна ни на что полезное и стоящее. А мне так хочется сделать что-то по-настоящему полезное.

Я извлекла из своего рюкзака пластиковую папку и вспомнила последние слова Па Солта, которыми он закончил свое письмо ко мне. Быть может, хоть его напутствие придаст мне силы и решимости начать действовать. И то и другое было мне сейчас необходимо просто позарез. Наконец я толкнула входную дверь, мелодично звякнул колокольчик где-то внутри помещения. Потребовалось какое-то

время, прежде чем мои глаза адаптировались к полумраку, царящему в торговом зале. Он напоминал мне старинную библиотеку: тот же паркет из темного дерева, на противоположной от меня стене огромный камин, отделанный мрамором, – своеобразный центр всей комнаты. Рядом с камином два кожаных кресла с подголовниками. Между ними низенький журнальный столик, заваленный стопками книг.

Я склонилась над столиком и открыла одну из книг. Тотчас же взметнулись вверх мириады пылинок, разлетелись в воздухе и закружили по комнате в потоке солнечного света, похожие на крохотные снежинки. Выпрямившись, я обвела взглядом помещение торгового зала. Бесконечные ряды полок, плотно заставленные книгами, протянулись вдоль всех стен.

Увиденное очень меня впечатлило. И обрадовало тоже. Пожалуй, схожие чувства испытывают некоторые дамы, попадая в модный бутик, забитый до отказа шикарными нарядами. Ну а вот я при виде такого обилия книг, можно сказать, сразу же почувствовала себя в nirване.

Я подошла к одной из полок, пытаясь отыскать на ней знакомого мне автора или прочитанную когда-то книгу. Многие издания были на иностранных языках. Внимание мое привлек томик с романом Флобера на французском, потом я отыскала целый ряд уже английских книг. Вытащила одну из них: роман Джейн Остин «Разум и чувства», пожалуй, один из моих самых любимых из творчества этой писатель-

ницы. Бережно пролиставала несколько пожелтевших страниц, стараясь не порвать бумагу, ставшую от времени хрупкой и ломкой.

Я была настолько поглощена разглядыванием книг, что даже не заметила высокого мужчину, наблюдавшего за мной. Он стоял в дверях, ведущих, видимо, в подсобку.

Но вот наконец я заметила его и поспешно захлопнула книгу. А не совершила ли я «опрометчивый поступок», выражаясь языком моей любимицы Остин, погрузившись в чтение ее романа, не получив на то разрешения?

– А вы, как я погляжу, поклонница Джейн Остин, не так ли? Лично я предпочитаю Шарлотту Бронте.

– Я Бронте тоже люблю.

– Тогда вы, разумеется, в курсе, что Шарлотта Бронте не слишком восхищалась творениями Остин. Она, в частности, ставила ей в упрек то, что в произведениях Остин прозаическая, если так можно выразиться, сторона жизни преобладает и даже довлеет над качеством самого стиля. Все слишком уж заземленное, по ее мнению. Что ж, сама Шарлотта была истинным романтиком в душе. Я бы даже сказал, что именно романтический склад натуры Бронте и водил ее пером по бумаге.

– Вы так думаете? – спросила я, пытаясь разглядеть лицо мужчины, но густые тени вокруг не позволяли сделать этого. Единственное, что мне удалось увидеть, мужчина был высокого роста, худощавый, со светлыми, слегка рыжеватыми во-

лосами, носит очки в роговой оправе. Одет в некое подобие сюртука в эдвардианском стиле. Что же касается его возраста, то при таком скудном освещении ему можно было дать от тридцати до пятидесяти лет.

– Да, я так думаю. Вы, мисс, ищете что-то определенное? Или?..

– Я... Нет, ничего определенного...

– Тогда продолжайте свои поиски. Снимайте с полки любую книгу, которая вам приглянется, и читайте. Для большего удобства можете устроиться в одном из этих кресел. Как видите, наш магазин одновременно выполняет и функции библиотеки. Лично я считаю, что мы просто обязаны делиться с другими хорошей литературой. А вы как думаете?

– Абсолютно согласна с вами, – с жаром заверила я его.

– Позовите меня, если вам вдруг понадобится помощь в поисках чего-то конкретного. И если этой книги у нас вдруг не окажется, обещаю, что я смогу заказать ее специально для вас.

– Благодарю вас, – прочувствованно поблагодарила я мужчину.

И он тотчас же исчез за дверью, ведущей в подсобные помещения магазина. Я снова осталась стоять в полном одиночестве посреди торгового зала. *Трудно представить себе нечто подобное в Швейцарии, подумала я. Ведь в любую минуту я могу снять с полки приглянувшуюся мне книгу и удрать вместе с ней, не заплатив.*

Тишину в пропахшем пылью зале нарушил вдруг какой-то неожиданный звук. Оказывается, звонил мой телефон. Испугавшись до полусмерти, я схватила аппарат и тут же отключила звонок. Но все же сделала это недостаточно быстро. Мужчина снова появился из глубин магазина. Он остановился на пороге, приложив палец к губам.

– Прошу великодушно простить меня, но совсем забыл предупредить. Внутри магазина не разрешается пользоваться мобильными телефонами. Если вам нужно переговорить, пожалуйста, сделайте это на улице.

– Конечно-конечно, – затараторила я виновато. – Большое спасибо. И до свидания.

Я почувствовала, как краска бросилась мне в лицо от допущенной оплошности. Подумала, что в эту минуту очень похожа на озорную школьницу, которую поймали с поличным, когда она тайком во время урока строчила эсэмэску своему мальчику. Но самое обидное – это то, что ведь мой телефон обычно постоянно молчит. Кто мне звонит? Разве что Сиси или Ма. И вот надо же... Вдруг этот неожиданный звонок. Выйдя на улицу, я снова включила мобильник. На экране высветился какой-то незнакомый номер. Тогда я включила речевое сообщение.

– Привет, Стар. Это Шанти. Маркус дал мне номер твоего телефона. Просто решила узнать, как ты поживаешь. Перезвони мне, если будет время, ладно? До свидания, милая.

Я вдруг страшно разозлилась на Шанти. Ведь именно ее

неожиданный звонок вынудил меня ретироваться из книжного магазина столь неподобающе жалким образом. А между тем я так долго собиралась с духом, чтобы переступить его порог. Вряд ли будет уместно, если я снова появлюсь там. Дважды в течение одного дня... Заметив приближающийся издали автобус до Баттерси, я поспешила на другую сторону улицы и едва успела запрыгнуть в него.

Слишком уж ты чувствительная, Стар, корила я себя по дороге домой. *Нужно было снова вернуться в магазин.* Но я не вернулась. А ведь разговор с этим незнакомым мужчиной даже доставил мне удовольствие, что уже само по себе чудо. И вот вместо того, чтобы продолжить беседу с ним, я стремглав несусь на автобусе в свою пустую квартиру. К своей пустой жизни.

Дома я уставилась взглядом на голую стену и решила, что немедленно должна приобрести себе книжную полку и поставить ее возле этой стены.

Комната без книг – это как тело без души, процитировала я мысленно чье-то изречение.

Однако поскольку после всех трат на покупку растений я сейчас сижу на мели вплоть до следующего месяца, то с книжной полкой придется повременить. Одно я знаю точно. Надо незамедлительно заняться поисками работы. Не могу же всю свою оставшуюся жизнь рассчитывать на то пособие, которое мне полагается по завещанию после смерти Па Солта. Собственная гордость не позволяет мне превратиться в

заурядную иждивенку. Завтра же прогуляюсь по окрестностям Баттерси. Вдруг в каком-нибудь местном ресторанчике или баре нужна подсобная работница? Или даже уборщица... Учитывая мое катастрофическое неумение общаться с посторонними людьми, вряд ли я потяну на должность официантки или барменши.

Я поднялась к себе наверх, чтобы принять душ, и увидела, что ящик комода, из которого я брала свою папку с документами – письмо Па Солта и конверт от Алли с координатами, так и остался открытым. И вдруг меня словно током ударило. Папка! Где же она? Я в ужасе бросилась вниз, сердце бешено колотилось в груди. Перерыла все содержимое своего рюкзака. Но папки там не было. Я постаралась вспомнить, где и когда я держала ее в руках в последний раз. Кажется, тогда, когда переступила порог магазина. А потом...

А потом я, скорее всего, положила ее на столик рядом со стопкой книг, которая там лежала, и пошла рассматривать книги на стеллажах.

Я схватила свой ноутбук и стала лихорадочно искать веб-сайт книжного магазина Морстона в надежде найти там и номер телефона. Нашла и тут же позвонила. Включился автоответчик. Приглушенный мужской голос, явно того незнакомца, с которым я разговаривала, сообщил мне, что «вам незамедлительно перезвонят, если вы любезно оставите номер вашего телефона». Я поспешила сделать это, моля Бога лишь об одном: *чтобы этот человек перезвонил мне*. Пото-

му что если папка исчезнет, то будет безвозвратно утрачена последняя ниточка, связующая меня с собственным прошлым. А быть может, и с будущим тоже.

6

На следующее утро я первым делом проверила свой телефон. Никаких сообщений из книжного магазина не поступало. Получается, что выбора у меня нет. Придется снова отправляться на Кенсингтон-Черч-стрит.

Где-то спустя час с небольшим я уже во второй раз переступила порог магазина «Артур Морстон Букс». И увидела в точности такую же картину, что и вчера. Никаких перемен. И – о, счастье! – на журнальном столике возле камина лежала моя пластиковая папка. Я невольно вскрикнула, издав вздох облегчения. Схватила папку и тотчас же проверила ее содержимое. Все на месте, все в целости и сохранности.

В самом торговом зале ни души, а дверь в подсобку плотно закрыта. Отличная возможность ретироваться незаметно, не потревожив того, кто скрывается в служебных помещениях. Соблазн поступить именно так был слишком велик, но тут я вовремя вспомнила причину, по которой стала разыскивать этот книжный магазин. И потом, долг воспитанного человека вежливо уведомить всех этих людей, что я уже благополучно нашла то, что потеряла, и уже только потом уйти.

В этот момент снова раздался звонок моего мобильного.

Я опрометью выскочила на улицу и уже там ответила на звонок.

– Алло!

– Я разговариваю с мисс Деплеси?

– Да.

– Здравствуйте. Вас беспокоят из магазина «Артур Морстон Букс». Я только что обнаружил ваше сообщение. Сейчас же спущусь вниз и поищу в торговом зале ту вещь, которую вы у нас забыли.

– О! – воскликнула я, немного смутившись. – Если честно, я как раз стою у входа в ваш магазин. Пару секунд тому назад я была внутри и, к счастью, нашла на журнальном столике то, что забыла у вас вчера.

– Прошу простить меня великодушно за то, что я не отреагировал на ваше сообщение сразу. Вот и сейчас не услышал, как звякнул входной колокольчик. Открыл магазин и сразу же бросился наверх. Дело в том, что на книжном аукционе сегодня выставляется одна книга... – В трубке послышался телефонный звонок. – Еще раз прошу простить меня. Это как раз звонит мой представитель на аукционе...

Какое-то время в трубке было тихо, потом я снова услышала мужской голос:

– Простите, мисс Деплеси. Мы как раз согласовывали с моим представителем верхний предел приемлемой для нас цены на выставленную книгу. Речь идет о первом издании «Анны Карениной». Воистину легендарное издание... К то-

му же экземпляр в отличном состоянии. Имел возможность убедиться в этом сам. Да еще и с автографом самого автора. Правда, боюсь, что не смогу потягаться с русскими. У них же ведь столько денег... Что там мои жалкие фунты против их рублей? Но все равно, по-моему, игра стоит свеч. Как считаете?

– Пожалуй... да... – промямлила я не совсем уверенным тоном, немного сбитая с толку услышанным.

– Но раз вы все еще рядом с нами, не хотите ли снова вернуться в магазин? Приглашаю вас на чашечку кофе.

– О, нет! Спасибо... – засмушалась я. – Благодарю вас, но можно и без кофе.

– Тогда возвращайтесь. А я тоже сейчас же спускаюсь вниз.

Собеседник отключился, а я еще какое-то время промаялась на тротуаре у входа в магазин, размышляя над тем, каким причудливым образом этот человек руководит вверенным ему хозяйством и всем тем, что связано с нормальным функционированием книжной торговли. Однако он подметил весьма точно: коль скоро я *уже здесь*, то грех не воспользоваться его любезным приглашением, снова вернуться в торговый зал и поговорить с ним. А вдруг это сам Артур Морстон?

– Доброе утро! – Мужчина открыл дверь из подсобки одновременно со мной, когда я открывала входную дверь в магазин. – Еще раз приношу свои извинения за то, что все по-

лучилось так неловко. Ведь по моей вине вам пришлось приехать в наш магазин вторично. Так вы точно уверены, что не хотите кофе?

– Точно нет. Благодарю вас.

– То есть вы, как я посмотрю, не из тех юных леди, которые приравнивают кофеин к героину. Я прав? С другой стороны, признаюсь вам честно, не очень-то я доверяю людям, которые предпочитают пить кофе, не содержащий кофеина.

– И я тоже. Не мыслю себе начала дня без утренней чашки хорошего кофе.

– Согласен. Утро без кофе – день насмарку.

Пока мой собеседник устраивался в кресле, я пригляделась к нему повнимательнее. Сейчас он сидел от меня совсем близко, да и освещение было получше. При желании можно и разглядеть как следует. На вид ему за тридцать, лет тридцать пять – тридцать шесть. Высокий и худой как жердь. Впрочем, как и я сама. Сегодня он был облачен в безукоризненно скроенный вельветовый костюм-тройку. Из-под рукавов пиджака выглядывали манжеты накрахмаленной рубашки и точно на ту длину, как этого требовал стиль одежды. На шее галстук-бабочка. Из нагрудного кармана торчит аккуратно сложенный платок с причудливым узором пейсли, гармонирующим с цветом костюма. Бледнолиц. Такое впечатление, что мужчина редко бывает на солнце, если вообще выходит на улицу. Вот он обвил длинными тонкими пальцами обеих рук кофейную чашечку, стоявшую перед ним.

– Что-то я озяб сегодня. А вам не холодно?

– Пока нет.

– Скоро сентябрь. Если судить по прогнозам погоды, которые нам сообщают по радио, то на улице уже ниже тридцати градусов. Не возражаете, если я включу камин? Согреем немного нашу плоть в это промозглое серое утро.

И прежде чем я успела ответить, он поднялся с места и стал возиться с камином. Через несколько минут вспыхнула газовая горелка за каминной решеткой, и сразу же потянуло живительным теплом.

– Прошу вас, присаживайтесь. – Мужчина жестом указал мне на кресло.

Я молча села.

– А вы не слишком разговорчивы, не так ли? – прокомментировал он и снова, не дожидаясь моего ответа, продолжил: – А вы знаете, что представляет наибольшую угрозу для книг? Влажность. Правда, за лето они успевают изрядно высохнуть, и потому обращаться с ними сейчас надо особенно осторожно, чтобы – не дай бог! – не повредить хрупкие страницы и чтобы бумага не пожелтела.

Он неожиданно замолчал. Я тоже безмолвно уставилась на огонь.

– Пожалуйста, если вам нужно по делам, можете идти. Не смею вас более задерживать. Простите, если я невольно помешал вам.

– О, нет! Что вы! Никоим образом...

– Кстати, а зачем вы приходили в магазин вчера?

– Захотела взглянуть на книги.

– То есть вы просто проходили мимо?

– А почему вы спрашиваете? – ответила я вопросом на вопрос, неожиданно почувствовав себя виноватой.

– Потому что сегодня большая часть моих торговых сделок осуществляется через интернет. А люди, которые изредка заглядывают сюда, это в основном местная публика, и я их всех знаю уже много лет. К тому же вы еще совсем молодая особа, и вам далеко до пятидесяти. Вы не китайка и не русская... Иными словами, никак не попадаете под категорию моих постоянных клиентов. – Мужчина окинул меня внимательным взглядом поверх своих роговых очков. – А... Угадал! – Он радостно хлопнул себя по бедру. – Вы – дизайнер интерьеров. Я прав? Наверняка занимаетесь сейчас меблировкой роскошных апартаментов на Итон-сквер для какого-нибудь русского олигарха, да? И вам срочно требуется двадцать ярдов книг, чтобы ваш заказчик смог в дальнейшем продемонстрировать своим приятелям, какой он образованный человек.

Я весело рассмеялась, выслушав эту неожиданную версию.

– Нет, вы ошибаетесь. Я не дизайнер.

– Ну и слава богу! Я рад! – проговорил мужчина с явным облегчением в голосе. – Простите мне мои фантазии. Но сама мысль о том, что книги можно сравнить с каким-нибудь

растением, которое служит для украшения интерьера, что к ним никто и никогда не прикасается, не говоря уже о том, чтобы читать... Сама мысль об этом мне нестерпима.

Пожалуй, еще никогда в своей жизни я не вела столь странную беседу с незнакомым человеком. Правда, на сей раз беседа совершенно не концентрировалась исключительно на моей персоне.

– Итак, давайте отмотаем все назад и начнем сначала. Так все же почему вы здесь? Или, спрошу еще конкретнее, зачем вы приходили сюда вчера? А потом были вынуждены вернуться к нам снова, потому что кое-что здесь забыли.

– Я... Меня к вам направили.

– Ага! Так получается, вы все же оказались у нас потому, что *работаете* на своего клиента, да? – поинтересовался у меня мужчина торжествующим голосом.

– Нет, не так. Визитку с адресом вашего магазина мне дал мой отец.

– Понятно. Вероятно, он был в числе наших клиентов?

– Понятия не имею.

– Тогда зачем он отдал вам мою визитку?

– Вот этого я и сама не знаю. Пока не знаю...

Я снова ощутила всю нелепость нашего разговора. Вот уж воистину тупиковая ситуация. Тогда я решила кое-что пояснить:

– Мой отец умер три месяца тому назад.

– Мои соболезнования, мисс Деплеси. Кстати, должен за-

метить, что у вас очень редкая фамилия, – добавил мужчина после короткой паузы. – Никогда ранее не встречал такой. Впрочем, это не имеет никакого отношения к смерти вашего батюшки. Более того, крайне неуместно комментировать подобные вещи. Мне не следовало бы этого делать. Прошу прощения.

– Все нормально. Но позвольте и мне спросить у вас. Вы Артур Морстон? – Я открыла свою папку, извлекла из нее визитку с адресом магазина и протянула ее собеседнику.

– Бог мой! Конечно же, нет! – воскликнул он, внимательно разглядывая визитку. – Артур Морстон умер более ста лет тому назад. Он был первым владельцем этого магазина. Собственно, он и открыл его еще в 1850 году. Это было задолго до того, как магазин перешел в собственность семейства Форбсов. Это уже моя семья...

– Мой отец был тоже немолод. Он умер, когда ему было далеко за восемьдесят. Так, во всяком случае, мы полагаем.

– Да, это большое горе. – Мужчина снова окинул меня внимательным взглядом. – Остается лишь надеяться, что вы, как дочь своего отца, унаследовали его жизнестойкость.

– Вообще-то, я не родная его дочь. Он меня удочерил, и еще пять моих сестер тоже.

– Вот как? Прелюбопытнейшая история, доложу я вам. Однако мы отвлеклись от главной темы. Так почему все же ваш отец направил вас сюда, чтобы вы побеседовали с Артуром Морстоном?

– Вообще-то он на самом деле ничего такого не говорил мне. Просто эта фамилия значилась на визитке, которую он мне оставил. Вот я и решила, что должна побеседовать с этим человеком.

– И о чем же конкретно вы намеревались спросить у него?

– Я бы спросила у него... – Я поспешно взглянула в папино письмо, чтобы не ошибиться и назвать фамилию правильно. – Я бы спросила у него о некоей особе по имени Флора Макникол.

Мужчина впился в меня пристальным взглядом.

– Он действительно упоминал это имя? – спросил он у меня после некоторой паузы.

– Да. А вы знаете эту женщину?

– Лично – нет, мисс Деплеси. Она тоже умерла еще до того, как я появился на свет. Но, конечно же, *это имя* мне знакомо...

Я затаила дыхание в ожидании продолжения. Но продолжения не последовало. Какое-то время мой собеседник сидел, уставившись в пространство с видом человека, всецело погруженного в собственные мысли. Пауза затянулась, и наше обоюдное молчание грозило стать невыносимым. Во всяком случае, для меня. Я осторожно взяла со стола свою папку (не хватало еще раз забыть ее здесь!) и поднялась с кресла.

– Прошу простить, что отняла у вас время. Мой телефон у вас есть. Так что, в случае чего...

– О, нет, что вы! Это я вынужден снова просить у вас

прощения, мисс Деплеси. Знаете ли, сидел и размышлял над тем, а не стоит ли мне повесить свою максимальную цену на это издание «Анны Карениной». Книга действительно уникальная во всех отношениях. Очень редкое издание... Невежливо хочется получить этот экземпляр в собственность. С другой стороны, жаль тратить много денег... Так о чем это вы меня спрашивали?

– О Флоре Макникол, – медленно повторила я незнакомую фамилию, невольно поражаясь тому, с какой легкостью этот человек может переключаться с одной темы на другую.

– Ах, да... Конечно... Но, боюсь, мисс Деплеси, сегодня у нас с вами вряд ли получится обстоятельный разговор. Все же я принял окончательное решение. Хочу побороться с этими русскими толстосумами. А потому бегу к себе наверх, чтобы переговорить еще раз со своим агентом. Надо успеть до начала аукциона. – Он стремительно подхватился с места, извлек из кармана золотые часы на брелоке и со щелчком открыл крышку. Ну, прямо вылитый Кролик из «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла. – Ура! Время еще есть. А вас попрошу вот о чем: вы бы не могли присмотреть за магазином, пока я буду отсутствовать?

– Конечно, присмотрю.

– Благодарю вас, – искренне поблагодарил он меня.

Я молча проследила за тем, как мужчина в два прыжка преодолел своими длинными ногами то пространство, которое отделяло его от двери, ведущей в подсобные помеще-

ния. Потом я снова уселась в кресло, размышляя над тем, кто же из нас двоих сумасшедший, он или я. Но, по крайней мере, хоть какой-то разговор у меня с ним состоялся. И у меня даже нашлись нужные слова для этого разговора. Словом, *гончие взяли след...*

Следующие полчаса или час я провела очень приятно, в окружении книг, мысленно прикидывая, какие из них я бы водрузила на свою будущую книжную полку. Так сказать, на полку своей мечты... Разумеется, Шекспир, романы Диккенса, не говоря уже о романах Скотта Фицджеральда и Ивлина Во... Само собой, кое-что из современной прозы. Те книги, которые мне особенно нравятся. Правда, они пока еще не стали классикой, но не сомневаюсь: через пару-тройку столетий букинисты и библиофилы тоже будут гоняться за ними как за самыми раритетными изданиями, пусть они пока еще не в сафьяновых переплетах с золотым тиснением букв на обложке.

За все то время, пока я осматривала полки с книгами, в магазин не зашел ни единый покупатель. Наконец я добралась до раздела с детской литературой и тут же выхватила взглядом подборку книг Беатрикс Поттер, в том числе и свою самую любимую с детства «Сказку о миссис Тигги-Винкл».

Я снова устроилась возле камина и стала листать книгу. И сразу же перед моим мысленным взором пронеслись картинки далекого-далекого Рождества, когда я была еще совсем маленькой. Помнится, в тот день я обнаружила под елкой

особый подарок, который прислал добрый Санта-Клаус. А потом Па Солт усадил меня к себе на колени. И мы точно так же блаженно грелись с ним возле камина в гостиной, смотрели, как весело трепещут язычки пламени за каминной решеткой, как это всегда бывало в зимнее время, и папа читал мне вслух сказку Беатрикс Поттер. Как же мне было тогда хорошо! Как тепло и покойно... Я смотрела в окно на заснеженные вершины гор и чувствовала себя такой счастливой, такой любимой.

– Это называется *жить в согласии с самой собой*, – произнесла я громким шепотом. *Именно этого мне и не хватает сейчас.*

– Ну, вот! Все в порядке! – Мужской голос заставил меня вздрогнуть и тут же оторваться от воспоминаний о былом. – Если пожелаете, можете называть меня сумасшедшим, но я хочу обладать этой книгой, и все тут! Да, потом я буду расстраиваться из-за потраченных денег, это правда. И поделом! Потому что при таких бешеных затратах наше банкротство представляется мне почти неизбежным. Боже! Как же я голоден! Это, наверное, из-за стресса. А как вы?

Я взглянула на свои часики и с удивлением обнаружила, что мужчина отсутствовал более часа. Самое время для ланча, без пяти час.

– Сама не знаю, – промямлила я не очень уверенно.

– Тогда позвольте мне соблазнить вас. Тут через дорогу есть превосходный ресторан. Они любезно разрешают мне

брать у них еду навынос. Все, что имеется у них в меню. Обычно в дневное время они обслуживают только комплексными обедами, – пояснил он мне, как будто это было столь уж важно. – Но это даже похоже на сюрприз. Всегда ведь интересно узнать, а что они предложат тебе сегодня. Вместо того чтобы самому выбирать еду по собственному усмотрению. Вы не находите?

– Наверное, вы правы.

– Тогда позвольте мне снова отлучиться на пару минут. Сбегаю через дорогу, заберу у них комплексные обеды, которые они приготовили на сегодня. Посмотрим, удастся ли мне обольстить вас их кухней. Во всяком случае, я просто обязан угостить вас обедом. Вы ведь потратили столько времени, пока я разбирался со всеми своими аукционными проблемами.

– О'кей! Считайте, что уговорили...

– О, Беатрикс Поттер, как я вижу. – Мужчина мельком взглянул на книгу, которую я все еще держала в руках. – Надо же, какое забавное совпадение. Между прочим, Беатрикс Поттер была знакома с Флорой Макникол. Впрочем, ничто в этой жизни не бывает случайным. А вы как думаете?

И, не дожидаясь моего ответа, мужчина спешно покинул магазин, снова оставив меня караулить его книги. Собственно, если бы у меня возникло сейчас намерение удалиться по-английски, не попрощавшись, то для этого имелись все возможности. Но последние слова мужчины, которые он обро-

нил, уже направляясь в ресторан, заставили меня остаться на месте. Я слегка подправила огонь в камине так, как когда-то учил меня Па Солт. Сдвинула все уголья в одну кучу, чтобы они не сгорали так быстро, а горели бы ровным пламенем и давали больше тепла.

В магазине опять воцарилась тишина. А я снова принялась за чтение сказок. Прочитала про утку Джемайму Нырнивлужу и про котенка Тома. И уже было приготовилась начать читать про Джереми Фишера, но тут на пороге магазина снова возник мой безымянный собеседник с двумя объемными пакетами из плотной коричневой бумаги.

– По-моему, сегодняшней их обед выглядит очень аппетитно, – объявил он мне, едва переступив порог. После чего запер входную дверь, предварительно повесив табличку «Закрыто». – Не люблю, когда меня отвлекают во время еды. Да это и для пищеварения очень плохо, как вы знаете. Сейчас сбегая наверх и принесу посуду. А, да! И еще бокалы. Бокал хорошего белого вина очень уместен к рыбе. Предлагаю сансер, – добавил он, устремившись через зал к дверям, ведущим в служебные помещения. А уже в следующую секунду послышались его громкие шаги по лестнице.

Меня немного забавляла его несколько старомодная манера речи. Хотя я уже привыкла к усеченным словам, которые повсеместно используют в своих разговорах представители просвещенной английской публики, но у моего нового знакомого эта его особенность особенно бросалась в глаза. *На-*

стоящий английский оригинал, подумала я. Однако этот человек мне определенно нравится, в том числе и за его речевые чудачества. Словом, мужчина не боится быть самим собой во всех своих проявлениях. А мне ли уж не знать, сколько для этого требуется силы характера?

– Думаю, вам наверняка придется по вкусу палтус с гарниром в виде сое из свежего зеленого горошка. По-моему, сое у них получилось просто превосходным. – Он снова возник перед столиком с бутылкой вина, покрытой капельками влаги, тарелками, столовыми приборами и двумя безукоризненно накрахмаленными салфетками.

– О, с удовольствием отведаю сое. И вы правы. Свежий зеленый горошек особенно труден в приготовлении гарниров.

– А вы профессиональный кулинар? – поинтересовался хозяин магазина, снимая фольгу с двух лотков с пищей. Моему взору предстала довольно примитивная на вид еда. Осталось лишь надеяться, что вкусовые качества блюд не подкачают.

– Нет. Просто люблю готовить. Пару недель тому назад даже закончила кулинарные курсы. Кстати, на выпускном экзамене мне как раз в качестве гарнира достался зеленый горошек.

– Вы, надеюсь, понимаете, что я отнюдь не гурман в общепринятом смысле этого слова. По большому счету, мне все равно, что закинуть в свою утробу. Но при этом все же

хочется, чтобы еда была хорошо приготовлена. В какой-то степени я, конечно, избалован. Ведь считается, что кухня ресторана «Чарли» одна из лучших в Лондоне. Посмотрим, что они нам приготовили сегодня. Но для начала все же бокал вина, да? – Он аккуратно переложил мою порцию на фарфоровую тарелку и поставил ее передо мной.

– Вообще-то я днем не пью спиртное.

– Что ж, изредка, как я полагаю, стоит отступать от собственных правил. Вреда большого от этого нет. А вы как думаете? Вот!

Он налил в мой бокал вино и протянул его мне через стол.

– Ваше здоровье! – Он залпом отпил большой глоток из своего бокала, а потом подцепил вилкой огромный кусок рыбы.

Я тоже сделала небольшой глоток. Потом неуверенно ткнула вилкой в еду на тарелке.

– Рыба выше всяких похвал, мисс Деппеси, – подбодрил он меня. – Только не говорите мне, что вы сейчас сидите на диете.

– Нет, не сижу. Но практически никогда не обедаю.

– Что ж, сегодня мы с вами поступим согласно нашей известной поговорке. Помните? Завтракай как король, обедай как принц, а ужинай как бедняк. Такой в общем-то весьма разумный совет заключен в этой максиме. Однако же люди продолжают упорно игнорировать его, а потом жалуются, что полнеют, и не знают, что делать с лишним весом. Впро-

чем, нам с вами эта проблема точно не грозит.

– Не грозит, – согласилась я с ним, продолжая ковыряться в своей тарелке, попутно заметив, что его тарелка уже пуста. Он оказался прав. Еда действительно была превосходной. Какое-то время мужчина пристально наблюдал за тем, как я управляюсь со своей порцией. Что очень нервировало и сбивало меня с толку. Я взяла свой бокал и сделала очередной глоток, набираясь храбрости, чтобы задать интересующие меня вопросы. В конце концов, разве не затем, чтобы получить ответы на них, я и явилась сюда, лишний раз напомнила я сама себе.

– Так вы говорили, что Флора Макникол была знакома с Беатрикс Поттер, не так ли? – направила я наш разговор в нужное мне русло.

– Именно так. Более того, какое-то время мисс Поттер была даже владелицей этого магазина. Закончили? – Он посмотрел на мою тарелку, на которой еще оставался недоеденным крохотный кусочек рыбы. Я тут же подцепила его вилкой. – Тогда я отнесу посуду наверх. Вид грязных тарелок, признаюсь, действует мне на нервы. А вам?

Не успела я положить вилку на пустую тарелку, как он тут же подхватил ее со стола, присовокупив к грязной посуде и бутылку с вином. Свой пустой бокал он тоже забрал, а взглянув на мой, еще наполовину полный, оставил его стоять на прежнем месте, сам же снова исчез за дверью в служебные помещения.

Я отпила еще немного вина. На самом деле мне совсем не хотелось пить. Зато я вспомнила, что нужно будет обязательно спросить у этого человека, когда он снова вернется сюда, как его зовут. Однако его не так-то просто разговорить, не говоря уже о том, чтобы вытрясти из него какую-нибудь полезную или действительно стоящую информацию.

Мужчина вернулся с подносом, на котором стоял заварочный чайник, две фарфоровые чашки и все остальное, что полагается к чаю.

– Вам с сахаром? – спросил он меня и довольно неосторожно бухнул поднос на какой-то старинный словарь. Я мысленно прикинула, на сколько в денежном эквиваленте тянет этот раритет. – Люблю хороший чай.

– Я тоже. Три кусочка, пожалуйста.

– А я вот всегда кладу себе четыре.

– Спасибо, – поблагодарила я, беря из его рук протянутую чашку. Ну, прямо настоящее чаепитие, как у Безумного Шляпника из «Алисы в Стране чудес», снова вспомнила я книгу Льюиса Кэрролла. – А каким образом Флора Макникол познакомилась с Беатрикс Поттер? – сделала я очередную попытку вернуться к интересующей меня теме.

– Какое-то время она жила по соседству с ней.

– В Озерном крае?

– Именно так, – одобрительно кивнул мой собеседник. – Вижу, вы интересуетесь не только книгами, но и судьбами их авторов. Я прав, мисс Деплеси?

– Пожалуйста, зовите меня просто Стар. А вас?..

– Так вас зовут Стар? – переспросил он меня, и по выражению его лица трудно было понять, одобряет ли он такое имя или же нет.

– Да, – коротко ответила я, но все же решила кое-что уточнить: – Стар – это сокращенное от Астеропы.

– Даже так? – Легкая улыбка тронула его губы. Потом он издал короткий смешок. – Вот вам еще одно совпадение по иронии судьбы! Просто восхитительное совпадение, надо заметить... Астеропа – это ведь жена, в других, правда, мифах – мать царя Эномая из города Писы. Словом, вы одна из Семи сестер, образующих созвездие Плеяды. Третья по счету дочь титана Атланта и его супруги, океаниды Плейоны, после Майи и Альционы. А потом уже идут Келено, Тайгете, Электра и Мериоп. «Сколько раз в ночи следил я, как в тенетах серебра светляки Плеяд мерцают от заката до утра...»

– Альфред Теннисон, – машинально произнесла я, мгновенно узнав строки из томика со стихами, хранящегося в папиной библиотеке.

– Верно. Это – Теннисон. Мой дражайший батюшка, увы, уже тоже покинувший сей мир, ему принадлежал этот магазин до того, как он перешел по наследству ко мне, так вот, отец в свое время изучал классическую литературу в Оксфорде. Можно сказать, античные мифы и легенды сопровождали меня все детство. Но, к превеликому сожалению, меня *не называли* в честь какого-нибудь мифического царя. Со

мною случилась совсем иная история... – Мужчина умолк, а я снова встревожилась, испугавшись, что он опять унесется мыслями далеко от того, что интересует меня. – Нет, имя мне выбрала матушка. Воистину святая женщина, Господь упокой душу ее... Она тоже изучала литературу в Оксфорде. Там-то мои родители и познакомились, а потом влюбились друг в друга. Получается, что страсть к книгам у меня в крови. Как видно, и у вас. А вы знаете что-нибудь о той семье, о вашей настоящей семье?

Рука моя непроизвольно коснулась заветной папки.

– Собственно, это – одна из причин, по которой я и пришла к вам. Мой отец оставил мне... как бы это выразиться поточнее... такие подсказки, которые, по его разумению, должны будут облегчить мне поиски своих корней, если я захочу этим заняться.

– Вот так дела! Настоящая азартная игра! – Мужчина с явным удовольствием прихлопнул в ладоши. – Обожаю всяческие таинственные истории. Вы взяли с собой эти подсказки?

– Да. Но вся информация, которой я располагаю на данный момент, – это карточка с адресом вашего магазина, в котором мне велено расспросить про Флору Макникол, а также точные координаты того места, где я появилась на свет. А еще вот это... – Я поставила перед ним на стол небольшой футляр от ювелирного украшения. Открыла коробочку и извлекла из нее пантеру. И сразу же почувствовала учащенное

сердцебиение. Не совершаю ли я ошибку, тотчас же мысленно испугалась я, доверяя незнакомому человеку столь сокровенные тайны? Ведь о существовании пантеры не знает даже Сиси.

Мужчина сдвинул очки на нос и принялся самым внимательнейшим образом изучать координаты моего предполагаемого места рождения и пантеру. Потом вернул и то и другое мне и откинулся на спинку кресла. Он открыл рот, намереваясь что-то сказать. Я подалась вперед, приготовившись ловить каждое его слово.

– По-моему, самое время отведать нам пирожных. Как думаете? – изрек он наконец. – Впрочем, пирожные всегда ко времени.

Он снова исчез наверху и через какое-то время появился с двумя большими кусками шоколадного торта, немного липкими на вид.

– Угощайтесь! Торт очень вкусный. Я купил его сегодня утром в нашей кондитерской, что через дорогу. Знаете, у меня в это время, между тремя и пятью часами дня, видимо, падает уровень сахара в крови. Выход один: либо вздремнуть, либо съесть что-нибудь сладенькое.

– Спасибо, не откажусь, – ответила я. – Я тоже большая любительница сладкого. Кстати, так как все же вас зовут?

– Боже правый! Разве я не представился? А был уверен, что уже сделал это.

– Нет, вы забыли назвать свое имя.

– Что ж, моя извечная рассеянность... Как всегда. Приношу свои извинения. Матушка дала мне двойное имя в честь героев своих любимых книг. А потому я либо огромный жирный мармеладный кот, либо некое литературное воплощение одной известной писательницы, которая сбежала во Францию со своей подругой-любовницей, а там выдала себя за мужчину. А теперь угадайте, как меня зовут? – подзадорил он меня.

– Орландо. *Прекрасное имя, я думаю.*

– Мисс Деплеси! – Он отвесил мне шуточный поклон. – Я крайне впечатлен вашими доскональными познаниями в области литературы. Так на кого я все же больше похож, по-вашему? На мармеладного кота? Или на женщину, которая выдает себя за мужчину?

Я едва удержалась, чтобы не рассмеяться в ответ.

– Ни на кого из них. Вы – это просто *вы*.

– Мне кажется, мисс Деплеси, – проронил мужчина, слегка подавшись вперед и подперев ладонью левую щеку, – что ваши знания литературы гораздо более обширны, чем вы это демонстрируете.

– Вообще-то я имею магистерскую степень по литературе, но при этом вовсе не считаю себя экспертом в литературных вопросах.

– Вы себя явно недооцениваете. Уверен, на земле найдется не так уж много людей, кто был бы наслышан о Мармеладном коте и о знаменитом биографическом романе, кото-

рый написала...

Мужчина запнулся, словно пытаюсь вспомнить имя автора. Наверняка снова разыгрывает меня, подумала я.

– Вирджиния Вулф, – закончила я фразу вместо него. – А сам роман был навеян жизнью Виты Сэквилл-Уэст и перипетиями ее любовной связи с Вайолет Трефьюзис. Что же касается «Орlando, Мармеладного кота», то эту книгу написала Кэтлин Хэйл. Кстати, «мармеладный» означает рыжий окрас шерсти кота. Кэтлин Хэйл была дружна с Ванессой Белл, сестрой Вирджинии Вулф, которая, как известно, тоже была связана с Витой Сэквилл-Уэст. Впрочем, все это вы наверняка знаете и без меня...

Я замолчала, сама поражаясь тому, сколько я всего наболтала. Просто голову потеряла, мысленно укорила я себя. Наверное, сыграло свою роль то обстоятельство, что в качестве собеседника мне попался такой же увлеченный литературой книгочей, как и я сама.

Какое-то время Орlando молчал, переваривая полученную от меня информацию.

– Да, кое-что мне было известно, вы правы. Но далеко не все, далеко не все... И уж я точно не догадывался о том, что между авторами столь разных по своему содержанию книг существует нечто общее. А как вы сами обнаружили это?

– О, просто темой моей диссертации был кружок Блумсбери.

– Вот оно что! Что ж, тогда, мисс Деплеси, вы уже навер-

няка успели заметить, что у меня все происходит несколько иначе. Мысли мои постоянно порхают с места на место в поисках малейших открытий. Я, словно пчела, беру свой взятки нектара везде, где нахожу его. Взял и тут же перелетел на новое место. Вы же более целенаправленны и усидчивы. К тому же держите свой свет под спудом. Будучи чересчур скромной, скрываете и свои таланты, и свой ум. А у вас и того, и другого – бушели и бушели². Какая жалость, что слово «бушель» практически исчезло из употребления в современном английском языке. Вы не находите?

– Я... – начала я, не совсем уверенная в том, что сказать в ответ.

– Скажите мне, – перебил меня Орландо. – Как вам удастся, имея такие глубокие познания, столь успешно скрывать их от окружающих, показывая лишь самую малость? Вы, мисс Деплеси, похожи на тонкий серебристый серп молодой луны. И вы такая же таинственная, как луна... Так вот, Стар, или лучше возьмем в качестве литературного псевдонима ваше полное имя? Астеропа... Итак, Астеропа, вам нужна работа?

– Еще как нужна! Потому что сейчас, можно сказать, я сижу на мели, – ответила я, стараясь не выдавать всю степень отчаянности моего положения.

– Ха! Я, между прочим, тоже на мели! И весь мой бизнес

² В Англии, США и некоторых других странах: мера объема жидкостей и сыпучих веществ.

в полнейшем упадке... Сегодня ведь так мало покупателей. Словом, больших доходов я вам не обещаю. Зато кормить буду отменно.

– И все же, конкретно сколько вы намереваетесь мне платить? – поинтересовалась я у Орландо напрямую, пока он снова мысленно не умчался в другие дали.

– Да я и сам не знаю. Тут у меня недавно подрабатывал один студент. Так зарплаты ему вполне хватало на то, чтобы оплачивать себе крышу над головой. Скажите мне сами, сколько вам нужно.

Если честно, то в глубине души я сама была согласна приплачивать *ему* за возможность ежедневно находиться среди всех этих книг. Но вслух я озвучила другой вариант.

– Двести пятьдесят фунтов в неделю – это много?

– По рукам! – Орландо широко улыбнулся, обнажив свои неровные зубы. – Но заранее предупреждаю вас. Человек я далеко не простой в общении. Знаю, некоторые люди находят меня немного странноватым типом. Иных я вообще разворачиваю прямо с порога. Предпочитаю вести торговлю через интернет. Мои книги слишком хороши, чтобы продавать их первому встречному и поперечному, словно кокосовый орех мартышке.

– И когда я должна буду приступить к работе?

– С завтрашнего дня. Это возможно?

– Открытие в десять утра?

– Именно так. Сейчас сбегая наверх и принесу вам запас-

ные ключи.

Он снова вскочил со своего места и уже готов был снова исчезнуть за дверью, ведущей наверх, но тут я вовремя остановила его:

– Орландо!

– Да?

– Вы не хотите взглянуть на мои документы? Диплом и все такое...

– А зачем мне на них смотреть? – круто развернулся он в мою сторону. – Я только что провел с вами весьма подробное собеседование. И вы с легкостью ответили на все мои самые каверзные вопросы.

Спустя пару минут, когда я уже упрятала свои вещественные доказательства обратно в папку, Орландо втиснул мне в руку тяжелую связку латунных ключей, а потом проводил до дверей.

– Больше спасибо вам, мисс... Как вы желаете, чтобы я называл вас?

– Зовите меня Стар. Это будет то что надо.

– Итак, мисс Стар, – он галантно распахнул передо мной входную дверь, и я проследовала на улицу, – до завтра.

– Да, до завтра.

Я уже двинулась по тротуару, направляясь к автобусной остановке, но он снова окликнул меня:

– Мисс Стар!

– Да?

– Не забудьте напомнить мне, чтобы я рассказал вам об этой Флоре Макникол более подробно. И о том, что конкретно связывает ее с вашей пантерой. А пока до свидания.

На улице я почувствовала себя так, словно только что, пройдя через дверцу шкафа, вынырнула из Нарнии. Вокруг магазина «Артур Морстон Букс» кипела совсем другая жизнь. Такое впечатление, будто я только что побывала в параллельной вселенной. Но уже сидя в автобусе по дороге домой и потом, когда я своим автоматическим ключом-карточкой открыла входную дверь в нашу квартиру, я почувствовала, как меня буквально распирает от счастья и радостного предвкушения чего-то нового. Весело напевая вполголоса, пока стряпала ужин, я одновременно размышляла над тем, стоит ли рассказывать Сиси о том, каким поистине удивительным выдался у меня нынешний день. В конце концов решила ограничиться лишь тем, что сообщу ей, что нашла себе место в книжном магазине и приступаю к работе уже с завтрашнего дня.

– Для начала, пожалуй, сойдет, – прокомментировала мою новость Сиси. – Но, я думаю, ты же не собираешься всю оставшуюся жизнь торговать старыми книжками?

– Конечно, не собираюсь. Но пока мне там очень понравилось.

Я постаралась как можно быстрее разделаться со своей порцией ужина и поспешила на террасу посмотреть, как там поживают мои растения. Понимаю, мое место работы, быть

может, покажется кому-то со стороны действительно мелким и незначительным, но лично для меня эта новая работа означает слишком много. Невероятно много...

7

Первые две недели, которые я отработала в «Артур Морстон Букс», ничем не отличались от того дня, когда я впервые переступила порог этого магазина. По утрам Орlando обычно находился у себя наверху. Я по-прежнему и понятия не имела, что именно скрывалось за дверью, ведущей в служебные помещения, и что располагается на втором этаже. Мне же было приказано звонить ему в случае, если покупатель изъявит желание взглянуть на какую-нибудь особенно редкую и дорогую книгу из тех, что хранились в огромном, поржавевшем от времени сейфе, стоявшем в полуподвальном помещении. Или если вдруг у меня возникнут проблемы с ответом на какой-нибудь особо сложный и изощренный вопрос клиента. Но покупатели в нашем магазине появлялись крайне редко, а потому и сложных вопросов я до сего дня не получала.

Мало-помалу я стала уже на глаз определять людей, составлявших, по выражению самого Орlando, круг его постоянных посетителей. Главным образом, пенсионеры. Заходят в магазин, снимают с полки какую-нибудь книгу, потом вежливо интересуются у меня, сколько она стоит, хотя цена на

каждую книгу проставлена на специальной карточке, прикрепленной к оборотной стороне экземпляра. И после того как все формальности соблюдены, с легкой душой устраиваются вместе с книгой в одном из кожаных кресел возле камина, поближе к огню, тотчас же погружаясь в чтение. Иногда они просиживают так по несколько часов кряду. Потом в какой-то момент отрываются от книги, словно спохватываясь, что пора уже домой, и направляются к выходу, роняя по пути вежливое «спасибо». Один джентльмен весьма почтенного возраста особенно привлек мое внимание. Каждый день всю неделю он неизменно являлся к нам в своем потертом твидовом пиджачке, брал с полки роман «Обитель радости»³ и устраивался с ним в кресле. Я даже заметила, что каждый раз перед тем, как поставить книгу обратно на полку и уйти домой, он кладет туда тонкий листок бумаги, как своеобразную закладку, оставляя ее в том месте, где закончил читать.

Орландо установил в небольшой нише в дальнем конце зала кофеварочную машину, чтобы я в любой момент могла предложить нашим клиентам чашечку кофе. В мои обязанности входило также покупать каждый день по пути на работу пинту свежего молока. Чаще всего я потом уносила пачку домой так и не распечатанной из-за полного отсутствия клиентов, желающих отведать наш кофе.

Именно в этой нише мое внимание привлекла картина, висевшая над одной из книжных полок. Стилистика, в ко-

³ Роман американской писательницы Эдит Уортон (1862–1937).

торой были выполнены сами иллюстрации, была мне хорошо знакома. Я бы даже сказала, я знала ее как свои пять пальцев. Однажды я специально привстала на цыпочки, чтобы получше разглядеть саму картину. Пригляделась и увидела выцветшие от времени чернила, которыми было что-то написано. Что именно, разобрать уже было практически невозможно, но одно было ясно. Это не просто картина, это – письмо. Крохотные акварельные миниатюры, украшающие лист бумаги, сохранились гораздо лучше. И я невольно восхитилась совершенством этих акварельных рисунков. Я буквально приклеилась носом к стеклу, чтобы различить слова. Увидела дату и полустертые начальные буквы имени.

«*Моя дорогая Фл...*» Разобрать остальное было уже невозможно. Зато хорошо сохранилась подпись в нижней части листа, выполненная аккуратным изящным почерком. Наверняка это подпись того, кто написал письмо. «Беатрикс», прочитала я.

– Фл... – пробормотала я вполголоса, разговаривая сама с собой. А что, если это письмо адресовано *моей Флоре Макни-кол*? Ведь Орlando же рассказывал, что Флора и Беатрикс Поттер были знакомы друг с другом. Надо будет обязательно расспросить его об этом поподробнее.

Ровно в час дня Орlando спускался вниз и направлялся к входным дверям, стремительно исчезая за ними. Это служило своеобразным сигналом всем тем, кто коротал время за чтением книг у камина. Пора уходить. По возвращении

Орландо тут же запирает входную дверь и вешал на нее табличку с надписью «Закрето».

Затем сверху доставлялись фарфоровые тарелки, столовые принадлежности и туго накрахмаленные белоснежные салфетки. После чего мы с ним приступали к трапезе.

Если честно, то это было мое самое любимое время дня. Я с удовольствием слушала разглагольствования Орландо, чей беспокойный ум с легкостью перепрыгивал с одной темы на другую, при этом он неизменно пересыпал свою речь многочисленными цитатами и прочими разнообразными литературными реминисценциями. Наши беседы с Орландо уже давно стали для меня своеобразной игрой под названием «Угадайка». Всякий раз я старалась заранее предугадать, куда именно и на какую тему вырулит наш с ним разговор уже в следующую минуту. И, как правило, никогда не угадывала, ибо Орландо умудрялся забираться в такие дебри, касаясь таких тем и предметов, о существовании которых я даже не подозревала. Тем не менее какие-то крохи информации просачивались в этих разговорах и о нем самом. Так, я узнала, что его «благословенная» матушка, святая, по его словам, женщина по имени Валентина, погибла в автомобильной катастрофе, когда самому Орландо едва минуло двадцать лет. Он тогда учился на втором курсе в Оксфорде. Гибель жены потрясла отца. Можно сказать, это разбило ему сердце. И он отправился в Грецию искать утешения в обществе античных богов и богинь, попутно заливая свое горе знаменитой вод-

кой узо. Он умер от рака всего лишь несколько лет тому назад.

– Так что, как видите, – заключил свой рассказ Орlando несколько взволнованным голосом, – я в некотором роде тоже сирота.

Он часто спрашивал меня о моем детстве в Атлантисе. Особенно его интересовала необычная фигура Па Солта.

– Так кем же он был на самом деле? Обладать такими обширными познаниями... Знать столько, сколько знал он... – бросил он как-то однажды задумчивым тоном после того, как я была вынуждена признаться, что знаю об отце очень мало. Даже не знаю, где и в какой стране он родился.

Несмотря на то что Орlando продолжал постоянно выпытывать у меня все новые и новые подробности о Па Солте, сам он очень умело уходил от разговоров, касающихся Флоры Макникол, явно не горя желанием поделиться со мной какими-то дополнительными сведениями о ней. А когда я показала ему письмо в рамочке, написанное Беатрикс Поттер, судя по всему, Флоре, то в ответ получила совсем не ту реакцию, на которую рассчитывала.

– А, это... – беззаботно махнул он рукой. – Старое письмо. Беатрикс за свою жизнь написала горы писем, адресованных детям.

И тут же с легкостью переключился на другую тему, не дав мне ни единого шанса разговорить его.

Что ж, решила я про себя, в один прекрасный день я все

же наберусь храбрости и заставлю его ответить на все мои вопросы. Но, несмотря на то что я по-прежнему не располагала практически никакой информацией о Флоре Макникол, в остальном все было просто чудесно. Целыми днями я проводила время в окружении великолепных книг. Сам их запах, их вид, возможность потрогать эти бесценные издания руками, когда я вносила каталожные данные на новые поступления в объемный гроссбух в кожаной обложке, – все это доставляло мне поистине несказанную радость. Кстати, прежде чем позволить мне делать записи в этом драгоценном гроссбухе, Орландо устроил мне самый настоящий тест на каллиграфию. К счастью, меня всегда хвалили за мой четкий и элегантный почерк. Но вот уж никак не думала, что когда-нибудь такая совершеннейшая архаика в наши дни, как хороший почерк, может сослужить мне пользу и даже принести некоторую выгоду.

Как-то уже в начале третьей недели моей службы в букинистическом магазине я по пути на работу, в автобусе, задумалась над тем, что неплохо, наверное, было бы мне родиться в какую-нибудь другую эпоху. Появиться на свет в такое

время, когда сам темп жизни был гораздо медленнее. Тогда, если вспомнить, даже письма к близким и дорогим людям шли неделями, а порой и месяцами. Не то что нынешняя скоропалительная корреспонденция по электронной почте, которая в считанные доли секунды отправит твое послание куда угодно, хоть на другой конец света.

– Боже правый! Как же я ненавижу все эти современные чудеса техники! – словно прочитал мои скрытые мысли Орландо, входя в магазин в неизменные половине десятого утра с неизменной коробочкой с пирожными в руке. – Прошлой ночью из-за этого дурацкого дождя во всем Кенсингтоне вышла из строя телефонная связь. А в результате я не смог своевременно отправить свой заказ на особо ценный экземпляр романа «Война и мир». – Орландо тяжело вздохнул, всем своим видом выражая крайнюю степень недовольства и досады. – Правда, моя жаба жадности будет довольна. Да и Мышь тоже испытает немалое облегчение, узнав, что я сэкономил деньги, которых у меня, впрочем, нет. Помните, я уже как-то говорил вам о Мыши?

Действительно, уже несколько раз в наших разговорах с ним Орландо упоминал некую «Мышь», впрочем, никак не конкретизируя данную особу. Не говоря уже о том, кем именно она приходится самому Орландо. Я даже понятия не имела, кто это, мужчина или женщина.

– Правда упоминали? – переспросила я так, на всякий случай.

– Да. Кстати, мисс Стар, вы заняты в эти выходные? Мне нужно посетить Хай-Уилд, побывать на дне рождения у Рори. Там будет и Мышь тоже. Посмотрите на сам дом, познакомьтесь с Маргарет, поболтаете с ней о Флоре Макникол.

– Я... согласна, – ответила я после некоторого раздумья, понимая, что нужно ловить миг удачи и во что бы то ни стало воспользоваться предоставившейся возможностью.

– Вот и прекрасно! Значит, решено. Встречаемся в субботу на вокзале Чаринг-Кросс ровно в десять прямо в вагоне первого класса. Поезд идет до Ашфорда. Ваш билет будет у меня. А сейчас я вынужден оставить вас и поспешить к себе наверх. Вдруг этот всемогущий бог нашего времени по имени *Wi-Fi* всемилостиво соизволил явить свой лик нам, простым смертным, его подданным...

– А куда конкретно мы поедем?

– Разве я не сказал?

– Нет.

– В графство Кент, куда же еще! – несколько рассеянно ответил Орlando, словно цель нашего путешествия уже изначально была очевидна всем.

Оставшиеся дни недели я жила, раздираемая самыми противоположными чувствами. С одной стороны, сама идея поездки не могла не волновать, с другой стороны, я, как всегда, страшилась неизвестности. Во время учебы в университете мне довелось однажды побывать в графстве Кент, посетить знаменитый замок Сисингхерст, полюбоваться его прекрас-

ными садами. Когда-то здесь жила известная романистка и поэт Вита Сэквилл-Уэст. До сих пор храню в памяти впечатления об этом цветущем и благоуханном крае, который справедливо называют, о чем в свое время мне поведала моя однокурсница, «райским садом Англии».

Когда в субботу утром я прибыла на вокзал Чаринг-Кросс, то действительно обнаружила Орландо, поджидающего меня прямо в вагоне, как и было условлено. Его небесно-голубой пиджак вкупе с пестрым шарфом, не говоря уже об огромной по своим размерам плетеной корзине с крышкой для пикника, которая сразу же заняла своими габаритами весь столик, предположительно рассчитанный не только на нас двоих, но и на наших потенциальных соседей-попутчиков, сразу же бросался в глаза, резко контрастируя с остальным интерьером современного поезда.

– Моя дорогая мисс Стар, – начал он, как только я уселась на свое место рядом с ним, – вы, как всегда, пришли строго в означенное время. Между прочим, пунктуальность – это та добродетель, которая в наши дни заслуживает гораздо больших похвал, чем она их имеет. Чашечку кофе?

Он открыл корзину и извлек из нее термос и две фарфоровые кофейные чашечки. Следом на свет появились тарелки со свежайшими, еще теплыми круассанами, прикрытые сверху льняными салфетками. Как только поезд тронулся с места, Орландо тут же пригласил меня к завтраку, попутно разговаривая обо всем на свете и ни о чем конкретно. От моего внимания не ускользнуло то, что остальные пассажиры взирают на нашу трапезу с явным недоумением. Слава богу, хотя бы места напротив нас оказались свободными.

– Сколько времени поезд будет находиться в пути? – поинтересовалась я у Орландо, а он между тем извлек из корзины еще две тарелки с идеально порезанными фруктами и снял с них пластиковую пленку.

– Где-то около часа. Маргарет встретит нас на вокзале в Ашворде и отвезет домой.

– А кто она, Маргарет?

– Моя кузина.

– А Рори?

– Очаровательный мальчишка, которому завтра исполняется семь лет. Мышь тоже приедет поздравить его. Правда, в отличие от вас, моя хорошая, Мышь не отличается особой пунктуальностью. Понятия не имеет, что это такое – приходить куда-либо вовремя. А сейчас прошу простить меня, – Орландо составил всю посуду обратно в корзину, а затем аккуратно собрал все крошки со стола салфеткой, попутно не забыв отряхнуть и самого себя, – но я, пожалуй, немного

прикорну.

С этими словами он скрестил руки на груди, словно пытаясь защитить себя от вражеской пули, и тут же погрузился в безмятежный сон.

Минут через тридцать, когда я уже не на шутку разволновалась, а не проедем ли мы Ашфорд, но при этом не решаюсь потревожить сон своего попутчика, он вдруг сам резко открыл глаза.

– Через две минуты, мисс Стар, мы будем на месте.

Платформа была залита неярким осенним солнцем. Мы вышли на перрон и зашагали вдоль состава, лавируя среди других пассажиров.

– Прогресс добрался и сюда, – пожаловался Орландо, видно, категорически не приемлющий никаких технических новшеств. – После того как они окончат здесь строительство вокзала, связующего трассу с дорогой в тоннели под Ла-Маншем, можно будет навсегда забыть о тишине и покое в этом краю.

Когда мы вышли на привокзальную площадь, то я увидела, что ночью здесь явно были заморозки. Слабый пар вырывался у меня изо рта при дыхании.

– А вот и она! – радостно воскликнул Орландо, почти бегом устремившись к старенькому «Фиату-500». – Моя дорогая Маргарет! Как это любезно с твоей стороны приехать за нами на вокзал, – обратился он к высокой статной женщине, пожалуй, одного роста с ним, судя по торчащим из-под руля

длинным ногам, которые с трудом помещались в крохотном салоне.

– Орландо! – недовольным тоном перебила она его, пока он расцеловывал ее в обе щеки, и жестом указала на корзину. – Куда мы поместим твою поклажу, хотела бы я знать? В машине и так нет места! Тем более ты приехал не один... С тобой гостя...

Я почувствовала на себе взгляд ее больших темных глаз. Глаза были удивительного цвета – фиалковые.

– Позволь мне представить тебе мисс Астеропу Деппле-си, более известную как Стар. А это, мисс Стар, моя кузина Маргарет Воган.

– Какое у вас необычное имя, – промолвила женщина, подходя ко мне поближе. Я разглядела лучики морщин на ее чистой светлой коже. А вблизи она выглядит постарше, подумала я, наверняка уже сорок с небольшим.

– Рада познакомиться с вами, Стар, – продолжила она. – И прошу простить моего бестолкового кузена, который приволок с собой эту чудовищную корзину для пикников. Представляю, как вам сейчас придется тесниться на заднем сиденье рядом с таким объемным грузом. Будто нельзя было заказать кофе у проводника прямо в вагоне! – метнула она укоризненный взгляд на Орландо, который, пыхтя и сопя, заталкивал корзину на заднее сиденье. – Впрочем, думаю, вы уже успели понять, что он у нас за человек. – Она тепло улыбнулась мне.

– Успела, – ответила я, почувствовав, что и сама улыбаюсь.

– Лично я, будь моя воля, отправила бы его сейчас пешком. Пусть бы отшагал пять миль в качестве наказания за те неудобства, которые он создал вам. – Маргарет с видом заговорщика погладила мою руку. – Поторопись, Орландо! – прикрикнула она на кузена. – У меня дома полно работы. Мясо еще надо успеть приготовить.

– Приношу свои глубочайшие извинения, мисс Стар, – повинулся передо мной Орландо с видом нашкодившего ребенка, только что получившего выволочку за свое плохое поведение. Он галантно открыл мне дверцу и стал суетливо помогать, пока я с трудом втиснулась в узенькое пространство, оставшееся свободным на заднем сиденье после того, как туда затолкали корзину. Наконец я устроилась и замерла в неподвижной позе, вытянув руки по швам.

Мы тронулись в путь по усыпанным листьями проселочным дорогам. Маргарет и Орландо сидели впереди, оба такие высокие, что доставали своими макушками до самой крыши капота. А я снова почувствовала себя маленькой девочкой и с радостью принялась разглядывать живописные пейзажи, мелькавшие за окном машины, как всегда, восхищаясь красотой английской деревни.

Всю дорогу Орландо говорил без умолку. Рассказывал сестре о том, какие книги приобрел, что успел продать. Маргарет слегка пожурила его за то, как много он переплатил за

«Анну Каренину». По всей вероятности, Мышь уже успела доложить ей об этой покупке. Однако при всем том в голосе ее звучала нескрываемая нежность. Невооруженным глазом было видно, что она очень любит своего бестолкового кузена. Сидя позади Маргарет, я с наслаждением вдыхала ненавязчивый аромат ее духов, который витал в салоне. Запах мускуса действовал на меня успокаивающе.

Ее темные блестящие волосы рассыпались по плечам естественными волнами. А когда Маргарет вдруг повернулась в профиль, чтобы что-то сказать Орландо, я увидела, что у нее нос той формы, которую Па Солт обычно называл «римским носом», с легкой горбинкой. Но ей этот нос подходил просто идеально. Словом, у Маргарет было лицо, которое сразу же привлекает к себе внимание. Нет, она, конечно же, не красавица в классическом понимании канонов красоты. Да судя по джинсам и старенькому свитеру, не очень-то она и стремится выдавать себя за античную богиню. И все же Маргарет очень привлекательная женщина. Внезапно я поняла, что мне ужасно хочется понравиться ей. Совершенно новое, надо сказать, для меня желание.

– Ну, как вы там? – поинтересовалась она у меня участливым тоном. – Немного уже осталось потерпеть. Скоро приедем.

– Все хорошо, спасибо. – Я прижалась головой к оконному стеклу. Мимо проносились густые заросли кустарника, казавшиеся такими высокими на фоне нашей крохотной ма-

шины. Деревенская дорога между тем становилась все уже и уже. И все же, как здорово оказаться на природе, выбраться хоть на время из Лондона. Ничто вокруг не напоминает о городских пейзажах, разве что вон та одиноко торчащая среди густой зелени труба из красного кирпича. Мы свернули направо и, миновав старые ворота, въехали на подъездную дорогу, ведущую к дому, всю в рытвинах и ямах. На очередном ухабе нас так потрянуло, что Маргарет и Орландо стукнулись головами о крышу капота.

– Надо будет попросить Мышь привести сюда трактор гравия, чтобы засыпать все рытвины и обязательно успеть до зимы, – обронила Маргарет, обращаясь к Орландо. – Ну, вот мы и приехали, Стар, – сказала она уже мне, затормозив машину возле большого красивого дома из старинного красного кирпича. Покосившиеся стеклянные рамы оранжереи, расположенной рядом с домом, были густо заплетены плющом и глициниями. Кладка высоких печных труб, устремленных в морозное сентябрьское небо, еще более усиливала общее впечатление от старинной архитектуры дома, выдержанной в стиле эпохи Тюдоров. Я с трудом выбралась из машины и еще раз окинула взглядом весь дом. Наверняка, подумала я, его внутреннее убранство столь же хаотично, как и все то, что окружает строение. Хозяева явно не из тех людей, кто стремится произвести впечатление на других, и уж никак не претендуют на то, чтобы придать своему жилищу вид статусного особняка. Но дом тем не менее притягивал к

себе взгляд своей старомодной изысканностью. По его внешнему виду было видно, как он медленно, но неуклонно дряхлел, постепенно сливаясь с окружающей его природой. В его облике запечатлелись следы ушедших эпох, всех тех безвозвратно канувших в Лету времен, о которых я так люблю читать в романах. Словом, при виде этого дома я вдруг ощутила некий неуловимый трепет желания прикоснуться к своим истокам. Кто знает, быть может, и мой родной дом был тоже похож вот на этот...

Вслед за Маргарет и Орландо я проследовала к величественной дубовой парадной двери и тут заметила мальчугана, во всю прыть спешащего к нам на своем сверкающем красном велосипеде. Он издал слегка приглушенный и не очень разборчивый возглас, попытался помахать нам рукой, но тут же свалился со своего велика.

– Рори! – крикнула Маргарет, бросившись к нему, но мальчишка уже успел сам вскочить с земли. Он снова что-то проговорил на том же неразборчивом языке. Уж не иностранец ли он, мелькнуло у меня, так как я не поняла ни единого его слова. Маргарет отряхнула мальчика от пыли, он взял в руки свой велосипед, и они оба направились в нашу сторону.

– Посмотри, кто к нам приехал, – сказала Маргарет, повернувшись лицом к Рори. – Орландо и его хорошая знакомая Стар. Попытайся повторить вслед за мной: Стар.

Маргарет особенно тщательно выговорила начальные согласные звуки моего имени – *ст... ст...*

– С-т-т-а-х, – выговорил наконец мальчик, подходя ко мне ближе и широко улыбаясь. Он раскрыл ладонь, раздвинув пальчики в разные стороны. Получилось очень похоже на звездочку. Вблизи выяснилось, что Рори является обладателем совершенно невероятных по своей красоте ярко-зеленых глаз, обрамленных густыми темными ресницами. Рыжие кудрявые волосы мальчика отливали на солнце медным блеском. На пухлых розовых щечках появились обворожительные ямочки. Судя по всему, мальчуган был на седьмом небе от счастья. Нет, наверняка этому ребенку никто и никогда не осмелится сказать «нет».

– Вообще-то Рори предпочитает, чтобы его называли «Суперменом». Я прав, Рори? – обратился к мальчику Орlando, негромко усмехнувшись. И тут же вскинул сжатый кулак высоко в воздух, будто это сам Супермен взлетает над землей.

Рори молча кивнул, потом поздоровался со мной за руку с истинным достоинством, как и положено настоящему герою, после чего крепко обхватил Орlando за шею. Орlando тоже обнял мальчика и, слегка приподняв, принялся тискать его, потом осторожно поставил на землю и, развернувшись к нему лицом, принялся жестикулировать, одновременно четко проговаривая каждое слово.

– С днем рождения тебя! Я привез тебе подарок. Лежит в машине. Пойдем, возьмем его. Не возражаешь?

– Нет! – радостным голосом воскликнул мальчик и тут же принялся жестикулировать в ответ. Ребенок глухонемой, на-

конец догадалась я. Не мешало бы вспомнить и освежить в памяти ту азбуку жестов, которой когда-то, лет двадцать тому назад, меня обучала Ма, подумала я, глядя, как Орlando и Рори, взявшись за руки, поспешили назад к машине.

– Идемте в дом, Стар, – пригласила меня Маргарет. – Эти двое обойдутся пока и без нас.

Я вошла вслед за Маргарет в холл. Широкая лестница все в том же тюдоровском стиле вела на второй этаж. Плавные линии и роскошные резные дубовые перила не оставляли сомнения в том, что перед нами не какой-то новодел, а подлинный образчик интерьера ушедшей эпохи. Мы двинулись по длинному коридору. Я почувствовала под ногами неровные, растрескавшиеся и выщербленные от времени каменные плиты. Сделала глубокий вдох, словно желая напитаться атмосферой этого дома. Пахло пылью и дымом. Представила себе, сколько тысяч раз за минувшие столетия разжигали обитатели дома дрова в здешних каминах, чтобы согреться. И вдруг почувствовала невольный укол зависти к женщине, шедшей со мной рядом. Повезло ей жить в таком необычном доме.

– Прошу прощения, что тащу вас напрямиком на кухню. Но у меня еще столько работы. И, пожалуйста, извините за беспорядок. Но мы пока еще и сами толком не знаем, сколько гостей соберется сегодня на ланч, чтобы отпраздновать день рождения Рори. А у меня еще даже картошка не почищена.

– Я охотно помогу, – тут же предложила я свои услуги,

входя вслед за Маргарет в комнату с низким потолком, заливаю потоками солнечного света. Центральное место на кухне занимал очаг с кованой чугунной духовкой и с уже разведенным огнем внутри.

– Пожалуй, вы действительно можете помочь, если приготовите нам обеим что-нибудь выпить, – предложила мне Маргарет с доброжелательной улыбкой, так гармонирующей с красотой и теплом этого уютного дома. – Вон кладовка. Там точно должна быть бутылка джина. Дай-то бог, чтобы в холодильнике осталось еще немного тоника. Иначе придется мудрить и изобретать что-то самим. И куда я только подевала эту картофелечистку?

– Да вот же она! – Я взяла картофелечистку с длинного дубового стола, заваленного газетами вперемешку с пакетами от круп, невымытыми тарелками и даже одним футбольным гольфом, испачканным грязью. – Вы лучше займитесь спиртным сами, а я пока почищу овощи.

– Как-то неприлично получается, Стар. Ведь вы же – наша гостья...

Но я уже водрузила на стол пакет с картошкой и сняла с крючка кастрюлю. Потом расстелила газету, судя по дате, уже недельной давности, куда собиралась складывать очистки, и уселась за стол.

– Хорошо, раз так... – Маргарет одарила меня благодарной улыбкой. – Пойду поищу джин.

В течение последующего часа с небольшим я перечистила

все овощи, подготовила к жарке говяжью лопатку и выложила ее на противень. После чего занялась наведением относительного порядка на самой кухне. Маргарет, отыскав наконец джин и изрядно сдобрив его уже успевшим выдохнуться тоником, вручила мне мою порцию, после чего предоставила кухню в мое полное распоряжение, а сама все время бегала туда и обратно, встречая гостей, приглядывая за сынишкой и попутно накрывая обеденный стол. Я же, мурлыкая про себя какой-то веселенький мотивчик, суетилась на кухне, которая, если отбросить в сторону царящий на ней беспорядок и общую неухоженность, была как раз кухней моей мечты. Горящий очаг наполнял все помещение живительным теплом. Разглядывая потолок, весь покрытый трещинами, я прикидывала, что неплохо было бы перекрасить его, пройтись по нему кистью со свежей белой краской. А заодно освежить и пожелтевшие от времени стены. Но для начала я привела в порядок дубовый стол, очистила его от многочисленных пятен воска, оставленных горевшими когда-то свечами. Потом взялась за посуду, перемыла все тарелки и сковороды, которые валялись невымытыми, пожалуй, не меньше недели.

Наведя относительный порядок на вверенной мне территории, я взглянула в окно с неровно торчащими фрамугами. Прямо под окнами раскинулось то, что когда-то было огородом, наверняка кормившим всех обитателей дома овощами и ягодами. Я вышла через кухонную дверь во двор, чтобы взглянуть на огород поближе. Сейчас он пребывал в пол-

нейшем запустении, зарос бурьяном и сорной травой. Однако, приглядевшись повнимательнее, я отыскала кустик розмарина и сорвала несколько листиков, чтобы добавить их в качестве приправы в тушеный картофель.

Я могла бы жить здесь, уже в который раз подумала я. Но тут на кухне снова появилась Маргарет. Она уже успела переодеться, сменив старый свитер на изрядно помятую шелковую блузку теплого золотистого цвета, дополнив свой наряд фиолетовым шарфом, чудно гармонировавшим с цветом ее глаз.

– О боже! – воскликнула Маргарет, обводя взглядом кухню. – Да вы самая настоящая волшебница, Стар! У нас уже сто лет не было здесь такого идеального порядка. Спасибо вам! Огромное спасибо. Кстати, вам не нужна работа?

– Я уже работаю у Орландо.

– Знаю-знаю! И я страшно рада, что вы сейчас находитесь рядом с ним. Может, вам удастся хотя бы изредка влиять на моего кузена, заставляя его воздерживаться от слишком больших трат на приобретение книг. У меня такое впечатление, что чем дальше, тем очевиднее то, что его книжный магазин на глазах превращается в его личную библиотеку.

– На самом деле Орландо довольно успешно реализует книги через интернет, – попыталась я защитить своего работодателя в то время, как Маргарет налила себе вторую порцию джина.

– Да, я в курсе, – ответила она прежним влюбленным го-

лосом. – Что ж, пока Рори занят рассматриванием своих подарков в гостиной, а Орландо пошел в погреб за вином для гостей, у меня появилось пять минут свободного времени, чтобы присесть и немного передохнуть. – Она мельком взглянула на свои часики. – Мышь, как всегда, в своем репертуаре, опять опаздывает. Но на сей раз ждать мы никого не будем. Обед строго по расписанию. Полагаю, вы уже поняли, что у Рори проблемы со слухом?

– Да, – коротко ответила я, попутно отметив про себя, что Маргарет роднит с ее кузенком еще и привычка порхать в ходе разговора, словно бабочка, перепрыгивая с одной темы на другую.

– Да, он родился глухим. Правда, на левое ухо немного слышит, но и то только с помощью слухового аппарата. Я... – Маргарет замялась, встретившись со мной взглядом. – Я же, со своей стороны, хочу лишь одного. Чтобы он рос, не чувствуя своей ущербности. Чтобы был таким, как все остальные дети. Но иногда люди могут сказать такое... – Она сокрушенно покачала головой и вздохнула. – А мой Рори между тем самый замечательный мальчик на свете...

– По-моему, они с Орландо очень дружны, – заметила я.

– О, да! Орландо, между прочим, выучил его читать в возрасте пяти лет. Для этого специально сам выучил английскую азбуку для глухонемых, чтобы иметь возможность разговаривать с Рори и обучать его грамоте. Мы целенаправленно занимаемся им. Вот определили его в нашу местную на-

чальную школу. И он там, представьте себе, быстро освоился. Даже обучает других ребяташек языку жестов. Каждую неделю с ним занимается логопед. Фантастический доктор! Ставит ему речь, учит понимать других по губам. Кстати, у Рори это замечательно получается. Ну да дети в его возрасте все схватывают на лету. А сейчас идемте, я познакомлю вас с нашими гостями. А то так и проторчите на кухне весь день, словно Золушка.

– Мне это совсем не в тягость. Сейчас проверю, как там наша лопатка поживает. – Я подошла к плите, склонилась, чтобы вытащить из духовки противень с мясом и картофелем. – Надеюсь, вы не будете против, что я добавила в блюдо немного меда и семян кунжута, которые нашла в кладовке. Они придадут особый аромат моркови.

– Возражать?! Господь с вами! Я ведь сама никудышнаястряпуха. Само небо послало вас к нам, чтобы вы приготовили этот праздничный обед. Да и когда мне возиться на кухне? С Рори столько хлопот, потом еще этот старый дом-развалюха, что ни день, то новые проблемы. А еще ведь есть и работа. И она мне отчаянно нужна... Хотя бы для того, чтобы иметь возможность оплачивать все счета. Словом, я верчусь как белка в колесе. Вот сейчас получила просто сногшибательный заказ из Франции на стенную роспись, но и сама пока не знаю, что делать. Смогу ли я оставить Рори... и с кем... – Маргарет уныло замолчала. – Простите меня, Стар. Наваливаю на вас проблемы, будто у вас своих нет.

– Так вы художница?

– Хотелось бы так думать. Хотя недавно один человек сказал мне, что я обычный декоратор. Расписываю стены, вот и все. – Маргарет слегка приподняла бровь. – В любом случае я вам крайне признательна, Стар, за сегодняшний день.

– Да мне все это было не в тягость, честное слово. Когда будете усаживать своих гостей за стол? Мясо уже готово. Но нужно, чтобы оно немного постояло. Остыло.

– Когда скажете, тогда и сядем. Все наши гости хорошо знают, что в Хай-Уилд ожидание обеда всегда затягивается.

– Тогда попрошу еще полчаса. А если у вас есть яйца, то за это время я приготовлю йоркширский пудинг для всех гостей.

– О, яйца у нас, слава богу, есть. У нас же свои куры. Гуляют себе на свободе по всему огороду. Мы тут живем практически на одних омлетах. Сейчас принесу! – Маргарет скрылась в кладовке.

– Маг, я уже проголодался!

Я отвернулась от плиты и увидела Рори, стоящего на пороге кухни.

– Привет! – поздоровалась я жестом. Потом постаралась как можно точнее воспроизвести все движения руки Орландо, которые я подсмотрела, когда он поздравлял мальчика с днем рождения. Тоже дважды хлопнула в ладоши, затем развернула руки в направлении Рори, ладонями вверх. – С днем рождения! – поздравила я, как сумела.

Мальчишка бросил на меня крайне удивленный взгляд, но потом улыбнулся и прожестикуюлировал мне в ответ:

– Спасибо!

Затем знаком указал на плиту и похлопал ладошкой по запястью, словно там были часы. После чего вопросительно повел плечами.

– Обед будет готов через полчаса.

– О'кей! – сказал Рори и подошел поближе, чтобы обозреть говяжью лопатку.

– Корова, – показала я жестами, приложив пальцы к голове, как будто у меня там выросли маленькие рога.

Рори весело рассмеялся в ответ и, в свою очередь, тоже жестами изобразил, как надо правильно расставлять пальцы. Я взяла нож и отрезала небольшой кусочек мяса, чтобы дать ему попробовать. В эту минуту в кухню снова вошла Маргарет. Рори уже положил мясо себе в рот и стал энергично жевать его.

– Хорошо! – сказал он и вскинул большой палец вверх.

– Спасибо! – ответила я, приложив свои пальцы к подбородку, а потом оторвала руку и отвела ее в сторону, надеясь в глубине души, что язык французских жестов точно такой же, как и у англичан.

– Откуда вы так хорошо знаете язык жестов, Стар? – удивилась Маргарет.

– Когда-то в детстве меня ему обучали. Но больших успехов я не достигла. Правда, Рори?

Рори повернулся к матери и что-то быстро показал ей на пальцах. Видно, что-то смешное, потому что Маргарет весело рассмеялась.

– Рори говорит, что жестами вы изъясняетесь ужасно, но то, как вы изобразили корову, его очень впечатлило. Да и мясо в вашем приготовлении ему очень понравилось. Он так и сказал, что вы готовите гораздо лучше меня. Ах ты, маленькая обезьянка! – Маргарет ласково взъерошила волосы на голове сына.

– Мышь! – воскликнул Рори, глянув в окно. И при этом весь подался вперед, словно зверек, приготовившийся к прыжку.

– Наконец-то! Пора уж явиться! Стар, не возражаете, если я снова оставлю вас? Надо же занять гостей в ожидании обеда. – Она выложила яйца для йоркширского пудинга на стол.

– Конечно, ступайте к своим гостям, – согласилась я, наблюдая за тем, как Рори вцепился в руку матери и почти силой потащил ее вон из кухни.

– Постараюсь скоро вернуться, чтобы помочь вам с сервировкой, – бросила мне Маргарет через плечо.

– Да я и сама отлично управлюсь, не волнуйтесь, – ответила я, направляясь в кладовку на поиски муки.

В следующие полчаса я опробовала все те трюки, которым меня обучали недавно на кулинарных курсах. Во всяком случае, к тому времени, как Маргарет снова возникла на кухне, у меня уже все было готово. Я даже самостоятельно отыска-

ла в массивном буфете для посуды сервировочные блюда и всю остальную посуду. Маргарет лишь глаза вытаращила от изумления, когда я с ходу вручила ей уже наполненные блюда, чтобы отнести их в столовую.

– Господи, какая же я безмозглая! – принялась сокрушаться она. – Совсем забыла о посуде! Вы просто ангел, Стар. Сами все нашли.

– Никаких проблем. Мне очень понравилось хозяйничать у вас, правда.

И я действительно не покривила душой. Ведь мне так редко выпадает возможность заняться стряпней для кого-нибудь еще, помимо Сиси. А потому сегодняшние хлопоты меня очень вдохновили. Я даже подумала, а не подать ли мне объявление в какую-нибудь местную газету и предложить им свои услуги в качестве повара. Пока я размышляла над этой идеей, обдумывая ее со всех сторон, на кухне появился мужчина.

– Здравствуйте, меня попросили нарезать мясо. Так где же сама лопатка? – бросил он мне прямо с порога.

Я мельком глянула на вошедшего. Непокорная копна волос на голове, уже поседевших на висках, мужественные черты лица. Особенно выделяются глаза зеленого цвета, которыми он пристально скользнул по мне. Шерстяной свитер с V-образным вырезом, изрядно траченный молью, надет поверх рубашки; джинсы. Незнакомец подошел ближе и буквально навис надо мной. Несомненные черты сходства с Ор-

ландо, однако мужчина гораздо грубее. И неприветливый он какой-то. Да еще неряшливый и неухоженный. Неужели это тот самый брат, о котором когда-то упомянул в разговоре со мной Орландо?

Спохватившись, что непозволительно долго собираюсь с ответом, я быстро проговорила:

– Мясо на плите.

– Благодарю.

Я взглянула на мужчину исподтишка, когда он прошествовал мимо меня, и тут же уловила некое внутренне напряжение, в котором он явно пребывает. Это было заметно даже по тому, как он доставал разделочный нож из ящика стола. Он принялся молча кромсать говяжью лопатку. Нет, определенно, он и в малой степени не обладает той доброжелательностью, которая присуща его родственникам, если он только приходится им родней. Я тоже молча слонялась по кухне, чувствуя себя крайне неловко, будто бы без спросу вторглась на чужую территорию. А не отправиться ли мне в столовую самостоятельно, мелькнуло у меня, но тут вовремя появилась Маргарет.

– У тебя готово, Мышь? – поинтересовалась она у мужчины. – Если не поторопишься, то гости начнут грызть тарелки.

– Такие вещи не делаются быстро, – последовал ответ, выдержанный в том же холодном и недружелюбном тоне, что и реплики, ранее адресованные мне.

– Тогда, Стар, пошли со мной. Оставим Мышь в одиноче-

стве колдовать над мясом.

Из всех возможных вариантов, которые я мысленно прикидывала, ожидая знакомства с таинственной Мышью, мне и в голову никогда бы не пришло, что именно *этот неприветливый мужчина* и есть та самая пресловутая Мышь. В общем-то представительный и даже красивый мужчина, но способный за пару секунд заморозить своим холодом любую обстановку. Я проследовала вслед за Маргарет в столовую, комнату с такими же низкими потолками, как и на кухне. В камине весело полыхал огонь, было многолюдно. Гости уже сидели за столом. Хоть бы меня не усадили за стол рядом с ним, взмолилась я мысленно.

– А вот и вы наконец-то, дорогая моя! – радостно приветствовал меня Орландо, покрасневшийся явно из-за того, что успел уже не раз приложиться к вину, за которым он бежал в погреб. – Все смотрится просто великолепно!

– Спасибо.

– Проходите сюда и присаживайтесь рядом со мной. А по левую руку от вас сядет Мышь. Так что, полагаю, в течение обеда у вас будет возможность поболтать с ним о Флоре Макникол. Он как раз недавно занимался исследованием ее биографии.

– Позвольте, Стар, я познакомлю вас с другими нашими гостями, – подала голос Маргарет.

Она начала по очереди знакомить меня со всеми, сидящими за столом. Гостей было не меньше полудюжины. Я бук-

важно на автомате повторяла каждому из них «здравствуй-те», стараясь по мере сил усвоить не только имена, но и то, каким образом эти люди связаны с именинником.

– А Мышь приходится вам родственником? – поинтересовалась я у Орландо вполголоса.

– Разумеется, моя дорогая девочка, он мой родственник, – весело фыркнул тот в ответ. – Он мой старший брат, если уж говорить конкретно. Разве я вам этого не говорил? Мне казалось, что я упомянул однажды о нашем родстве.

– Нет, вы ничего мне не говорили.

– Разве? Тогда говорю сейчас, а заодно добавлю вот еще что. Мой старший братец забрал у родителей все лучшее, чем они обладали... Их красоту, их ум, оставив мне одни лишь ошметки. Воистину, я являю собой самого маленького и самого слабенького поросенка из помета. Ну и пусть! Эта роль меня вполне устраивает.

Да, но одновременно ты являешь собой образчик добросердечного и открытого людям человека. А вот твой братец и близко не обладает ничем подобным...

Мышь обогнул стол и уселся на стул рядом со мной. И Орландо тут же вскочил.

– Господа! Леди и джентльмены! Позвольте мне от имени всех присутствующих произнести тост за здоровье господина Рори по случаю его семилетия. За ваше здоровье и за ваше процветание, молодой человек! – Орландо, глядя на Рори, жестами подкрепил сказанные им слова. Потом он поднял

свой бокал. Остальные гости тоже последовали его примеру. Я взглянула на именинника и увидела, что тот буквально светится от счастья. Потом все гости вскинули руки в воздух и стали громко аплодировать виновнику торжества. За столом зазвучали здравицы. Я тоже подняла свой бокал.

– С днем рождения тебя, – пробормотал сидящий рядом со мной Мышь, но не сделал ни малейшей попытки, чтобы изобразить свои слова жестами.

– А теперь, прошу вас, – обратилась Маргарет к собравшимся, – угощайтесь. Пожалуйста, закусывайте.

Я оказалась зажатой с двух сторон родными братьями, один из которых, как обычно, с жадностью набросился на еду, в то время как второй едва притронулся к пище, судя по всему, совершенно не интересуясь угощениями. Я обвела взглядом гостей. Лица у многих покраснелись от выпитого вина, все улыбались, шутили. Внезапно я почувствовала, как же мне хорошо в этой компании и за этим столом. И одновременно внутренне поразилась тому, как далеко я продвинулась за последние месяцы, минувшие после смерти Па Солта. Разве уже не чудо одно то, что я сижу за обеденным столом, в окружении совершенно незнакомых мне людей, и мне хорошо в их компании?

Топай, малышка Стар... Топай своими ножками...

И я тут же перенеслась мыслями в прошлое, к тем семейным обедам по выходным, которые устраивались в Атлантике, когда был жив Па Солт, а мы, все сестры, были еще

детьми и жили дома. Странно, но сейчас, оглядываясь назад, я не могу вспомнить, чтобы на этих обедах когда-нибудь присутствовал кто-то из посторонних. С другой стороны, нас с сестрами было шесть, да еще Ма и Па Солт, то есть за стол усаживалось восемь человек. Целая компания. Достаточно для того, чтобы создать атмосферу настоящего домашнего уюта и дать возможность всем выговориться, поговорить обо всем на свете. Сегодня мне страшно не хватает именно этого – чувствовать себя частью большой и дружной семьи.

Но тут до меня дошло, что Ледышка, как я мысленно окрестила брата Орландо, обращается ко мне:

– Орландо сказал мне, что вы у него работаете.

– Да, работаю.

– Не уверен, что вас хватит надолго. Обычно все, кто работал у него до вас, быстро уходили.

– Не сгущай краски, старина, – посоветовал ему Орландо дружелюбным тоном. – Мы со Стар сработались очень неплохо. Правда ведь, Стар? – обратился он ко мне.

– Правда, – подтвердила я более громким и уверенным голосом, чем обычно. Мне вдруг захотелось защитить от несправедливых нападков своего немного чудаковатого, но очень милого работодателя.

– Что ж, Орландо нужен человек рядом, который смог бы приводить его в чувства, когда это надо. Магазин уже много лет приносит лишь одни убытки, но он и слушать ничего не желает. Тебе, Орландо, не хуже меня известно, что скоро

твой магазин уйдет с молотка. К счастью, он находится на одной из самых дорогих улиц Лондона. Так что мы сможем сорвать неплохой куш на рынке недвижимости.

– Послушай, брат, давай отложим этот разговор до следующего раза. Я всегда придерживаюсь того мнения, что обсуждение деловых вопросов за столом дурно сказывается на пищеварении, – недовольно заметил Орландо.

– Вот видите? Говорю же вам, этот человек всегда найдет отговорку, чтобы уйти от обсуждения неприятных проблем.

Последние слова Мышь произнес вполголоса. Я повернулась, чтобы взглянуть на него, и увидела, что взгляд его зеленых глаз устремлен прямо на меня.

– Быть может, хотя бы вам удастся образумить его. В конце концов, весь его книжный бизнес можно было бы перевести исключительно в режим интернет-продаж. Содержание книжного магазина сегодня обходится в поистине астрономические суммы, а отдача, как мы с вами оба знаем, крайне невелика. Полученные суммы от продаж и в малой степени не покрывают все издержки.

Его взгляд буквально гипнотизировал. Я с трудом отвела глаза в сторону.

– Боюсь, я плохо разбираюсь в бизнесе, – наконец выдавила я.

– Простите меня. Понимаю, не вполне корректно вести подобные разговоры с подчиненными.

Да, и особенно с учетом того, что начальник этого под-

чиненного сидит рядом и все слышит, подумала я с некоторым раздражением. Покровительственный и даже откровенно уничижительный тон общения этого человека уже стал действовать мне на нервы, а его холодноватые извинения явно запоздали и едва ли могли бы стать ему оправданием.

– Так все же, какова связь между вами и Флорой Макни-кол, мисс?..

– Делеси, – тут же подсказал брату Орландо. – Между прочим, тебе будет любопытно узнать, что ее зовут Астеропа, – добавил он, глянув на брата, насупившись, словно сын, которого только что спугнули.

– Астеропа? – удивленно вскинул брови Мышь. – Это что, в честь одной из семи сестер созвездия Плеяд?

– Да, – бросила я отрывистым тоном.

– Но все зовут ее просто Стар. Звезда. Кстати, это имя ей удивительно подходит. Ты не находишь? – бросился мне на помощь Орландо.

Вряд ли Мышь разделяет его точку зрения, подумала я про себя. Он снова недовольно нахмурился, словно уже одно мое присутствие представляло для него какую-то неразрешимую загадку.

– Брат сказал мне, что ваш отец недавно ушел из жизни, да? – спросил он после некоторого молчания.

– Да. – Я аккуратно сложила вместе нож и вилку, словно давая понять своему соседу, что пора заканчивать с этим неуместным допросом.

– Но он ведь был вам не родным отцом? – задал он утвердительным тоном свой следующий вопрос.

– Все верно.

– Однако обращался он с вами как с родной дочерью, не так ли?

– Да. Он был бесконечно добр со всеми нами.

– Тогда, наверное, вы согласитесь со мной, если я скажу, что далеко не всегда именно кровные узы определяют степень близости отцов и детей?

– Не мне судить. Я ведь никогда не знала своих настоящих родителей.

– Вы правы. Судить в таком случае действительно трудно.

Мышь снова погрузился в затяжное молчание. Я же закрыла глаза, вдруг почувствовав, что вот-вот заплачу. С чего бы это? Этот человек не знал моего отца, но бестактно лезет с расспросами о нем, и при этом в голосе нет ни грана теплоты или участия. Вдруг кто-то сильно сжал мою руку. Но стоило мне открыть глаза, как Орландо тотчас же отдернул свою руку, метнув на меня сочувственный взгляд.

– Орландо наверняка говорил вам, – продолжил Мышь прежним бесстрастным тоном, – что я занимаюсь сейчас тем, что изучаю историю своей семьи. Как все семейные истории, она весьма запутанная... Много всякого намешано... Но в любом случае я твердо вознамерился распутать этот клубок до конца. Кстати, в ходе своих поисков я вышел и на Флору Макни-кол, – добавил он пренебрежительным тоном, произ-

нося фамилию Флоры.

– А кто она такая? – спросила я.

– Сестра нашей прабабки Аурелии, – снова поспешил мне на помощь Орландо. И снова после его короткой реплики не последовало никакой реакции от моего соседа справа. Тяжелое унылое молчание, а потом вдруг неожиданный вздох.

– И не только сестра, – наконец заговорил Мышь. – И ты, Орландо, знаешь об этом не хуже меня. Словом, это длинная история. Отложим ее на другой раз. Сейчас не время и не место.

– Прошу простить меня, мисс Стар, но я вынужден покинуть вас, – неожиданно объявил мне Орландо, поднимаясь со своего места. – Я откомандирован на кухню. Пойду помогать Маргарет мыть посуду.

– Я тоже помогу, – с готовностью вызвалась я, поднимаясь со стула.

– Ни в коем случае! – Орландо силой усадил меня на место. – Вы приготовили нам такой роскошный обед. А потому ни при каких условиях я не допущу, чтобы вы снова очутились на кухне. Вы же не прислуга, в конце концов!

Орландо удалился, а я подумала, что лучше уж драить туалеты в этом огромном доме, чем наслаждаться обществом человека по имени Мышь. В моем воображении его образ уже давно слился с большой крысой, обитающей на какой-нибудь помойке.

– Есть ли у вас какие-нибудь предположения относитель-

но того, что могло связывать вашего отца и Флору Макникол?

Помойная крыса снова обрела голос. Я ответила, стараясь изо всех сил быть вежливой:

– Нет. Никаких предположений на сей счет у меня нет. Отец оставил мне и моим сестрам некоторые подсказки на тот случай, если мы захотим покопаться в наших родословных. То есть его интересовало, в первую очередь, *все то, что касается нас*, а вовсе не его собственное прошлое. А потому, если какая-то связь с Флорой Макникол существует, то это связь между мной и ею, и только.

– Ага! Значит, вы полагаете, что вы вроде того кукушонка, которого подкинули в родовое гнездо под названием Хай-Уилд, так? Позвольте вам заметить, что история семейства Воган-Форбс насчитывает крайне небольшое количество незаконнорожденных отпрысков.

Он рывком схватил свой бокал с вином и залпом осушил его. Интересно, подумала я, что могло так обозлить его в этой жизни? Я не ответила на его оскорбительный выпад, решив, что не предоставляю ему удовольствия увидеть, как я расстроилась. Слава богу, я тоже умею молчать и хорошо владею этой техникой: отвечать молчанием на молчание. А потому я молча сложила руки на коленях, твердо зная наперед: эту битву ему у меня не выиграть. Никогда! В итоге так и получилось. Он заговорил первым:

– Полагаю, мне придется вторично просить у вас проще-

ния за столь короткий период нашего знакомства. Конечно же, я и сам вижу, что вы не дешевая искательница приключений. Просто следуете по тому курсу, который составил вам отец. Орландо рассказывал мне, что он оставил вам не только координаты вашего предполагаемого места рождения, но и кое-что еще. Это так?

Но я не успела ответить. Потому что в эту минуту в столовой появился Орландо с огромным шоколадным тортом в руках, на котором горели семь свечей. Присутствующие снова взорвались поздравлениями. «С днем рождения!» – слышалось со всех сторон. Затем Маргарет и Орландо сфотографировались на фоне торта, широко улыбаясь и обнимая за плечи именинника. Я искоса посмотрела на помойную крысу, на лице которого застыла привычная маска, этакая смесь уныния и недовольства. А потом перехватила его взгляд, который он устремил на Рори, и неожиданно для себя прочитала в его глазах глубокую печаль.

А потом все мы дружно набросились на немного помятый шоколадный торт, который, как оказалось, Орландо вез из самого Лондона в той своей громоздкой корзине для пикника. После чего гости перешли в гостиную на чашечку кофе. Обозрев комнату в доме своей мечты, я опять же мысленно восхитилась при виде двух огромных книжных полок по обе стороны камина таких же внушительных размеров. Но вот Орландо снова поднялся со своего места.

– Нам пора в путь, мисс Стар. Иначе не успеем на пятича-

совой поезд. Маргарет! – Он подошел к кухне и расцеловал ее в обе щеки. – Все было превосходно, как всегда. Можно мне заказать такси прямо сюда?

– Я отвезу вас, – раздался голос из соседнего кресла.

– Спасибо тебе, старина, – поблагодарил Орlando брата.

Маргарет тоже поднялась с кресла, и в тот момент, когда она обратилась ко мне, я заметила в ее глазах усталость.

– Стар, прошу вас, обещайте мне, пожалуйста, что вы снова навестите нас... и как можно скорее. И тогда уж позвольте мне *приготовить для вас* обед.

– С удовольствием приеду, – пообещала я совершенно искренне. – Большое спасибо за радушный прием.

Тут же рядом с нами возник Рори. Он стал возбужденно открывать и закрывать свои ладони, и я поняла, что так с помощью жестов он произносит мое имя.

– Приезжайте поскорее, – проговорил он едва слышно своим несколько необычным голосом и обхватил меня ручонками за талию.

– До свидания, Рори, – попрощалась я с ним, когда он наконец разжал кольцо своих рук, и в этот момент перехватила взгляд помойной крысы, которым он пристально разглядывал нас обоих.

– Спасибо тебе, Орlando, за необыкновенно вкусный торт, – услышала я голос Маргарет у себя за спиной. – Во всяком случае, только ради того, чтобы доставить его в целости и сохранности, и стоило тащить с собой эту нелепую

корзину.

После чего мы с Орландо послушно проследовали вслед за крысой во двор и направились к его «Лендроверу», такому же старому и побитому, как и «Фиат» его кухни.

– Садитесь на переднее сиденье, мисс Стар, – предложил мне Орландо, запихивая свою поклажу на заднее сиденье и устраиваясь рядом с ней. – У вас есть о чем поговорить с Мышью по дороге. – Лично на меня всегда нападает скука от таких разговоров. Особенно когда вдруг выясняется, что человек знает об интересующем тебя субъекте все, что тебе надо узнать.

– Между тем этот парень меня совсем не знает, – раздраженно процедила помойная крыса себе под нос, садясь на водительское место и включая двигатель. – Хотя самонадеянно считает, что изучил меня досконально.

Я никак не отреагировала на эту реплику Мыши. Еще не хватало мне втягиваться в те баталии, которые ведут между собой братья. Мы отъехали от Хай-Уилд молча. Гнетущая тишина витала в салоне автомобиля всю дорогу до вокзала. Я пыталась отвлечь себя от невеселых мыслей, разглядывая мелькающие за окном пейзажи. Неяркое осеннее солнце уже клонилось к закату, купаясь в кронах деревьев и обливая их своим янтарным светом. Совсем скоро уже сгустятся сумерки. Как же мне не хочется возвращаться в Лондон, подумала я вдруг с сожалением.

– Премного тебе благодарен, Мышь, – сказал Орландо, ко-

гда мы снова очутились на привокзальной площади и вылезли из машины.

– У вас есть мобильник? – угрюмо поинтересовался у меня Мышь.

– Да.

– Тогда вбейте свой номер в память моего телефона.

Кажется, он тут же заметил мою нерешительность.

– Третий раз за сегодняшний день приношу вам свои извинения, но ваш номер нужен мне исключительно для того, чтобы я смог перезвонить вам и сообщить кое-какую полезную информацию о Флоре Макникол.

– Большое спасибо! – обрадовалась я и тут же с готовностью вписала свой номер в контакты его телефона. А он умеет быть церемонным, если захочет, подумала я, хотя в глубине души не сомневалась, что Мышь никогда не перезвонит мне. – И до свидания, – попрощалась я, возвращая ему его телефон.

Усевшись в поезд, Орландо моментально заснул и безмятежно проспал всю дорогу до Лондона. Я тоже закрыла глаза, мысленно прокручивая в памяти все события минувшего дня. Какие у Орландо все же необычные родственники. Но такие интересные.

А Хай-Уилд чего стоит!

Наконец-то, уже в который раз, мелькнуло у меня, я нашла дом своей мечты, в котором смогла бы счастливо прожить до самой смерти.

– А вы произвели настоящий фурор в нашем грешном семействе, – объявил мне Орландо прямо с порога, когда на следующее утро явился на работу.

– Но только это не распространяется на вашего брата, я думаю.

– Что же... до моего братца! Не обращайтесь на Мышь внимания. Он всегда настроен в высшей степени подозрительно по отношению ко всем людям. Особенно к тем, у которых не может обнаружить никаких изъянов. Никто и никогда не знает, какой реакции от него ждать в том или в ином случае. Приходится принимать все как данность, – ответил мне Орландо неожиданно миролюбивым тоном. – А что же касается восхитительного обеда, который вы нам приготовили, то я тут вот что подумал. А не завязать ли мне со всеми этими банками и судками? И попросить вас впредь кормить нас обоим своими вкуснейшими блюдами. Как считаете? Правда, я сильно сомневаюсь, что те кухонные возможности, которые есть у нас на втором этаже, вполне соответствуют вашему высокому уровню профессионального мастерства. – Орландо бросил на меня задумчивый взгляд. – Какие еще скрытые таланты у вас имеются, мисс Стар, хотел бы я знать?

– Никаких, – покраснела я от смущения. Я всегда краснею, когда меня начинают хвалить посторонние.

– Вы очень разносторонний человек, мисс Стар, очень...

Интересно, где вы научились языку жестов?

– Моя няня обучала меня этому языку, правда, на базе французского, когда я была еще совсем маленькой девочкой. А потом мы с сестрой придумали еще и собственные жесты, создали, так сказать, свой язык общения, понятный только нам двоим. Наверное, так случилось еще и потому, что я всегда была молчуньей. Не люблю много говорить.

– И это тоже, несомненно, *еще одно* ваше достоинство. Если человеку нечего сказать, то, по-моему, всегда лучше промолчать. Кстати, именно поэтому я так люблю беседовать с Рори. Он очень наблюдательный ребенок, все видит, все замечает в окружающем его мире. И речь его становится лучше день ото дня.

– Маргарет сказала, что вы необыкновенно внимательны к нему.

Теперь уже пришел черед краснеть Орландо.

– Очень мило с ее стороны, но я на самом деле сильно привязан к своему племяннику. Он у нас такой яркий, неординарный мальчик, и в школе успевает отлично. Конечно, должен сказать, что, к превеликому сожалению, отцовской руки явно не хватает. Даже не столько руки, сколько мужского влияния... При всем своем желании я не осмелился бы претендовать на эту роль, хотя стараюсь изо всех сил и делаю для него все возможное.

Мне очень хотелось спросить у Орландо, кто отец Рори и

куда он подевался, но я посчитала бестактным задавать подобные вопросы.

– Итак, я иду к себе. Хотя, как мне кажется, я хотел вам сказать что-то еще. Только вот что? Что ж, скажу потом, когда вспомню.

Мысли Орландо снова улетели прочь в неизвестном направлении. Впрочем, сегодня он и так, вопреки обыкновению, задержался на одном предмете разговора дольше обычного. Я тоже занялась своими рутинными делами: растопила камин, сварила кофе, который все равно никто не придет пить, затем взяла перьевую метелку и прошлась ею по книжным полкам, сметая с них пыль. Попутно вспомнила слова помойной крысы о том, сколько в наши дни обходится содержание книжного магазина. И о том, какую сумму они могут выручить, если решат продать здание магазина. Мне даже трудно было вообразить себе, что такое может случиться. Когда Орландо по какой-то причине отлучался куда-то из магазина, то все здесь моментально напоминало мне гнездо, оставленное птицей-наседкой. Его связь с этим пространством была столь естественной, что невозможно было даже в мыслях отделить Орландо от его любимого детища.

На дворе было сыро и холодно. Вряд ли в такую погоду к нам забредут даже наши постоянные посетители. Я сняла с полки томик с романом Вирджинии Вулф «Орландо» и устроилась возле камина с намерением перечитать давно прочитанную книгу. Но, к своему удивлению, обнаружила,

что никак не могу сконцентрироваться на словах. Мысли мои снова вернулись к событиям вчерашнего дня. Я попыталась даже начать распутывать клубок сложных взаимоотношений, царящих в этой семье. Но, прежде всего, из памяти не выходил облик самого дома. Снова и снова перед моим мысленным взором являлись картинки спокойной, безмятежной красоты, которой наполнился Хай-Уилд.

Как я и предполагала, помойная крыса не удостоила меня своими посланиями или тем более звонками. Постепенно я взяла себя в руки, мысленно приказав перестать грезить о доме под названием Хай-Уилд. Лучше сконцентрирую свои усилия, думала я, на том, как и каким образом я смогу в один прекрасный день обзавестись своим собственным домом, который ни в чем не будет уступать дому моей мечты.

Между тем дни становились все короче, а по утрам, когда я шла на работу, меня уже встречал на улице сильный мороз. Наши постоянные читатели и вовсе перестали баловать нас своими посещениями. Зато у меня появился новый стимул. Если выпадала свободная минутка, когда не было никаких дел, я садилась поближе к огню и писала заметки, относящи-

еся к моему будущему роману, к работе над которым собиралась приступить уже в самом ближайшем будущем. Подспорьем служили напутственные слова Па Солта, они помогли мне преодолеть неверие в собственные силы и способности. В один из таких дней я настолько погрузилась в свои замыслы, что даже не услышала, как Орlando спустился вниз и вошел в торговый зал. И лишь когда он довольно громко откашлялся, я подняла глаза и увидела, что его фигура буквально нависла надо мной.

– Простите, – извинилась я, резко захлопывая свою записную книжку.

– Ничего-ничего, мисс Стар, – тут же поспешил успокоить меня Орlando. – Вот пришел узнать, есть ли у вас какие-нибудь определенные планы на ближайшие выходные.

Я с трудом удержалась от улыбки, услышав по-старомодному куртуазную речь своего работодателя.

– Нет, никаких конкретных планов у меня пока нет.

– Тогда... могу ли я предложить вам кое-что?

– Пожалуйста.

– Дело в том, что Маргарет получила большой заказ во Франции. Ей нужно слетать туда на пару дней, чтобы утрясти все условия будущего контракта. Одним словом, надо увидеть все своими глазами и оценить весь объем работ непосредственно на месте.

– Да, она говорила мне о возможности получения такого заказа.

– Так вот, Маргарет обратилась ко мне с просьбой. Не могли бы мы вместе с вами отправиться в Хай-Уилд на эти выходные и присмотреть там за Рори, пока Маргарет будет отсутствовать. Она сказала, что с радостью заплатит вам...

– Мне не нужна никакая оплата, – возразила я довольно резко, почувствовав себя немного уязвленной. Оказывается, в глазах Маргарет я всего лишь прислуга.

– Конечно-конечно, – поторопился загладить возникшую неловкость Орландо. – Мне вообще не с этого надо было начинать. Маргарет сказала, что вы очень понравились Рори. Возможно, вам удастся подарить ему то материнское тепло и ласку, которые едва ли смогу дать я, пока Маргарет будет отсутствовать.

– Буду счастлива помочь ей, чем сумею, – ответила я, немедленно воспарив духом от одной только мысли о том, что смогу снова вернуться в Хай-Уилд.

– Так вы согласны? Боже, вы сделали меня счастливейшим человеком на свете. Дело в том, что я еще никогда не занимался ребенком один. Понятия не имею, когда его нужно купать... Да и все остальное тоже. Так я могу сообщить Маргарет, что вы согласились?

– Можете.

– Тогда все решено. Уезжаем завтра вечером шестичасовым поездом. Я закажу нам билеты в вагоне первого класса и сразу же зарезервирую места. В наши дни по пятницам на дорогах, в том числе и на железных, творится самый насто-

ящий кошмар. А сейчас бегу в ресторан за нашим порционным обедом. По-моему, я и так уже опоздал. Вернусь, мы пообедаем, а оставшуюся часть дня посвятим усовершенствованию вашего языка жестов.

Как только за Орландо захлопнулась дверь, я вышла на середину торгового зала и обхватила себя руками, пребывая на седьмом небе от счастья. Все складывается как нельзя лучше.

Я и подумать не могла о таком везении. Все выходные, целых две ночи, я проведу в доме своей мечты.

– Благодарю тебя! – воскликнула я, взведя глаза к потолку. – Благодарю!

Поезд, следующий до Ашфорда, был набит пассажирами под завязку. Люди стояли даже в нашем вагоне первого класса. Слава богу, на сей раз Орландо не приволок свою огромную корзину для пикника, ограничившись довольно потертым кожаным чемоданом и холщовым мешком, судя по всему, с провизией. Оттуда он немедленно извлек полбутылки шампанского и два узких высоких бокала.

– Я всегда праздную окончание рабочей недели подобным

образом. Ваше здоровье, мисс Стар! – провозгласил Орландо, едва состав отошел от платформы вокзала Чаринг-Кросс.

Осушив бокал с шампанским, Орландо тут же скрестил руки на груди и погрузился в глубокий сон. Внезапно мой телефон издал сигнал, оповещая меня о том, что пришла эсэм-эска. Наверное, Сиси, подумала я. Сестра была крайне недовольна тем, что я снова отправляюсь на все выходные в Кент вместе со своим хозяином.

Однако на дисплее высветился незнакомый номер.

Наслышан, что вы приезжаете вместе с моим братом в Хай-Уилд. Надеюсь, у нас будет время, чтобы встретиться и поговорить о Флоре Макникол. Э.

Какое-то время я пыталась угадать, что за имя скрывается за этой буквой «Э». Забавно! Имена обоих братьев начинаются с гласной.

Где-то через час с небольшим мы снова вступили на уже знакомую привокзальную площадь в Ашфорде. Орландо тут же бросился к такси, и вскоре мы покатали в кромешной тьме по сельским дорогам в направлении Хай-Уилд.

– Ландо! Стаах! – приветствовал нас радостным возгласом Рори, поджидавший на пороге.

И тут же повис на Орландо, словно маленькая обезьянка, крепко обхватив его за шею, пока тот рассчитывался с водителем. Я взглянула в сторону дома и увидела на пороге еще одну знакомую фигуру, нетерпеливо поигрывающую ключами от машины.

– Все! Наконец-то могу ехать к себе, – объявил вслух Мышь, пока мы с Орландо, подхватив свою поклажу, неровной походкой направлялись к нему. – Я покормил его тем, что оставила Маргарет. Ел он плохо. Думаю, он очень рад, что вы приехали. Если вам что-то понадобится, ты знаешь, где меня искать. – Последние слова были адресованы исключительно Орландо. Обращаясь же ко мне, он сказал следующее: – Сейчас у вас есть номер моего телефона. Позвоните, когда вам будет удобно.

– Господи, я уже чувствую себя так, будто мы с вами самые настоящие родители, – прошептал мне Орландо, направляясь в дом. Он тащил на себе Рори, а в руке нес чемодан. Я плелась сзади со своим рюкзачком с вещами и сеткой с провизией, которую прихватил из Лондона Орландо.

– Любишь блины? – поинтересовалась я жестами у Рори. Тот озадаченно посмотрел на меня, видно, не уловив смысла моего послания. Тогда я стала на пальцах тщательно проговаривать каждую букву.

Рори энергично закивал головой в знак согласия.

– С шоколадом и мороженым? – спросил он у меня в свою очередь, тоже знаками. Потом высвободился из рук Орландо и взял меня за руку.

– Поищем, что есть в закромах, – пообещала я и обратилась к Орландо через голову мальчика: – А вы пока распакуйте свои вещи. – Весьма своевременный совет, особенно если учесть, насколько педантичен Орландо в том, что каса-

ется организации собственного быта.

– Пожалуй, я так и сделаю. Благодарю вас, – поблагодарил он меня.

Шоколадного соуса я нигде не нашла. Зато отыскала в кладовке несколько батончиков «Марс», раскрошила их и растопила в кастрюльке, чтобы потом смазать сверху блины жидким шоколадом вместе с мороженым. Рори уминал блины за обе щеки, а я в это время пыталась донести до него всеми возможными способами очевидное: мой язык жестов намного хуже его, и он должен будет помочь мне отточить мои навыки общения с помощью рук. Я вытерла салфеткой следы шоколада с его губ, и мальчик сладко зевнул.

– Спать? – жестом спросила я.

Он слегка нахмурился и помедлил с ответом.

– Пойдем поищем Орландо, – предложила я ему. – Уверена, лучше его никто не расскажет тебе историю на сон грядущий.

– Да, – согласился со мной Рори.

– И покажи мне, пожалуйста, где твоя спальня.

Рори повел меня по парадной лестнице на второй этаж. Там мы пошли по длинному коридору с разохшимися половицами, которые отчаянно скрипели под нашими ногами. Наконец мальчик остановился возле самой последней двери.

– Моя комната.

Он распахнул дверь, и я вошла в комнату. Первое, что бросилось в глаза, это обилие футбольных постеров. А еще

яркое разноцветное одеяло с изображением Супермена и обилие рисунков, беспорядочно развешанных по стенам и закрепленных с помощью изоленты.

– Кто все это рисовал? – поинтересовалась я у Рори, пока тот укладывался в кровати.

– Я, – ответил он, вскинув большой палец.

– Вот это да! Ты настоящий молодец, Рори! – искренне восхитилась я и прошлась по комнате, разглядывая рисунки.

В дверь негромко постучали. Следом в комнату вошел Орlando.

– Вы как раз вовремя! – улыбнулась я ему. – Рори хочет, чтобы вы ему почитали его самую любимую сказку.

– С превеликим удовольствием. Какую книгу берем?

Рори жестом указал на книгу Льюиса «Лев, колдунья и волшебный шкаф» из серии «Хроники Нарнии».

– Как? Опять? Может, перейдем к другим книгам этой серии? Я же тебе столько раз говорил, что «Последняя битва» – это, пожалуй, моя самая любимая книга.

Не желая мешать им и нарушать устоявшийся вечерний ритуал, я тихонько направилась к дверям, но когда проходила мимо кровати, Рори тут же распростер свои ручки, желая обнять меня. Я тоже крепко обняла мальчика.

– Спокойной ночи, Стаах.

– Спокойной ночи, Рори, – улыбнулась я в ответ и, взмахнув рукой на прощание, вышла из комнаты.

Итак, Орlando и Рори благополучно заняты вечерней

сказкой. Самое время немного осмотреться. Я спустилась вниз и в полумраке добрела до гостиной. Там я немного задержалась, разглядывая многочисленные фотографии в рамках, расставленные на приставных столиках вдоль всех стен комнаты. Большинство фотографий были старыми черно-белыми снимками, запечатлевшими неизвестных мне людей в вечерних нарядах. Я невольно улыбнулась, увидев одну цветную фотографию: Рори, гордо восседающий на пони, а рядом с ним Маргарет.

Потом я двинулась по коридору вглубь дома и вскоре обнаружила комнату, скорее всего, служившую кабинетом. Огромный письменный стол, явно старинный, заваленный бумагами, стопки книг на полу; пепельница, полная окурков, и пустой бокал из-под вина весьма ненадежно примостились на широком подлокотнике старого кожаного дивана, угрожая рухнуть на пол в любую минуту. Множество эстампов на стенах. Выцветшие от времени обои, местами и вовсе порванные, красноречиво свидетельствовали, что ремонт в этом помещении осуществлялся очень давно, если вообще его когда-либо делали. Над камином портрет красивой белокурой женщины в нарядном платье по моде Эдвардианской эпохи. Я переступила через урну, набитую до отказа бумагами, чтобы подойти поближе и получше разглядеть изображенную на портрете даму, но в этот момент услышала звук шагов по лестнице и тотчас же ретировалась на кухню. Мне не хотелось, чтобы Орландо узнал, что я брожу по чужому

дому без разрешения.

– Итак, один родственник, слава богу, обихожен и благополучно заснул. Самое время... – Орlando выставил на стол бутылку красного вина и полдюжины яиц, – заняться вторым родственником. Не будете ли вы столь любезны, чтобы приготовить омлет для нас двоих?

– С удовольствием, – ответила я, уже вполне освоившись на чужой кухне и ориентируясь на ней как у себя дома.

И действительно, не прошло и пятнадцати минут, как мы с Орlando уже восседали за столом, наслаждаясь вечерней трапезой в самой непринужденной обстановке. *Прямо как старая супружеская пара*, усмехнулась я про себя. Точнее, как брат с сестрой. Последняя аналогия все же показалась мне более уместной.

– Завтра мы с Рори собираемся устроить для вас экскурсию по поместью. Зная ваше трепетное отношение к ботанике, могу себе представить, в какой ужас вы придете, увидев, в каком скверном состоянии находятся здешние сады. Все крайне запущено, но в этой заброшенности есть тоже свое очарование, как мне кажется. Останки былого величия... Ну, и тому подобное. – Орlando тяжело вздохнул. – А причина банальна и лежит буквально на поверхности. Весь корень зла, если позволительно использовать подобную метафору, кроется в нехватке средств. Только и всего...

– Думаю, дом прекрасен даже в таком состоянии.

– Это вам так только кажется, моя дорогая девочка. Пото-

му что вы не живете здесь постоянно. И тем более не платите за его содержание. К примеру, доложу я вам, банкетный зал в этом доме, где когда-то собирались самые рафинированные сливки общества, уже давным-давно закрыт для посетителей, даже для простого осмотра. Опять же нет денег на его реставрацию. Уверен, проведя две ночи на старом сбитом матрасе из конского волоса, без горячей воды, не имея возможности привести себя утром в порядок, замерзая от холода, потому что в доме нет современной отопительной системы, – словом, после всех этих неудобств, уверен, вы измените свое мнение о Хай-Уилд. Да, с точки зрения эстетики дом красив, согласен. Но жить в этой развалюхе – это просто беда. Особенно в зимнее время.

– А я бы не имела ничего против. Я вообще привычна ко всяким неудобствам.

– О, возможно, ваш опыт опирается на пребывание в теплых странах. У нас же здесь, уверяю вас, все по-другому. Правда в том, что в послевоенные годы для семейства Воганов, впрочем, как и для многих других семей Великобритании, наступили тяжелые времена. Иногда я думаю, какая ирония судьбы! Наш маленький Рори в один прекрасный день станет лордом. А за душой у него только этот обветшалый и пришедший в полнейший упадок особняк.

– Рори – лорд? А я и понятия не имела, что он титулованная особа. И от кого же он унаследовал свой титул? От отца?

– Да, – коротко бросил мне в ответ Орландо и тут же пере-

менил тему разговора: – А сейчас пойдёмте, поищем в кладовке что-нибудь вкусненькое на десерт. Как думаете, нам повезет?

На следующее утро я проснулась в комнате, подобные которой раньше видела только в телевизионных фильмах на исторические темы. Высокая железная кровать всю ночь приходила в движение и начинала колыхаться при каждом моем повороте. При этом всякий раз латунные шишки, венчающие четыре ножки, начинали звенеть, словно рождественские колокола в полночь. А все потому, что весь каркас кровати был расшатан донельзя. Матрас представлял собой, как и предупреждал Орlando, сплошной ком. Обои на стенах местами отклеились, а шторы, болтавшиеся на окнах, порваны и усеяны заплатками. Я осторожно поднялась с постели. Но даже своими длинными ногами я с превеликим трудом дотянулась до пола. Кое-как я все же сползла со своего ложа и на цыпочках побрела в ванную комнату. Там я с надеждой взглянула на железную печку. Вдруг мне удастся растопить ее и хотя бы немного согреться?

Минувшей ночью на меня нахлынули необычные сновидения.

дения, что довольно странно, ибо я, как правило, сплю без всяких снов. А если мне что-то и снится по ночам, то, просыпаясь утром, я не помню всех полуночных экзерсисов своего сознания. Кстати, это сразу же напомнило мне про Сиси и ночные кошмары, которые мучают ее. Я тут же достала свой телефон, чтобы позвонить ей и сообщить, что добралась благополучно. Увы-увы! Сигнал связи отсутствовал напрочь.

Я выглянула в окно и тут же обратила внимание на то, что небольшие квадратные стекла в оконных рамах покрыты тонким слоем изморози. Но сквозь иней уже просматривались первые всполохи утреннего солнца, возвещающего наступление еще одного погожего осеннего дня. Вот такую погоду я особенно люблю. Свежо и солнечно. Я натянула на себя все одежды, которые прихватила с собой, и поспешила вниз.

В кухне меня уже поджидал сладко зевающий Орландо в пестром шелковом халате с шерстяным шарфом, замотанным вокруг шеи, и вызывающе ярких атласных шлепанцах душераздирающего цвета электрик.

– А вот и наша повариха явилась! – обрадовался он мне. – Мы тут с Рори пошарили в холодильнике и отыскивали несколько сосисок и бекон. Разумеется, яйца, как всегда, в наличии. Что, если нам начать сегодняшний день с полноценного английского завтрака? Как думаете?

– Отличная мысль! – похвалила я своего начальника.

И мы все тут же занялись делом. Рори взбивал яичную

смесь для гренок, которые я собиралась поджарить в молоке с яйцом. Попутно он сообщил мне, что еще никогда не пробовал таких гренок, зато потом, когда попробовал, нашел их «очень вкусными».

– Итак, мой юный Рори, сегодня с самого утра мы организуем для мисс Стар экскурсию по нашему поместью. Ну, или хотя бы по тем территориям, которые от него остались. Понадеемся же, что нам сверху не упадет на голову все то, что обещает стать впоследствии воскресным обедом.

– Что вы имеете в виду? – спросила я, непонимающе посмотрев на Орландо.

– Боюсь, но, как мне кажется, уже начался сезон охоты на фазанов. Наверняка Мышь доставит вам целую связку дичи, чтобы вы в очередной раз поколдовали завтра на кухне и приготовили всем нам еще один волшебный воскресный обед. – Орландо поднялся из-за стола. – А мы, мужчины, тем временем омоем охотничьи трофеи как следует. Да, составьте мне, пожалуйста, список всего того, что вам потребуется к дичи. Я в течение дня наведаюсь в местный магазинчик и куплю все необходимое. Между прочим, должен заметить, – он резко остановился на пороге, – в саду на деревьях еще полно всяких фруктов и они никому не нужны, просто падают на землю. Может, приготовите нам яблочный пирог, если это вас не затруднит?

Я отыскала в ящике стола клочок бумаги, какой-то завалящий фломастер и присела к столу, чтобы составить пере-

чень необходимых мне продуктов. Раньше мне никогда не приходилось готовить фазанов. Я порылась на кухне в поисках подходящей кулинарной книги. Ничего не нашла и тогда решила действовать по собственному усмотрению. Изобрету, так сказать, свой рецепт.

Через полчаса мы тронулись в путь по подмерзшей за ночь подъездной дороге к дому. Судя по всему, Орlando замыслил маршрут, включающий в себя самые дальние уголки поместья, а потом пообещал показать мне то, что, по его словам, составляет гордость имения Хай-Уилд – главное украшение короны.

– Во всяком случае, так было семьдесят лет тому назад, – уточнил он на всякий случай.

Рори энергично крутил педали своего велосипеда впереди нас. Когда мы подошли к воротам, Орlando крикнул, чтобы он притормозил. Впереди дорога, мало ли что? Но Рори и не подумал прислушаться.

– Господи боже мой! Он ведь меня не слышит! – взволнованно выкрикнул Орlando и бросился догонять мальчика. Сколько же опасностей подстерегает Рори в будущем, подумала я, когда он повзрослеет и уже будет невозможно контролировать каждый его шаг, как это происходит сейчас. Я тоже побежала следом за Орlando, чувствуя, как трепещет сердце в моей груди. Улыбающийся во весь рот мальчишка поджидал нас, вынырнув из-за куста и стоя на заросшей травой обочине.

– А я вас поймал! А я вас поймал! – весело крикнул он нам.

– Да, на сей раз ты нас точно перехитрил, старина! – проговорил Орландо, тяжело дыша. Какое-то время мы с ним оба пытались восстановить ровное дыхание. – Тебе нельзя ездить по проезжей части. Тут полно машин.

– Знаю. Маг меня предупреждала.

Орландо закатил велосипед Рори назад за ворота.

– Вот сейчас мы все вместе пересечем дорогу.

Так мы и сделали, Рори посредине, уцепившись за наши с Орландо руки. Любопытно, размышляла я, шагая с ними в ногу, Рори называет мать по имени. Прямо как в заправской богемной семье. Такие интеллигентские штучки. Орландо вывел нас через небольшой проем в зеленой изгороди на другую сторону дороги. Моему взору предстали бесконечные поля, окаймленные с обеих сторон все тем же зеленым кустарником. Рори тут же завертел головой в разные стороны, пытаясь обнаружить что-нибудь съедобное среди зелени. Сначала нашел несколько ягод припозднившейся черники. Ее мы собрали с ним вместе, и большая часть ягод благополучно исчезла у него во рту.

– А вот тропа для верховой езды, – указал мне Орландо на узкую тропинку, выющуюся вдоль межи, по которой мы зашагали далее. – Она одновременно служит границей для старого имения. Вы катаетесь верхом, мисс Стар?

– Нет. Я боюсь лошадей, – честно призналась я, вспомнив

свой первый и последний урок верховой езды, который нам когда-то преподали вместе с Сиси. Помнится, я тогда была так напугана, что даже не рискнула вскарабкаться на лошадь.

– Я тоже ни за что не сяду на лошадь. Вот Мышь, тот у нас великолепный наездник. Впрочем, он все делает блестяще. Мне иногда даже становится его немного жаль, представьте себе. Природа слишком щедро одарила моего брата всем, чем только можно. А это, по моему мнению, так же плохо, как и тогда, когда человек рождается вовсе безо всяких способностей и задатков. Во всем нужно соблюдать меру. Золотая середина – вот мой девиз. В противном случае жизнь может и укусить исподтишка. Знаете, у нее ведь есть такая вредная привычка – кусать тех, кому слишком многое дано.

Было слышно, как весело порхают птицы среди кустов, перепрыгивая с ветки на ветку. Впервые за последние несколько недель я с наслаждением вдыхала в себя полной грудью чистый и свежий воздух. Какой контраст с загазованной атмосферой города! Солнце позолотило кудряшки на голове Рори, облило теплым светом деревья на обочине, которые все еще пытались, вопреки приближающейся зиме, сохранить свою зеленую крону, почти не тронутую первыми заморозками.

– Посмотрите! – вдруг крикнул нам Рори, заметив красный трактор на значительном расстоянии от нас. – Мышь!

– Точно, это он, – согласился с мальчиком Орландо, приложив руку к глазам, чтобы защитить их от яркого солнеч-

ного света и получше разглядеть самого тракториста. – Рори, у тебя глаз – алмаз, прямо как у беркута.

– Поздороваемся с ним? – Рори бросил на нас вопросительный взгляд.

– Он не любит, когда его отвлекают от работы, особенно когда он на тракторе, – ответил Орландо и внимательно прислушался. Вдалеке послышались оружейные залпы. – Так и есть! Охота началась. Пожалуй, нам стоит повернуть назад. Скоро вокруг нас начнут пачками падать с неба фазаны. А у них есть еще одна весьма вредная привычка – удобрять все, что внизу, своим пометом, и при этом не важно, живые они или мертвые.

Орландо поспешно развернулся и зашагал по тропинке уже в обратном направлении, к дому.

– Ваш брат фермер? – спросила я у него, с трудом поспевая за ним.

– Я бы не стал квалифицировать его как фермера. Особенно с учетом того, что в его колчане полно и других стрел. Однако поскольку наши семейные финансы переживают сейчас далеко не самые лучшие времена, а проще говоря, пребывают в глубоком кризисе, то у него порой просто нет иного выбора. Приходится *быть* и фермером тоже.

– Он владеет этой землей?

– Если по существу, то мы оба владеем ею. В свое время, еще где-то в сороковых годах прошлого века, имение разделили между братом и сестрой. Луиза Форбс получила во вла-

дение земли по эту сторону дороги и Домашнюю ферму. Наш двоюродный дед Тедди Воган, родной дед Маргарет, унаследовал дом и все сады вокруг. Ну и, конечно, титул. Все это звучит весьма патриархально, понимаю. Прямо как во времена феодалов. Но не забывайте, мисс Стар, вы живете в Англии. У нас здесь так.

Мы снова пересекли проезжую часть дороги и вступили на подъездную дорогу, ведущую к Хай-Уилд. Интересно, какая из двух половин семейства осталась в проигрыше при таком дележе имущества, задалась я мысленно резонным вопросом. Впрочем, чтобы ответить на этот вопрос обстоятельно, требуется знать, сколько стоят сельскохозяйственные угодья в этих краях и каковы здесь расценки на недвижимость.

– Рори! – Орландо снова бросился в погоню за мальчиком, быстро рулившим к дому на велосипеде. – Сейчас мы должны показать Стар наши сады. Ты забыл?

Рори вскинул вверх большой палец в знак того, что ничего он не забыл, слегка сбросил скорость, выехал на какую-то боковую тропинку и вскоре скрылся из виду за домом.

– Господи всемилостивый! Когда же это все закончится? – жалобно воскликнул Орландо. – Я живу в постоянном страхе, что с этим драгоценным чадом в любую минуту может случиться что-то непоправимое. Причем именно тогда, когда он находится на нашем с вами попечении. Какое счастье, Стар, что вы сейчас рядом со мной. Впрочем, без вас мне бы

никто и не доверил Рори.

Последние слова Орландо немного озадачили меня. Впрочем, спрашивать «почему так» я не стала, а молча поплелась за ним по дорожке, ведущей за дом. Обогнув строение, мы оказались на широкой террасе, вымощенной каменными плитами. Я посмотрела вниз на открывшуюся мне панораму сада, и у меня перехватило дыхание. До чего же красиво!

Такое впечатление, будто я вдруг оказалась в окрестностях замка Спящей красавицы. И сейчас мне предстоит пробиваться к самому замку через лесную чащобу и пустоши, заросшие диким бурьяном. Мы спустились по ступенькам вниз. Заросшие травой садовые дорожки причудливо петляли по лабиринту запущенной живописной декоративной изгороди из кустарников. Я увидела деревянные остовы пергол, которые наверняка служили в прошлом опорой для красивейших ампельных роз. Бесконечные цветочные бордюры и клумбы все еще хранили свою первоначальную форму, но они тоже густо заросли сорной травой. Никаких следов культивированных растений вокруг. Все пришло в полнейшее запустение и упадок. Лишь почерневшая высохшая земля да пожухлая трава, устлавшая дорожки сплошным покровом.

Я остановилась, чтобы полюбоваться вековым деревом величественного тиса, который горделиво возвышался над садом, доминируя над окружающим пространством. Его сильные старые корни кое-где пробились сквозь каменные плиты и вылезли наружу. Но несмотря на общую карти-

ну запустения, было что-то романтическое в этой обстановке полной заброшенности и одичания. У меня даже мелькнула мысль, что, вполне возможно, несмотря на общую неухоженность и запущенность сада, некоторые образцы растений вопреки печальным обстоятельствам сумели сохраниться и выжить. И их еще можно спасти.

Я закрыла глаза, и перед моим мысленным взором предстал этот спасенный и возвращенный к жизни сад, утопающий в розах, кустах магнолии, зарослях ромашки. Прямые ровные линии подстриженных декоративных кустарников, среди которых особенно выделяются сплошь усыпанные соцветиями дымчато-голубого цвета кусты цеанотуса. И все вокруг: каждый уголок, каждая щепочка, каждый листок – благоухает и радует взор неистовым *кипением жизни...*

– Можете представить себе, какое великолепие царило здесь когда-то, – промолвил Орландо, словно прочитав мои мысли.

– О, да! – согласилась я с ним. Потом взглянула на заросшую дорожку, по которой умело маневрировал Рори, выкручивая свой велосипед то в одну, то в другую сторону, чтобы не зацепить ненароком ни один одичавший куст. Глядя на него, можно было подумать, что он сейчас сдает экзамен по правилам вождения в экстремальных условиях.

– Я должен показать вам еще теплицы. Когда-то мой прадед разводил и выращивал в своих оранжереях экземпляры растений со всего света. Зато сейчас... – Орландо уныло

вздыхнул и добавил уже бытовым тоном, возвращаясь в день сегодняшний: – Думаю, пора вам уже заняться обедом. Как полагаете? На ужин я заказал говяжьё вырезку, филейную часть. Здесь у них в сельском магазине продают отменную вырезку, самую лучшую из всех, что мне встречались. – Орландо сладко зевнул. – Боже! Эта прогулка совсем меня разморила. Какое счастье, что я живу в городе. У деревенских это ведь единственное развлечение – гулять по полям. Вы не находите? Невольно чувствуешь себя виноватым, если не совершаешь этот обязательный моцион вместе с ними.

После обеденной трапезы Орландо тут же поднялся из-за стола.

– Прошу простить меня, но мне нужно немножко поспать. Надеюсь, вы не будете в претензии. Уверен, вы отлично поладите и без меня.

– Мне нравится, Стар, как ты готовишь, – знаком доложил мне Рори, как только за его дядей закрылась дверь.

– Спасибо. Поможешь мне помыть посуду? – Я указала пальцем на раковину, заставленную грязными тарелками.

Рори недовольно надул губы.

– А я за это научу тебя делать шоколадные брауни. Такая вкуснятина!

Мы дружно принялись за работу. Я даже позволила Рори вылизать языком миску, в которой готовилась шоколадная смесь. Именно в этот момент я услышала, как отворилась дверь черного входа и в коридоре зазвучали чьи-то тя-

желые шаги. Наверное, это доставка, подумала я, привезли заказанные продукты из магазина, и повернулась к дверям. Но на пороге показалась помойная крыса собственной персоной. Мы с Рори ошарашенно уставились на него.

– Привет.

– Привет, – ответила я немного натянутым тоном.

– Рори! – Мышь кивком головы поздоровался с мальчиком, и тот тоже помахал ему в ответ рукой, по-прежнему всецело поглощенный вылизыванием остатков шоколадной смеси со стенок миски. – А у вас тут вкусно пахнет.

– Мы печем брауни.

– То-то я вижу, что Рори на седьмом небе от счастья.

– Не хотите ли чашечку чая? – кое-как выдавила я. Присутствие Мыши на кухне откровенно нервировало меня.

– Только в том случае, если и вы составите мне компанию.

– С удовольствием. – Я включила чайник и повернулась к Рори. – Рори! Давай я вытру тебе губы. – Я аккуратно удалила салфеткой следы шоколадной пасты на губах мальчика.

Помойная крыса застыл, не шелохнувшись, на прежнем месте и молча буравил нас пристальным взглядом.

– Стар, можно мне посмотреть «Супермена»? – поинтересовался у меня мальчуган.

– Ему можно смотреть кино? – спросила я у крысы.

– А почему нет? Идем, Рори. Я поставлю тебе эту кассету.

К тому моменту, когда помойная крыса снова возникла на кухне, у меня уже все было готово: чай стоял на столе.

– А в гостиной зверски холодно, доложу я вам. Я зажег камин. Спасибо! – Он придвинул к себе чашку с чаем, но куртку снимать не стал. – Полагаю, Орландо, по своему обыкновению, устроил себе короткий сон? Мой брат, он ведь у нас человек привычек.

Слабая улыбка мелькнула по его лицу и на какое-то мгновение разгладила угрюмые черты, но тут же исчезла. Но и этого мгновения мне хватило, чтобы понять, что Мышь тоже нежно любит своего младшего брата.

– Да, он сейчас отдыхает.

– Впрочем, я сюда явился не столько ради Орландо, сколько ради вас. Во-первых, хочу выразить вам свою признательность за то, что вы согласились провести выходные в этом доме. И тем самым избавили меня от докучливых обязанностей няньки. Тем более в такой момент, когда уже начался сезон охоты.

– Уверена, Орландо и без меня отлично со всем бы справился.

– Маргарет никогда бы не доверила ему сына.

– Почему?

– Разве он ничего не говорил вам? Помимо астмы, Орландо еще страдает острыми приступами эпилепсии. Это у него началось еще в подростковом возрасте. Сегодня его болезнь, более или менее, под контролем, но проблема все равно остается. Маргарет боится, что приступ может случиться в любой момент, а Рори не сумеет должным образом по-

говорить по телефону так, чтобы его поняли на другом конце провода. Правда, его обучают, как отправлять эсэмэски, да что толку? Все равно в Хай-Уилд практически полностью отсутствует сигнал связи.

– А я и не знала, что у Орландо такие проблемы. – Я поднялась со стула и подошла к плите, проверить, как там наши брауни. А заодно и скрыть свой шок от такой новости.

– Что уже само по себе очень хорошо. Это означает, что Орландо у нас паинька-мальчик и принимает все лекарства, которые ему предписаны. Но поскольку вы сейчас работаете вместе, то я счел нужным, чтобы вы были в курсе. Так, на всякий случай... Орландо очень стесняется своего недуга. Но главное даже не это. Страшит другое. Если все же с ним случится приступ, то он может умереть, если ему не оказать своевременную медицинскую помощь. С ним уже такое случалось пару раз, когда он был помоложе, и мы едва не потеряли его. А второе...

Он замолчал. Я же перевела дыхание, с нетерпением ожидая продолжения. Интересно, что еще собирается поведать мне Мышь?

– Я хочу извиниться за свое более чем бестактное поведение по отношению к вам в прошлый ваш приезд сюда. У меня есть много чего еще сказать по этому поводу, но, так или иначе, я пока воздержусь.

– Не переживайте. Все в порядке.

– Не совсем так. Но я уверен, что вы уже успели понять,

что я не самый удобный человек в общении.

За всю свою жизнь я еще не слышала более самоуверенной, я бы даже сказала, более нахальной просьбы о прощении. Да этот человек больше всего на свете жалеет самого себя, подумала я, чувствуя, как во мне закипает злость. Я отвернулась к плите, словно пытаюсь напитаться ее теплом.

– Да, и вот еще что. Я принес вам это. Это моя переработанная версия дневниковых записей Флоры Макникол, которые она вела в возрасте от десяти до двадцати лет.

– Хорошо. Спасибо, – проговорила я, не отворачиваясь от плиты и тупо уставившись на брауни, которые вытащила из духовки.

– Тогда оставайтесь с миром. Я пошел. – Я услышала шаги в сторону выхода из кухни. Потом последовала короткая пауза. – Еще один вопрос, если можно...

– Слушаю вас.

– Вы, случайно, не прихватили с собой того зверька? Хотелось бы увидеть этот талисман своими глазами.

Я понимала, что злиться на Мышь за подобную бесцеремонность в общении – это слишком по-детски, но ничего не могла с собой поделать. Все у меня внутри кипело от негодования.

– Я... не уверена, что взяла... Надо посмотреть, – ответила я после некоторой заминки.

– О'кей. Вернусь завтра. Кстати, наш воскресный обед поджидает вас в коридоре. До свидания.

Чтобы остудить себя после визита неожиданного гостя, пришлось выпить целых два стакана воды. Я даже не взглянула на стопку листов, аккуратно сложенных на столе, а пошла напрямиком в коридор посмотреть, что за презент там оставлен. И обнаружила целую связку фазанов, а рядом еще ящик с отобранными свежими фруктами и овощами.

К своему стыду, должна признаться, что ярость моя спала лишь тогда, когда я принялась разделывать птиц. С остервенением общипала перья с самой большой тушки, выпотрошила ее, затем отрубила фазану лапки и голову. И так со всеми остальными... Потом присела к столу в полном изнеможении, сама поражаясь своей реакции на Мышь. Ну почему человек, который не значит для меня ровным счетом ничего, может вызывать в моей душе подобную ярость?

Я тронула рукой рукопись, лежавшую передо мной на столе. И невольно содрогнулась при мысли о том, что этих листов касались его пальцы. Но в них, вполне возможно, кроется ключ к разгадке тайн того прошлого, поисками которого я сейчас занята. Так что, кем бы ни был тот человек, который переписывал для меня этот текст, не в нем сейчас дело. В конце концов, в Хай-Уилд меня привели совсем другие помыслы и цели.

Я сняла с полки тарелку, выложила на нее три брауни, в другую руку взяла рукопись и направилась на поиски Рори. Он по-прежнему торчал в гостиной, приклеившись к экрану телевизора и с восторгом наблюдая за тем, как Кристофер

Рив взмывает в небо.

Я тихонько потрогала мальчика за плечо, желая отвлечь его внимание от кинофильма, и молча указала на тарелку с брауни.

– Спасибо!

Рори с готовностью умял одно пирожное и снова сосредоточился на просмотре фильма. Судя по всему, ребенку хорошо и без меня, решила я, устраиваясь поудобнее в глубоком кресле возле камина, потом слегка пошевелила угли и, положив рукопись себе на колени, приступила к чтению.

Флора

Эствейт-Холл, Озерный край

Апрель 1909 года

9

Флора Макникол мчалась по лужайке во весь опор; подол ее юбки мгновенно впитывал в себя обильную утреннюю росу, словно промокательная бумага. Первые всполохи солнечного света заблестали над озером, и в этих еще слабых лучах засверкали всеми красками покрытые инеем, как отголоски былых морозов, кроны деревьев и листва кустарников.

Я могу попасть туда как раз вовремя, твердила она про себя, приближаясь к озеру. Потом резко свернула направо. Многострадальные, повидавшие всякого на своем веку ботиночки с черными пуговками на ногах девушки легко несли ее по холмам, хотя земля здесь твердая как камень – типичная почва в их Озерном крае. Она, эта земля, с упорством сопротивляется каждому новому шагу, хотя и притворяется такой ровной и гладкой лужайкой. Уж Флора-то это знает. Ведь вопреки всем ухищрениям их садовника, почва под газонами рядом с домом оставалась такой же каменистой и твердой, как и везде вокруг.

Флора действительно успела как раз вовремя и тут же пристроилась на огромном валуне, который лежал у самого края воды. Никто не знал, какими судьбами он оказался в этом месте. Одинокий и заброшенный, словно сирота, которого когда-то отделили от остальных братьев и сестер, в изобилии разбросанных по окрестностям. Издали валун был похож на огромное яблоко, которое слегка надкусил какой-то волшебный великан. Но вот уже на протяжении многих поколений он являл собой самое удобное место отдыха для всех Макниколов, приходивших на озеро, чтобы полюбоваться восходом солнца и желающих своими глазами увидеть, как светило медленно поднимается из-за гор, окольцевавших озеро с двух сторон.

Вот и сейчас, не успела Флора устроиться поудобнее на камне, как первые лучи солнца озарили своим светом прозрачное бледно-голубое небо. Жаворонок пролетел над неподвижной гладью воды, отражаясь в ней легким серебристым силуэтом. Флора вдохнула полной грудью свежий утренний воздух и даже зажмурилась от удовольствия. Весна пришла!

И тут же разозлилась на себя. Надо же, какая растяпа! Так торопилась, что совершенно забыла и про свой альбом для рисования, и про акварельные краски. А ведь можно же было запечатлеть такой незабываемый момент. Но вот солнце наконец-то высвободилось из пут, удерживавших его за кромкой горизонта, и засияло в полную мощь, осветив снежные

вершины окружающих гор и затопив потоками золотистого света долины внизу. Флора поднялась с камня. Оказывается, она забыла не только альбом, но и свою шаль тоже. Утренний холод пробирал до самых костей. Она почувствовала, что у нее уже зуб на зуб не попадает. Лицу вдруг стало жарко и так приятно покалывало кожу, словно тысячи ангельских стрел вонзались в щеки и лоб. Она задрала голову вверх и увидела, что снова пошел снег.

– Вот так весна! – рассмеялась про себя Флора, поворачивая назад к дому. Сейчас придется бежать уже в гору и надо поторапливаться. Нужно же время, чтобы успеть переодеться, сбросить с себя намокшие юбки, хлюпающие ботиночки и лишь потом появиться к завтраку в столовой. Нынешняя зима затянулась как никогда и длится уже непозволительно долго. Оставалось лишь надеяться, что свирепые ветры, наметающие горы снега вокруг, скоро уйдут в прошлое и станут лишь не очень приятным воспоминанием о минувшей зиме. Однако и люди, и животные, и вся природа вопреки непогоде пробуждаются от зимней спячки. Скоро, совсем скоро мир вокруг нее снова станет ярким и разноцветным, полным звуков и запахов. Ах, скорей бы!

Как же тянулись эти бесконечные зимние месяцы с такими короткими днями и долгими ночами. А она, несмотря на скудное освещение, часами просиживала у окна в своей комнате, пытаясь запечатлеть зимние пейзажи за стеклом с помощью древесного угля. Но рисунки, выдержанные исклю-

чительно в черно-белых тонах, получались такими же мрачными и угрюмыми, как и сама природа за окном. Очень, кстати, смахивающими на те черно-белые фотографии, которые они недавно сделали со своей младшей сестрой Аурелией (это мама настояла, чтобы они занялись фотографией). Однако снимки казались Флоре лишь бесцветными копиями действительности.

Аурелия... красивая, златовласая Аурелия... Ее сестра так похожа на ту изящную фарфоровую куклу, которую ей когда-то подарили на Рождество. Такое же кукольное личико с широко распахнутыми голубыми глазами, обрамленными черными как смоль ресницами. Идеальная красота!

– Персик со сливками на фоне жидкой овсяной каши-размазни, – пробормотала про себя Флора, довольная тем, что нашла точные слова для того, чтобы описать их с сестрой внешность. Полное несовпадение во всем. Она вдруг вспомнила то утро, когда они с Аурелией готовились к своей фотосессии и наряжались у нее в спальне в самые лучшие наряды. Разглядывая их отражения в золоченом зеркале, Флора невольно отмечала метким глазом, что у Аурелии все линии фигуры и лица плавные, мягкие, струящиеся. На фоне ее личика лицо самой Флоры казалось грубым, словно вытесанным из камня. Ее сестра являла собой воплощение истинной женственности, начиная от крохотных ножек и кончая тонкими изящными пальчиками на руках. Она буквально источала нежность и теплоту. А Флора... Нет, как бы ни сдabri-

вала она кашу сметаной, никогда не добиться ей таких божественных форм, коими обладают Аурелия и их мать. Когда она однажды озвучила подобные мысли, то Аурелия лишь осторожно ткнула ее пальцем в бок.

– Сколько раз тебе повторять, моя дорогая Флора, что ты у нас красавица?

– Уж какая я красавица, я и сама отлично вижу в зеркале. Единственное, что во мне красиво, так это глаза. Но только за одни глаза люди не станут оборачиваться, чтобы взглянуть на меня еще раз.

– Да, глаза у тебя удивительные, – согласилась с ней младшая сестра, обнимая Флору и с нежностью прижимая к себе. – Два настоящих сапфира. Они горят на твоём лице, словно два маяка в ночном небе.

Несмотря на сердечность и доброту Аурелии, все равно чувствовалось, что они с сестрой разные, причем разные во всем. У их отца были золотисто-рыжие волосы и светлая кожа, как у всех его шотландских предков, а сестра пошла в мать, унаследовав ее холодную красоту настоящей белокурой богини. Ну а Флора с ее носом, который отец почему-то упорно и довольно грубо называл «тевтонским», желтоватой кожей лица и темными волосами, густыми и непокорными, которые категорически отказывались укладываться в любую причёску, на что она могла претендовать?

Флора замедлила шаг и замерла на месте, услышав дальний зов кукушки, который раздавался из дубовой рощи по ту

сторону озера. Прислушалась и невесело усмехнулась. *Кукушонок в чужом гнезде. Это я и есть.*

Легко перепрыгивая через заросли пожухлой травы, Флора бежала напрямик, пока не приблизилась к стершимся каменным ступеням, ведущим на террасу. Тяжелые плиты, похожие на надгробья, усыпаны прошлогодней листвой, правда, кое-где уже пробивается свежий мох. Вот он, ее дом. Возвышается прямо перед ней. Неяркий утренний свет отражается в многочисленных окнах. Эндрю Макникол, ее прапрадед, построил Эствейт-Холл более ста пятидесяти лет тому назад. Изначально дом задумывался не как образчик какого-то архитектурного стиля, а как надежное жилье, способное защитить своих хозяев от суровых зим в их Озерном крае. Крепкие стены дома сложены из огромных камней глинистого сланца, добытого здесь же, в горах неподалеку. Угрюмое на вид здание мрачного темно-серого цвета. Низкая крыша с острыми, неприступными краями буквально нависает над домом, будто тоже защищает всех обитателей дома от непогоды. Дом расположен вблизи Эствейт-Уотер, одного из самых небольших озер в их окрестностях. Его неподвижная водная гладь застыла, словно стекло, в обрамлении дикой природы.

Флора быстро обежала вокруг дома и вошла с черного входа напрямиком на кухню. Посыльный мальчишка уже был там, разгружал продукты, заказанные на неделю. Возле плиты возилась миссис Хиллбек, их повариха. Ей помогала под-

собная работница Тилли. Вместе они готовили завтрак.

– Доброе утро, мисс Флора, – поприветствовала ее повариха. – Гляжу, вы опять ноги промочили насквозь, – добавила она, заметив, как Флора торопливо расстегивает мокрые ботинки.

– Да. Можно я поставлю их на плиту, чтобы просушить?

– А лосось, которого я готовлю на завтрак вашему отцу, не провоняет их запахом? Не боитесь? – поинтересовалась у нее повариха, выкладывая толстые куски черного пудинга на сковородку.

– А вы затолкайте их в самый дальний угол. Спасибо вам. – Флора вручила ботиночки миссис Хиллбек. – Я за ними чуть позже приду сама.

– На вашем месте, мисс Флора, я бы попросила себе у ма-тушки новую пару ботиночек. Эти-то совсем прохудились. Да и подошва совсем стопталась, – заметила мисс Хиллбек, осторожно беря обувь Флоры за пуговики, чтобы отнести ее поближе к огню.

Флора выбежала из кухни, размышляя по пути, что действительно было бы здорово получить новые ботиночки, но просить об этом она никогда не осмелится. Она шла длинным темным коридором, в котором отчаянно пахло плесенью. Денег в семье не было не только на приобретение новой обуви для Флоры. Их не было и на ремонт дома тоже. Сырость повсеместно проступала сквозь толстые каменные стены. На старых, столетней давности, обоях в китайском сти-

ле с рисунком в виде цветов и бабочек, которыми оклеена мамина спальня, виднеются подтеки воды, которые рано или поздно полностью уничтожат бумагу.

Семейство Макниколов в их краю известно как «обедневшее мелкопоместное дворянство». Именно такую уничижительную характеристику, «обедневшее», Флора своими ушами услышала в сельской лавке в деревушке Ближний Суррей, куда ее однажды отправили что-то купить. Это слово обронила одна покупательница в разговоре с другой. А потому Флора совсем не удивилась, когда в прошлом году Роза, ее мать, сообщила дочери, что в семье нет средств, чтобы отправить ее в Лондон, где она могла бы дебютировать в свете и быть представленной ко двору.

– Надеюсь, Флора, дорогая, ты все понимаешь правильно. Ведь так?

– Конечно, мамочка, – послушно ответила ей Флора.

В глубине души она была даже рада тому, что ее минует сия участь и что ей не грозит бесконечная пустая болтовня в великосветских гостиных, что не надо будет наряжаться, словно кукла, обливать себя духами и взбивать на голове кудри. И так на протяжении целого сезона. Ее невольно перередернуло при мысли о том, каково это – оказаться в окружении глупо хихикающих девиц, которые даже не понимают, что они ничем не лучше какой-нибудь скотины, которую привезли на ярмарку с целью продать повыгоднее. Разумеется, на этом аукционе невест свои правила игры. Самая кра-

сивая дебютантка наверняка заарканит себе самого выгодно-го соискателя руки и сердца. А кто это такой, если говорить обычными словами? Девушка поймает в свои сети сына какого-нибудь герцога, который после смерти отца унаследует и его титул, и все большое состояние.

Да и вообще Флора терпеть не могла Лондон. В те свои редкие приезды туда, когда она сопровождала маму, навещавшую тетю Шарлотту, которая обитала в красивом белокаменном особняке, расположенном в фешенебельном районе британской столицы под названием Мейфэр, Флора чувствовала себя совершенно раздавленной ритмом жизни большого города. Запруженные народом улицы, бесконечное цоканье копыт многочисленных конных экипажей, снующих по проезжей части, резкие звуки клаксонов проезжающих мимо автомобилей, которые входили в моду и уже начинали теснить другие виды транспорта. Впрочем, чему удивляться, когда машины появились даже в ее любимом Озерном крае за тысячи миль от Лондона?

Однако Флора отлично понимала и другое. Отказ от дебюта при дворе вместе с другими юными леди резко сокращал ее собственные шансы на то, чтобы найти себе подходящего мужа с должным положением в свете.

– Я вообще могу остаться в старых девах, – прошептала она себе под нос, поднимаясь вверх по широкой лестнице из красного дерева и направляясь к себе в комнату. Надо поторапливаться. Успеть переодеться до завтрака, пока мама

не обнаружила, что она опять замочила все свои юбки. – Ну, и хорошо! Меня это ни капельки не волнует, – проговорила девушка воинственным тоном, входя в свою спальню. И сразу же на нее уставились блестящие глазки многочисленных обитателей ее живого уголка.

– Зато вы всегда будете рядом со мной, да? – проговорила Флора ласково, подходя к первой клетке и приподнимая щеколду, чтобы выпустить на волю Розы, большую серую крольчиху, которая тотчас же запрыгнула к ней на руки. В свое время она спасла Розы, буквально вырвала ее из зубов одной из охотничьих собак отца. На сегодняшний день Розы – признанный долгожитель в ее домашнем зверинце. Флора усадила крольчиху на колени и принялась гладить ее длинные шелковистые ушки. Правда, у одного уха край слегка откусан. Это случилось как раз тогда, когда она вырывала несчастную из пасти рассвирепевшего пса. Спустив Розы на пол – пусть себе попрыгает на свободе, она подошла к другим обитателям клеток. В ее зверинце нынче проживают две сони, черепаха по имени Гораций, которая обитает в самодельном виварии, а также Альберт, упитанная белая крыса, которую Флоре подарил сын их конюха. Крысу назвали в честь покойного мужа королевы Виктории. Мама, помнится, была в ужасе от такого пополнения.

– Честное слово, Флора! Я не имею ничего против твоей любви к животным. И все же это бог знает что такое – делить свою комнату с подобной мерзкой тварью!

Но мать не стала ничего рассказывать мужу ни об Альберте, ни о том, как ее напугал уж, которого Флора притащила откуда-то из леса. Собственно, на этом была поставлена жирная точка в дальнейшем расширении зверинца. Помнится, мама так визжала, можно сказать, истошно вопила, увидев, как уж беспрепятственно ползает по их гостиной. Пришлось Саре, единственной горничной, оставшейся у них в доме, срочно бежать наверх за нюхательной солью для хозяйки.

– Да вы всех нас этой тварью перепугали до полусмерти, мисс Флора! – ругала девушку горничная на местном диалекте. У нее всегда появлялся сильный акцент, когда она волновалась или злилась. Словом, после такого скандала «уж обыкновенный», как эта тварь именуется в научных трудах, был благополучно возвращен в свою естественную среду обитания, то есть на природу.

У себя в спальне Флора быстро разделась до нижнего белья, потом принялась кормить своих питомцев, для каждого из которых у нее был приготовлен свой завтрак. Здесь и лесные орешки, и семечки подсолнуха, и сено, и листья капусты. А для черепахи по кличке Гораций она припасла целую горсть мучных червей, которых ее отец использовал в качестве наживки при рыбной ловле. Потом она торопливо натянула на себя чистую поплиновую блузку с глухой застежкой до самой шеи и синюю юбку с цветочным узором. После чего оглядела себя в зеркале. Как и большая часть их с сестрой

рядов на каждый день, этот тоже был шит из выцветшей материи, явно уже побывавшей в употреблении. Да и фасон был старомодным, совсем не в духе последних веяний моды. Но в этих платьях, по мнению мамы, было одно несомненное достоинство: хороший крой.

Слегка поправив тесный воротник, Флора взглянула на свое лицо.

– Вылитая Сивилла, – пробормотала она негромко, вспомнив насекомое по названию палочник, которое почти год обитало у нее в том виварии, куда позднее она заселила Горация. Она также вспомнила, как обрадовалась, когда ее ненаглядная Сивилла привела потомство. Она обнаружила ее отпрысков только тогда, когда они сами стали почти взрослыми и незаметно для окружающих ползали по своему виварию, слившись в один ком.

– Не насекомые, а призраки какие-то... – Как и она сама, впрочем. Недаром она чувствует себя хорошо только тогда, когда ее никто не видит.

Флора собрала непослушные пряди своих волос и свернула их кольцом на затылке, потом подобрала с пола крольчиху, усадила ее обратно в клетку и поспешила вниз в столовую, где уже поджидал завтрак.

И действительно, когда она вошла в столовую, угрюмую и мрачную комнату, как и остальные помещения в доме, вся семья была уже в сборе. Родители и сестра сидели за обшарпанным обеденным столом из красного дерева. При появле-

нии Флоры из-за развернутой газеты «Таймс» послышалось недовольное ворчание отца.

– Доброе утро, Флора. Рада, что ты наконец-то соизволила присоединиться к трапезе. – Роза незаметно скользнула взглядом по ногам дочери. Так и есть! Снова явилась на завтрак без башмаков, в одних чулках. Однако реакция матери была более чем сдержанной: картинно вскинутая бровь, и никаких комментариев вслух. – Хорошо спала, дорогая?

– Да, хорошо, спасибо, мама, – ответила Флора, в то время как Сара с жизнерадостной улыбкой на лице поставила перед ней тарелку с кашей. Сара заботилась о сестрах Макникол с младенческих лет и хорошо знала привычки и пристрастия каждой. Ей было известно, что даже запах приготовленного мяса может тут же вызвать у Флоры приступ тошноты. И поскольку на протяжении многих лет девочка упорно отказывалась от той традиционной пищи, которая подавалась у них в доме на завтрак, было найдено компромиссное решение. В то время как вся семья вкушает по утрам тушеного лосося, жареные колбаски и черный пудинг, Флоре предлагается только овсянка. Когда-то Флора даже дала себе клятву, что когда станет взрослой самостоятельной женщиной и у нее будет свой дом, то никогда она не позволит прислуге готовить мясные блюда из убитых животных. Никогда и ни за что!

– Аурелия, что-то ты сегодня чересчур бледненькая, – обеспокоилась между тем Роза, переведя взгляд на младшую

дочь. – Ты здорова?

– Все в порядке, мамочка. Я здорова, – поспешила успокоить ее Аурелия, подцепив на вилку небольшой кусочек колбаски, после чего отправила его в рот и стала тщательно пережевывать.

– Тебе нужно как можно больше отдыхать в ближайшие дни и недели. Сезон будет долгим и утомительным, а ты еще не вполне оправилась после той ужасной простуды, которой переболела зимой.

– Хорошо, мама, – ответила Аурелия, всегда терпеливо воспринимающая материнскую суету вокруг собственной персоны.

– А мне кажется, что Аурелия выглядит просто замечательно. Так и светится вся, – подала голос Флора, и сестра тут же метнула в нее благодарственный взгляд.

В детстве Аурелия много болела, а потому и родители, и прислуга с младенческих лет носились с ней, словно с куклой. На которую она, впрочем, и была похожа. И уж ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы Аурелия снова расхворалась, причем именно сейчас. Месяц тому назад мама объявила, что Аурелия все же *дебютирует* в Лондоне и будет представлена при дворе королю и королеве. Родители надеялись, что их младшая дочь привлечет внимание какого-нибудь богатого молодого человека из хорошей семьи, такой же достойной, как и их собственная. В конце концов, девушка красива, у нее ангельский характер. Уже одного этого вполне

достаточно, чтобы компенсировать нехватку денег. Точнее, полное их отсутствие в семейном бюджете.

Хотя Флора вовсе не горела желанием начать «выезжать в свет», тем не менее в глубине души она почувствовала себя немного уязвленной из-за того, что тетя Шарлотта, сестра ее матери, согласилась покрыть все расходы на дебют Аурелии в высшем обществе из собственного кармана, даже не подумав год тому назад предложить то же самое и своей старшей племяннице.

Между тем завтрак продолжился, как обычно, при полном молчании. Алистер, муж Розы и глава семейства, не любил разговоров за столом. Женская болтовня, по его словам, мешала ему сконцентрироваться на чтении газеты, отвлекая от изучения важных мировых новостей. Флора бросила взгляд на отца из-под опущенных ресниц и увидела только часть лысины, выступившую из-за краев раскрытой газеты и очень похожую на половинку луны, да клоки седеющих рыжих волос, торчащих из ушей. *Как же он постарел со времен войны с бурами*⁴, подумала она с некоторой грустью. Алистер получил на войне огнестрельное ранение, и хотя врачам удалось спасти его правую ногу, но с тех пор он ходил, сильно прихрамывая и постоянно опираясь на трость. Однако самое ужасное для бывшего кавалерийского офицера, прошедшего

⁴ Речь идет о Второй англо-бурской войне 1899–1902 гг. – превентивной войне бурских республик – Южно-Африканской республики (Республики Трансвааль) и Оранжевого Свободного государства (Оранжевой Республики) против Британской империи, закончившейся победой последней.

всю жизнь в седле, было то, что отныне он уже не мог более участвовать в охоте и скакать на лошади, как прежде. Верховая езда доставляла ему слишком сильную боль.

Несмотря на то что Флора прожила с отцом под одной крышей, можно сказать, бок о бок, целых девятнадцать лет, за все это время она беседовала с ним не более двух раз. Да и то это были пустячные разговоры на уровне обычных вежливых фраз. Алистер намеренно дистанцировался от женской половины своего семейства, наделив жену всеми полномочиями для того, чтобы та своевременно доносила дочерям все его пожелания, если таковые у него имелись, или порицания, если сестры того заслуживали. Уже сто раз Флора задумывалась над тем, почему ее мать вышла замуж за отца. Ведь Роза была красива, умна, из хорошей семьи – словом, во всех отношениях достойная невеста. Наверняка у нее была масса поклонников и было из кого выбирать. Оставалось лишь недоумевать или строить догадки относительно того, что, наверное, в Алистере таятся какие-то никому не известные глубины, скрытые достоинства, которые не сразу бросаются в глаза и не видны с первого взгляда.

Но вот Алистер методично свернул газету, давая знак остальным, что завтрак окончен. Тут же последовал короткий кивок Розы, означающий, что девочки могут быть свободны. Сестры поспешно задвигали стульями, поднимаясь из-за стола.

– Не забудьте, завтра к нам на чай приезжают Воганы. А

потому сегодня вечером у вас обеих купание. Сара, помоги им принять ванну до ужина, ладно?

– Да, мадам, – послушно ответила Сара, отвесив реверанс хозяйке.

– Аурелия, наденешь свое розовое платье из муслина.

– Хорошо, мамочка, – тут же согласилась младшая сестра, и обе девушки торопливо выбежали из столовой.

– Дочка Воганов Элизабет будет дебютировать в свете вместе со мной, – сказала Аурелия, пока они с Флорой пересекали огромный холл. Звук ее шагов эхом отзывался во круг. Флора в одних чулках зябко перебирала ногами, ступая по холодным как лед каменным плитам, которыми был вымощен пол в холле. – Мама говорила, что мы когда-то навещали их в Кенте. Мы еще тогда были совсем детьми. Честное слово, при всем желании я не могу ничего вспомнить. А ты?

– К несчастью, я все помню. И даже очень хорошо, – ответила Флора, поднимаясь по лестнице. – Их старший сын Арчи, ему в то время было шесть лет, а мне всего лишь четыре, забросал меня дикими яблоками в их саду. Я тогда вся была в синяках. Ужасный шалун! Более противного мальчишки я и не встречала.

– Будем надеяться, что с тех пор он вырос и изменился в лучшую сторону, – рассмеялась Аурелия. – Ему должно быть уже двадцать один, коль скоро тебе девятнадцать.

– Посмотрим, посмотрим, что с ним стало за эти годы. В любом случае, если снова вздумает бросаться дикими ябло-

ками, то я начну метать в ответ камни.

Аурелия весело хихикнула.

– Не вздумай, ради бога! Ты же знаешь, леди Воган – старинная подруга мамы. Мама ее просто обожает. Как бы то ни было, а у меня есть шанс познакомиться хоть с одной из тех девушек, что будут представлены ко двору, еще до того как я отправлюсь в Лондон. Надеюсь, Элизабет похожа на меня. А то все эти столичные мисс, они такие штучки. Я на их фоне буду казаться заурядной деревенской простушкой.

– Никогда! Уверена, ты им ничем не уступишь, особенно когда нарядишься во все свои красивые платья. – Флора открыла дверь в свою спальню, и Аурелия последовала за ней. – Ты будешь самой запоминающейся и яркой дебютанткой сезона. Вот увидишь! Но я тебе ни капельки не завидую, – добавила она, подходя к клетке с Розы, чтобы снова выпустить крольчиху на волю.

– Правда, не завидуешь, Флора? – Аурелия пристроилась на краешке кровати сестры. – Сказать честно, хотя ты и повторяешь постоянно, что нет, не завидуешь, но я все равно переживаю. А вдруг в глубине своей души все же завидуешь? Хоть немного... Ведь это же нечестно, я понимаю, что я дебютирую при дворе, а тебе такой возможности не дали.

– А что бы здесь делали мои животные без меня? Ты об этом подумала?

– Знаешь, хотела бы я увидеть физиономию твоего будущего мужа, когда ты объявишь ему, что будешь делить су-

пружескую спальню со всем своим зверинцем. Вот будет потеха! – Аурелия взяла на руки Розы.

– А если он станет плохо вести себя, то я еще в придачу натравлю на него Альберта, свою крыску.

– Знаешь, а это мысль! Можно, в случае чего, я тоже позаимствую у тебя Альберта?

– Одолжу с превеликим удовольствием. – Флора скорчила смешную рожицу. – Аурелия, мы же обе с тобой прекрасно понимаем, что сезон в Лондоне – это просто повод подыскать тебе подходящего мужа. А сама ты хочешь замуж?

– По правде говоря, и сама не знаю. Но вот влюбиться хочу, это точно. Впрочем, все девушки мечтают о любви.

– А я, знаешь ли, чем больше размышляю над всеми этими вещами, тем сильнее убеждаюсь в том, что жизнь старой девы – это как раз по мне. Стану жить в маленьком домике в окружении своих питомцев. И все они будут любить меня беззаветно. Ведь животные любят просто так, ни за что, не выдвигая никаких встречных условий. Вот и получается, что такая привязанность безопаснее, чем любовь мужчины.

– Но ведь это же скучно. Ты не находишь?

– Возможно. Но я ведь и сама *довольно скучная особа*.

Флора посадила себе на ладонь двух сонь, Мейси и Этель. И те сразу же блаженно свернулись калачиком, укутав головы своими пышными хвостами. А Флора тем временем принялась чистить свободной рукой их клетку.

– Господи! Ну когда же ты перестанешь заниматься само-

уничижением, Флора? Ты так прекрасно успеваешь по всем предметам. На французском щебечешь совершенно свободно. А уж твои акварели – это вообще верх совершенства. Да если хочешь знать, я по сравнению с тобой – законченная тупица!

– Ну, и кто теперь из нас двоих занимается самоуничижением, а? – вяло пошутила Флора в ответ. – К тому же мы обе отлично знаем, для женщины красота важнее всего. Именно хорошенькие, обворожительные и веселые девушки устраивают свою семейную жизнь лучше всех. А кому нужны такие страхолюдины, как я?

– Я буду сильно скучать по тебе, когда выйду замуж. Может, ты потом, со временем, согласишься переехать ко мне и жить вместе со мной в моем новом доме. Потому что я просто ума не приложу, как стану жить без тебя. Все! Мне пора бежать вниз. – Аурелия спустила крольчиху на пол. – Мама хочет поговорить со мной о том, как мне следует вести свой ежедневник в Лондоне.

Аурелия ушла. Какое-то время Флора размышляла над тем, каково ей будет жить в доме замужней сестры. Что-то вроде старой одинокой тетушки-приживалки, как их часто описывают во всяких романах, которые она любит читать. Прибрав кровать, Флора подошла к письменному столу, открыла нижний ящик и достала оттуда свой дневник в обложке из шелка. Потом слегка закатала рукава, чтобы не измазать чернилами кружевные манжеты, и уселась писать.

На следующее утро Флора впрягла своего пони по кличке Майла в двуколку и отправилась в Хоксхед забрать коробку с увядшими листьями капусты и старой морковью. Отбракованные в ходе сортировки овощи ей любезно отдавал мистер Болтон, владелец местной лавки. Она знала, родители неодобрительно относятся к этим ее поездкам. Наверное, им хотелось бы видеть старшую дочь владельца Эствейт-Холл не иначе как в карете, но Флора была не из тех, кого можно было легко переубедить.

– Ты же прекрасно знаешь, мамочка, что после того, как вы с папой рассчитали нашего кучера, у нас остался лишь один Стэнли. А мне совестно просить его, чтобы он отвез меня куда-нибудь. У него и так хватает работы на конюшне, – уговаривала мать Флора.

С такими доводами трудно было не согласиться, и в конце концов Роза сдалась и смирилась с поездками дочери. А в последнее время она даже стала давать Флоре кое-какие мелкие поручения, коль скоро та все равно бывала в деревне.

Бедная мамочка, со вздохом подумала Флора. Она жалела мать, представляя, как ей тяжело постепенно, но неуклонно скатываться к практически полунищенскому существованию. А она ведь до сих пор хорошо помнила, как однажды, еще в детстве, побывала вместе с матерью в ее роди-

тельском доме. Тогда ей, четырехлетней девочке, смотревшей на все вокруг широко распахнутыми глазами, этот дом показался самым настоящим дворцом. Дюжины лакеев, горничных, дворецких с каменным выражением лица, который приветствовал на входе дочь семейства, прибывшую навещать родителей вместе со своими чадами. Впрочем, обе девочки, и Флора, и Аурелия, были тут же отправлены в детскую комнату для игр, где за ними присматривала старая няня самой Розы. Флору так и не показали дедушке с бабушкой. Этой чести удостоилась лишь Аурелия, которую на короткое время забрали из детской.

Управившись со своими делами, Флора вручила пенс мальчику, которого попросила присмотреть за пони, затем снова залезла в свою двуколку, уселась на деревянную скамью, поставив рядом с собой корзину, полную овощей, и бумажный кулек с грушевым леденцовым монпансье, любимым лакомством Аурелии.

Стоял погожий солнечный день. Двуколка покинула пределы деревни, и тут Флора неожиданно решила возвращаться домой не по ближней, а по дальней дороге, объехать вокруг озера Эствейт-Уотер, а потом через деревушку Ближний Суррей. А заодно своими глазами убедиться в том, что распустились первые крокусы и нарциссы. В воздухе уже всю пахло весной, лишь кое-где местами виднелись остатки снега, которые вот-вот растают без следа под ярким утренним солнцем, распрощавшись с землей до следующей зимы.

Выехав на дорогу, ведущую из Ближнего Суррея к их поместью, она непроизвольно бросила взгляд на фермерский дом, едва видневшийся из-за холма слева от дороги.

Уже, наверное, в сотый раз Флора подумала о том, что стоило бы заехать на ферму, представиться одиноко живущей там хозяйке, а заодно и напомнить ей о том, как они повстречались когда-то, много лет тому назад. И каким источником вдохновения стала для нее самой впоследствии эта встреча.

Пустив Майлу плестись неспешным черепашьям шагом, Флора, однако, почувствовала, что пока не готова к такой встрече. Еще не готова! *Когда-нибудь я обязательно к ней заеду, но не сегодня*, твердо пообещала она сама себе. Ведь там, за крепкими стенами фермерского дома, обитала женщина, воплощавшая в себе все ее надежды и планы, связанные с будущим.

Майла неторопливо миновала ферму, и Флора направила двуколку по мосту через речушку, весело журчавшую внизу в своем каменистом ложе. Она была настолько занята своими мыслями, что даже не услышала громкий цокот копыт сзади. Кто-то мчался во весь опор по полю слева от нее. Не успела она миновать мост, намереваясь слегка срезать дорогу напрямик, как всадник оказался всего лишь в нескольких ярдах от нее. Испуганная Майла встала на дыбы, на какие-то доли секунды передние колеса двуколки оторвались от земли, и повозка резко накренилась вбок. Флора съехала по скамейке вниз, схватилась за край повозки, с трудом удержав-

шись от того, чтобы не упасть на землю. Все же ей удалось кое-как выпрямиться, а всадник в это время осадил своего скакуна, и тот замер как вкопанный буквально в нескольких дюймах от возбужденной Майлы с раздувающимися от испуга ноздрями.

– Вы что, совсем с ума сошли? Куда несетесь как угорелый? – закричала на всадника Флора, одновременно пытаюсь хоть как-то успокоить свою перепуганную до смерти лошадку. – Или вы мчитесь не разбирая дороги?

И тут Майла решила не дожидаться выяснения отношений с их обидчиком и рванула вперед, желая, видно, побыстрее удрать с места происшествия и вернуться к себе домой. Она резко дернулась и круто свернула в сторону, чтобы объехать перегоревшего ей дорогу жеребца. Флору бросило вперед, поводья на какое-то мгновение выпали из ее рук, и она потеряла контроль над повозкой. А Майла между тем неслась во весь опор по направлению к усадьбе, к своей единственной спасительной гавани. Флора лишь мельком увидела перепуганное лицо своего обидчика, в его темно-карих глазах застыл ужас.

Ей стоило больших усилий, чтобы не свалиться со скамьи. Одной рукой она держалась за скамью, а второй безуспешно пыталась управлять повозкой, снова взяв поводья. Но тщетно! Пони гнала во всю прыть, и лишь когда они миновали въездные ворота в усадьбу, она чуть замедлила свой ход, вся покрывшись испариной от пережитого напряжения. На ко-

нюшню Флора прибыла вся в синяках и ссадинах, потрясенная до глубины души тем, что только что произошло.

– Мисс Флора! Бог мой! Что случилось? – перепугался при виде хозяйки конюх Стэнли. Потом увидел расширенные глаза пони и стал успокаивать уже ее.

– Да какой-то всадник выскочил на своем скакуне прямо перед нами. Вот Майла испугалась и понеслась вскачь, – с трудом вымолвила Флора. Она сама была готова вот-вот расплакаться. Безвольно вручила поводья Стэнли, и он осторожно помог ей слезть с двуколки.

– Мисс Флора, на вас лица нет. Вы белая как мел, – сказал он. А Флора, почувствовав под ногами твердую почву, вдруг зашаталась и едва не потеряла сознание. Пожалуй, она бы и упала, если бы не крепкое плечо Стэнли.

– Я сбегая сейчас за Сарой, чтобы она отвела вас в дом, – предложил ей Стэнли.

– Нет, ни в коем случае! Можно, я посижу немного здесь, в сарае? И, пожалуйста, если не трудно, принесите мне немного воды.

– Сию секунду, мисс. – Стэнли отвел Флору в сарай и усадил на копну сена, а сам побежал за водой. Флору между тем стала бить нервная дрожь.

– Вот вода, мисс, – оповестил вернувшийся Стэнли, держа в руках кружку с водой. – Вы точно не хотите, чтобы я позвал сюда Сару? По лицу ведь видно, как вам плохо.

– Нет, – категорическим тоном ответила ему Флора, из

последних сил стараясь быть твердой. Она прекрасно понимала, что если начнутся разговоры о том, что она не справилась с управлением двуколкой, ее поездкам в деревню тотчас же будет положен конец. Что означает лишь одно: свободы у нее станет еще меньше. – Пожалуйста, Стэнли, прошу вас, – она с огромным усилием поднялась на трясущихся ногах, чувствуя общую слабость во всем теле, – никому ничего не говорите, ладно?

– Как пожелаете, мисс.

Флора вышла из сарая, стараясь ступать с высоко поднятой головой, хотя все внутри ее ныло и болело, будто это было не ее собственное тело, а какой-то мешок, набитый костями. Она медленно брела по лужайке прямо к дому, твердо зная лишь одно: ни единым словом, ни единым движением ресниц она не должна выдать родителям всего того, что случилось с ней только что.

Вошла на кухню и тут же заметила испуганное выражение лица кухарки, которая как раз доставала из печи лопатку ягненка.

– Господи Иисусе! Что с вами стряслось, мисс Флора? Ваша матушка минут десять тому назад спускалась сюда, интересовалась, не видели ли мы вас. Они уже все в столовой.

– Я... я отлучалась по делам.

– Мисс Флора, – окликнула ее Сара, подходя ближе.

– Да?

– У вас нос перепачкан грязью. И волосы все растрепан-

лись.

– У тебя есть какая-нибудь тряпка?

– Конечно. – Сара взяла в руки тряпку и старательно протерла ею лицо Флоры, как в те давние годы, когда ее воспитанница была еще совсем маленькой девочкой.

– Чисто?

– Да, теперь все чисто... но вот только волосы ваши...

– Сейчас нет времени. Спасибо.

Флора выбежала из кухни и бегом устремилась к столовой, на ходу поправляя волосы и заталкивая выбившиеся пряди обратно в узел. На пороге она остановилась и прислушалась к неспешному журчанию разговоров, звучавших за столом. Сделала глубокий вдох и отворила дверь. И тотчас же шесть пар глаз одновременно уставились на нее.

– Простите меня, пожалуйста! Мамочка, папа, леди Воган, мисс Воган и Ар...

Флора обвела взглядом сидевших за столом и тут же уперлась в темно-карие глаза. Они слегка расширились от удивления, и в них читалась тревога. Вот так сюрприз, мелькнуло у нее в голове при виде уже знакомого лица.

– Арчи, – выпалила она, не задумываясь. Так этот мерзавец, который едва не сломал ей шею, тот самый несносный мальчишка, который когда-то, бог знает сколько лет тому назад, швырялся в нее дичками, наставив синяков по всему телу. Мальчишка вырос, но остался таким же неуправляемым.

– Мой сын уже совершеннолетний. Теперь к нему следует

обращаться «лорд Воган», – немедленно поправила ее леди Воган.

– Простите, леди Воган. Я этого не знала, – промямлила в ответ Флора, садясь на свое место.

– Где ты запропастилась, Флора? – спросила у нее мать ласковым голосом, но выражение ее лица красноречивее всяких слов сообщало дочери всю степень ее неудовольствия. Флора, однако же, не преминула отметить, что мама надела свое самое нарядное платье, предназначенное для чаепитий с гостями.

– Да вот... на обратном пути пришлось немного задержаться... Какая-то телега перевернулась и загородила дорогу. – Собственно, Флора почти не покривила душой, сказав если и не правду, то точно часть правды. – Прости меня, мама, пожалуйста. Но пришлось добираться домой на своей двуколке окольным путем.

– Ваша дочь сама управляет двуколкой? – поинтересовалась леди Воган у хозяев и тут же скорчила неодобрительную гримасу.

– О, нет! Такое если и случается, то крайне редко, моя дорогая Арабелла. Но все же иногда случается. Вот, к примеру, сегодня утром Флоре пришлось ехать в деревню самой. Срочное дело. А кучер заболел.

– Прости меня, пожалуйста, мамочка, – снова повторила Флора как заведенная. Но тут, к счастью для нее, подали второе.

На протяжении трапезы она старалась изо всех сил сконцентрироваться на пустой болтовне сестры Арчи Элизабет, которая сидела рядом с ней. Та трещала без умолку обо всех тех шикарных туалетах, которые ей сшили к началу сезона. Между тем его светлость лорд Арчи, сидевший напротив, весь обед бросал на нее виноватые взгляды. Аурелию посадили рядом с ним, и она изо всех сил старалась втянуть его в разговор, но, кажется, ей это плохо удавалось. Судя по всему, мысли Арчи, как и мысли самой Флоры, были заняты совсем другим. Пока она сражалась с основным блюдом – запеченная лопатка молодого ягненка, предусмотрительно сдвинув свой кусок мяса на самый край тарелки, в ее голове теснились самые разные планы отмщения. Например, затащить бы сейчас этого Арчи на конюшню и врезать бы ему как следует по этой бесстыжей аристократической физиономии. Желательно прямо по носу. Но вот наконец Алистер отодвинул стул и объявил, что уходит к себе в кабинет. Надо, дескать, поработать с бумагами.

– Мы с Арабеллой и Элизабет посидим в гостиной, – жизнерадостным тоном объявила Роза, тоже поднимаясь из-за стола. – Нам есть о чем поговорить, не так ли, дорогая?

– О, да, – милостиво согласилась с ней леди Воган.

– А ты, Аурелия, покажи Арчи наш сад. Ступайте, прогуляйтесь немного. Сегодня солнечный день, но все равно оденься потеплее, – обратилась Роза к младшей дочери и тут же дала свои пояснения уже леди Воган: – Несколько недель

тому назад Аурелия сильно болела. Простудилась. Впрочем, стоит ли удивляться, когда живешь в этом забытом богом северном крае?

Флора оказалась единственным членом застолья, не получившим никаких дальнейших указаний относительно того, что ей делать дальше. А потому она тоже поднялась из-за стола и молча проследовала за остальными из столовой. Но как только, оказавшись в холле, она увидела, что мать в сопровождении леди Воган и ее дочери Элизабет исчезли в гостиной, а сестра вместе с Арчи направились к входной двери на прогулку в сад, она, с трудом преодолевая боль во всем теле, стала медленно подниматься по лестнице к себе в комнату.

И лишь очутившись у себя в спальне и сразу заперев дверь на ключ, она почувствовала себя наконец в безопасности и тут же рухнула на кровать, блаженно потянувшись и тотчас же отключилась.

Уже вечерело, когда Флора проснулась. Ее разбудил негромкий стук в дверь.

Она быстро скатилась с постели, села, выпрямившись, и

только потом спросила:

– Кто там?

– Это я, Аурелия. Можно войти?

Флора с трудом доковыляла до двери и отперла замок.

– Привет.

– Арчи рассказал мне, что случилось утром. Как ты сейчас себя чувствуешь? – Аурелия бросила на сестру озабоченный взгляд. – Он очень переживает за тебя, буквально убит тем, что все так произошло. Только об этом он и говорил всю прогулку. Даже настоял на том, чтобы написать тебе коротенькую записку с извинениями. И я пообещала, что отдам записку тебе. Вот! – Аурелия протянула Флоре конверт.

– Спасибо. – Флора равнодушно опустила конверт в карман своего платья.

– Ты что, не собираешься читать ее?

– Позже.

– Флора, я все прекрасно понимаю, поверь мне. Да, так уж получилось, что вы с ним встречались дважды и обе эти встречи оказались... скажем так, не очень счастливыми. Но если честно, то Арчи ужасно милый молодой человек. Уверена, он и тебе понравится. Просто ты должна дать ему еще один шанс. Мне он очень понравился... Очень!

Флора перехватила мечтательный взгляд Аурелии, которой та устремила в окно.

– Вот так беда, Аурелия! Неужели он уже успел растопить твое сердце, сестрица?

– Я... Ну, конечно же, нет! С чего ты взяла? Однако и тебе следует признать очевидное: он красив как бог. И, судя по всему, очень умный. Кажется, на свете нет такой книги, которую он бы уже не успел прочитать. Целый год путешествовал по Европе. Словом, он очень образованный и культурный. Я, пока мы беседовали, все время чувствовала себя такой простушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.